

Свидрицкая Н.

Хроники Нордланда

Цветы зла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Свидрицкая

Хроники Нордланда. Цветы зла

«Автор»

2018

Свидрицкая Н.

Хроники Нордланда. Цветы зла / Н. Свидрицкая — «Автор»,
2018

Братья Хлоринги, объединившись, ищут союзников и возможности противостоять интригам своих врагов, каковыми сейчас, кажется, являются все: Сулстады, доминиканцы, посол-инквизитор Дрэд и междуреченские мятежные лорды. Даже братья их матери, эльфийские князья Тис и Гикори, намерены ускорить крах Элодиса, чтобы вернуть себе исконные земли эльфов, и судьба племянников их волнует мало. В ход идут предательство, интриги, и даже чёрное колдовство. Врагов много, и большинство из них невидимы и неуловимы; а братья молоды и неопытны. И всё же они готовы вступить в игру. Содержит нецензурную брань.

© Свидрицкая Н., 2018

© Автор, 2018

1.

Не думала, что меня так увлечёт моё занятие! Мне нравится вспоминать и выкладывать мои воспоминания на бумагу. Так они становятся словно бы и не моими, начинают жить своей, отдельной от меня, жизнью, и я уже воспринимаю ту девочку, которой тогда была, не как себя саму, а как героиню этой книги, и всё, что с нею произошло – как перипетии сюжета, не как реальность. Может, мне стоило сделать это уже давным-давно и избавиться, наконец, хоть от части давящего на меня груза прошлого?.. Да, оно давит на меня. Я давно избавилась от того ужаса, я даже отомстила, я победила, и всё равно мне больно. Если бы я верила, хоть немного, что те, кто делает такое с людьми, особенно с юными и неопытными, ранимыми, имеют хоть какую-то совесть, хоть что-то человеческое в душе, я сказала бы им: из сиюминутной прихоти вы калечите целую жизнь – зачем?! Неужели ваш поганенький кайф стоит таких мук и такого горя?! Но я не верю в то, что эти люди способны понять и остановиться. Я столько их видела, и ни один из них не способен был даже раскаться, даже о чём-то пожалеть. Таких останавливает только страх перед наказанием.

Может, я и ошибаюсь. Дай Бог. Может, есть и такие, кто просто не задумывается о том, что творит, просто привык потакать себе во всём и не умеет думать о последствиях, не понимает ответственности. Я не хочу огульно клеймить всех. Но то, что я знаю, подсказывает мне: большинство из них не просто всё понимают, они наслаждаются именно тем, что получили какую-никакую власть, оставляют в чужой душе болезненный и глубокий след. Они хотят этого и наслаждаются этим.

Но я и так уделила им слишком много внимания! Я закрыла страницы горя, позора и насилия, чтобы без особой нужды не возвращаться к ним больше, закрыла с облегчением. Оказывается, писать о них так же тяжело, как и вспоминать, и я так и не смогла написать, как было, я всё равно смягчала и вуалировала, хоть в это и верится с таким трудом. Это просто невозможно для меня теперь: по-настоящему вернуться туда, окунуться в это безумие. Я всё равно стараюсь оградить себя от него, как угодно, но оградить. Честное слово, паузу в своей повести я сделала не для того, чтобы напустить таинственности или испытать терпение того, кто, возможно, всё же прочтёт это. Просто мне захотелось подольше остановиться на тех волшебных часах того чудесного дня. Конечно, для меня, да и для многих других моих героев, чудесным он не был. Но и в нашей жизни, и в жизни всех, кого я уже упоминала и ещё упомяну, этот день начал новый отсчёт, даже если мы этого ещё тогда и не знали, и даже помыслить не могли. Это был такой отчётливый и контрастный рубеж, что не сделать здесь паузу я просто не могла, мне как-то показалось, что она здесь уместна.

Эльфы по-особому относятся к судьбе. Они верят в избранность, но по их вере, те, кто избран, не обязательно непременно совершат своё деяние. Прежде, чем они совершат то, к чему предназначило их мироздание, их ждут испытания и страдания, так их испытывают на прочность, дают возможность накопить опыта и сил, научиться чему-то. Даже дайкины говорят, что кого Бог не любит, того не наказывает. Смысл в этом, я думаю, такой: если тебя постигло несчастье, если ты потерпел какой-то ущерб, испытал какую-то боль, то вместо того, чтобы сетовать на судьбу и на Бога, жаловаться и ныть, подумай: чему тебя учит это, от чего впредь предостерегает, за что наказывает? Что ты делаешь не так?.. Если ты, как котёнок, которого натыкали носом в собственную лужу, только злишься и ишиши на хозяина, то тебя так и будут макать в твои лужи, и в конце концов вышвырнут из дома вон. Я думаю так: вместо того, чтобы ныть и кланяться у судьбы милости, утри сопли, поблагодари за урок и меняйся, учись, ищи верный путь! А если не найдёшь, твоё свершение так и останется несделанным, и мир пойдёт иным путём, не тем, которым он пошёл бы, окажись ты сильнее и мужественнее. А может, и умнее. Я так же думаю, что было бы, если бы все мы оказались хоть немного слабее?.. Да, нам часто везло. Но и везение

приходит не просто так. Это часть узора судьбы, слишком сложного, чтобы в наших силах было распутать хоть малую его часть. Но я решила попытаться. Сначала я думала, что это будет короткий и простой рассказ... наивная! Я столько написала, но не подобралась ещё и к середине. Но и изменять что-то, что-то выбрасывать я не хочу. Пусть всё будет, как есть, как получается, ведь меня саму чрезвычайно захватило это повествование. Чем дальше я ухожу в наше прошлое, тем живее вспоминаются и рисуются мне его картины. Говорят, нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Но оказывается, можно. В моей повести шумит листва, которая давно облетела и истлела, идёт дождь, который давно ушёл в землю и исчез, напитав корни растений, что давно иссохли, и я вновь опускаю руку в ту воду, что давно смешалась с водами мирового океана. В ней звучат голоса, что давно умолкли, и сердца, которых больше нет, вновь бьются, страдают, любят и ненавидят. И уже только ради одного этого можно было затеять этот труд! Так что: назад, в прошлое! Ведь мы, с моими героями, вплотную подошли к тому, что стало началом легенды – ибо все легенды о нас начинаются именно здесь, наше прошлое окутано тайной для всего острова. Если вы не знаете эти легенды, поезжайте в Лионес, там вам расскажут их так красочно, как больше, пожалуй, нигде; и вы согласитесь, что это самые прекрасные и страшные легенды из всех, что вы могли услышать в обоих королевствах.

Я же здесь рассказываю только правду. Без прикрас. Страшную... Но и ещё более прекрасную.

Книга вторая Цветы зла

Часть первая Хлоринги

Глава первая Королевская Дорога.

Потерпев сокрушительное поражение от руссов, с которыми уехал Гор, Шторм едва смог сбежать, проклиная про себя своих поделщиков, не умеющих как следует сражаться и рискнувших сунуться к умелым бойцам. Сам он спасся только потому, что бросился в реку и уплыл под водой. Вынырнул у небольшого островка посреди Фьяллара, отплёвываясь, стараясь отдышаться и успокоиться. Ему не в чем было себя обвинить, он единственный дрался хорошо и сумел ранить своего противника и спастись от него. Отжав одежду и развесив её сушиться на кустах, Шторм присел на солнышке – не смотря на очень тёплую погоду и жаркое солнце, была, всё-таки, ещё весна, и быстроводный Фьяллар, стекающий с Северных гор, не годился ещё для купания. Лязгая зубами, Шторм мрачно смотрел на покинутый берег. Он не видел того, что там сейчас происходило, но знал всё и так. Не чувствуя вины, он, тем не менее, переживал, что не выполнил приказ любимого Хозяина и подвёл его... Но и в глубине души был почти рад тому, что произошло. Гор ему нравился. Мало того: Шторм знал, что именно Гору обязан тем, что не отправился в Галерею, а ведь он насмотрелся, будучи в страже, на то, что там происходило! Гор был предателем, обманувшим доверие и предавшим любовь Хозяина, да – но он и уважения какого-то заслуживал. Кто-кто, а Шторм отлично понимал, что у Гора не было ни единого шанса, чтобы сбежать! И тем не менее он сбежал... В отряде не было ни Эрота, ни уродки, Гор был один. Значило ли это, что уродка сбежала отдельно, а Эрот погиб?.. Шторм не знал. Переживая о том, что и как он скажет Хозяину, Шторм против воли тихо радовался тому, что Гор жив. И страшно злился на себя за это.

– Что ты думаешь насчёт девчонки Хлоринг? – Спросил Кенка, едва дождавшись, пока брат закончит есть и переместится в кресло, покрытое шкурами с оленьих брюшек. Кресло было огромное, но Титус Сулстад, герцог Далвеганский, заполнил его целиком. Он был высокий, толстый, прямо-таки необъятный, с крупным лицом, толстыми губами эпикурейца,

огромным носом – ничего общего с братом, кроме немного выступающей вперёд челюсти и нижней губы. Не смотря на то, что съел он столько, сколько обычного человека убило бы на месте, герцог продолжал есть. Теперь он поглощал жареные и подсолненные орешки из большой чаши, запивая их густым красным вином. Посмаковав вино, он ответил брату кратко:

– Ничего.

Кенка занервничал:

– Может, на ней жениться мне?

– Пока жив Гарет Хлоринг, девка на хрен не нужна. – У герцога был забавный дефект речи: он и картавил, и шепелявил одновременно. – Если он женится и заделает наследника, что мне с девки? Ничего. Она, говорят, зараза та ещё и дура к тому же. У тебя тоже есть девка. Выдай её за Хлоринга!

– Сдурел?! – Выпучил глаза Кенка.

– Он поссорился с Эльдебринками. Кинул их бастардку. Это наш шанс. Пусть заделает тебе внука-Хлоринга, да и сдохнет.

– Предлагаешь его убить?

– Дураком-то не прикидывайся. – Герцог, сопя и одышливо вздыхая, облизал пальцы, и макнул их в ореховые крошки, подбирая остатки. – Убьёт его Драйвер. Мы науськаем на него молодого Хлоринга, расскажем ему, что именно Драйвер убил его мать и брата, и тот, как миленький, помчится разбираться. Там и голову сложит, и ты отомстишь за зятя. Чем тебе история не нравится? – Он метнул на брата тяжёлый взгляд из-под длинных, загнутых, как у девушки, ресниц. – Убьёшь трёх зайцев. Рим знает про Сады Мечты.

– Откуда знаешь? – Напрягся Кенка.

– Знаю. – Кратко ответил герцог. Не будь он таким толстым, он был бы по-настоящему красив; не будь он таким ленивым, он правил бы миром. Для этого у него было всё: цепкий ум, отвага, решимость, интуиция, которая тем, кто знал его, казалась сверхъестественной, блестящее образование и недюжинные аналитические способности. Вдобавок, он прекрасно разбирался в людях. Порой он утверждал что-то без всяких на то доказательств, интуитивно – и всегда оказывался прав.

– Пока они приберегут эту информацию. А потом используют, чтобы принести сюда инквизицию на копьях иоаннитов. Их командор уже на Острове, в Элиоте, это точные сведения. – У герцога была одышка, и говорил он отрывисто, коротко. – Драйвера нужно бросить псам, он больше не нужен, он опасен. И он, и его притон.

– Но...

Герцог скривился:

– Знаю я, Дристон, что ты жмёшься. Притон придётся сдать, но его фермы, а главное, его сеть по поиску этих полукровок достанутся тебе, не ссы, без игрушек не останешься.

– Как будто ты не оттуда же кормишься! – Огрызнулся Кенка. Его бесило детское прозвище, но поделать он ничего не мог. Брат знал его позорную тайну: Кенка был трус. В детстве он боялся темноты, пауков, сороконожек, уродливых старух, змей, гусей и собак. Старший брат, сам будучи бесстрашным, жестоко глумился над ним, но и защищал. В этой ленивой глыбе жира горел огонь, было то, чего Кенке фатально не хватало: отвага, полнейшее презрение боли и всех страхов мира.

Герцог не ответил, но это было и не нужно. Кенка хмурился, обдумывая план.

– Ну, девка у меня, положим, вышла не хуже кардиналовой бастардки. Но как я её Хлорингу предложу? Мы же в контрах?

– Всему учить надо! – Выпятил толстые влажные губы его брат. – Твоя девка в Лосином Углу киснет...

– Не киснет!

– Без разницы! Устрой так, чтобы на неё напали, и чтобы он спас. На радостях примиришься с ним, и всё пойдёт, как по маслу. – Он тяжело положил жирные руки на подлокотники кресла. Ему всё ещё хотелось что-нибудь съесть, и он приказал принести ему маринованной капусты с грибами.

– Ты опять с мальчишкой. – Заметил хмуро.

– Он мой армигер!

– Он красавчик из тех, что тебе нравятся. Он Эльдебринк, Дристун. Не играй с огнём, отошли мальчишку к мамочке! В мире полно задниц, из-за которых не порвут твою, пользуйся ими, а пацана отправь домой!

– Ну, ты уж совсем! – Прошипел Кенка. – Я не идиот, слава Богу.

– Нет, ты как раз идиот! – Повысил голос герцог. – Я сказал, ты меня услышал! Пеняй потом на себя. Если мы рассобачимся с Эльдебринками из-за того, что ты «уй в штанах удерживать не можешь, я тебе сам его оторву! Ты понял?!

Из соседнего помещения донёсся детский визг и смех, там играли маленькие дети, девочки. Кенку передёрнуло. В глубине души он был уверен, что не смотря на собственные грехи, он, всё-таки, не то, что брат – пятилетних девочек не трогает! Да и мальчиков моложе двенадцати – тоже! Герцог же был уверен, что в отличие от Кенки, пытающего и убивающего своих жертв, он просто добрый папочка. Он, в конце концов, вообще ничего плохого не делает! Он своих девочек любит, балует, они у него живут, словно принцессы, да что там – лучше принцесс! Он ведь их даже не насилует, а уговаривает, задабривает, приручает к себе... И оба брата, втайне презирая друг друга, черпали в этом презрении и самооправдание, и самоуважение.

Гарет помчался из Гранствилла сломя голову, с небольшой свитой, еле поспевающей за ним и недоумевающей, куда это так несётся их герцог?.. Гарета в самом деле бил мандраж; ему казалось, что нужно торопиться, встретить кого-то где-то, что-то немедленно сделать, предпринять... В таком состоянии он домчался аж до Орешков, где почувствовал, что его любимый конь на пределе своих сил, и остановил его на околице, словно очнувшись. Огляделся, проморгался: было светло, пели птицы... Почему только что ему казалось, что сумерки и идёт дождь?! Он приложил ладонь ко лбу.

– Патрон! – Подъехал к нему Марчелло, конь которого тоже тяжело дышал и ронял пену, весь покрывшись тёмными пятнами и белыми разводами подсыхающего пота. – Патрон, что с вами?

– Я не знаю. – Дико глянул на него Гарет, вытер рукой лицо. – Я не знаю, что со мной будет, если я вернусь ни с чем. Я этого не вынесу, Марчелло. Я не вынесу.

– Успокойтесь, патрон. – Попросил Марчелло. – Эта девушка, она перевернула вашу душу... Помните, что они могут быть и самозванцами, придумавшими особенно тонкую игру. Держите себя в руках! Послушайте своё сердце, что оно говорит о вашем брате?

– Ничего. – Испуганно взглянул на него Гарет. – Я ничего не чувствую... Вообще ничего, понимаешь?! – В голосе его Марчелло уловил первые нотки паники. Решительно взял его коня под уздцы:

– Нам нужно отдохнуть, дать передохнуть лошадям и успокоиться. Здесь есть хороший трактир, патрон, остановимся там!

Гарет не спорил. Желание мчаться куда-то не пропало, но как-то притихло; он понимал, что Марчелло прав, а главное, герцогу не нравилось собственное состояние, его следовало превозмочь и вновь стать полноправным хозяином своих чувств и поступков. И нужно было отправить человека к отцу, как-то обосновать для него свой внезапный отъезд, успокоить, и ни в коем случае не волновать его раньше времени упоминанием о брате. Наверняка его высо-

честву уже доложили, что герцог умчался, как бешеный, не сказав, куда и зачем, и тот с ума сходит от волнения!

Но даже полчаса спустя, уже сидя в отдельном зале трактира, вымытый и переодевшийся, Гарет успокоиться не мог. Страшное дело, но у него даже аппетит пропал! Высокий и не худенький, ел герцог всегда от души, и что бы ни случилось, от хорошего куска мяса он не отказывался никогда. До сегодняшнего дня. И видя это, Марчелло встревожился не на шутку.

– Я не знаю, что мне делать. – Признался Гарет. – Я чувствую, что надо что-то делать, но что – не понимаю. Не могу понять. Знаю одно: он в опасности, если сбежал, и в огромной опасности! Драйвер вот так просто не позволит ему уйти, не сможет так рисковать тем, что брат встретится со мной или с теми, кто его может опознать.

– Да, патрон. Судя по моим сведениям, он рвёт и мечет. И особенно – на дорогах, ведущих на север. И не только он. Мои источники сообщают о людях инквизиции, о некоем Торкилле Ван Даллене, мяснике из Элиота...

– А этому-то что нужно?! – Воскликнул, искренне изумлённый, Гарет.

– Он частый гость некоей Барр, патрон. Так же, как и граф.

Гарет издал долгий тихий свист, глядя на Марчелло и не видя его. Пазл начинал потихоньку складываться настолько, что проступили кое-какие очертания картинки.

– Наверное, и Кенка, тварь, знал, где мой брат. – Сказал очень тихо. – Я это чувствовал. Мы как-то встречались, в Сансет, у королевы. Мне было четырнадцать, отец собирался отправить меня в Данию. Я как раз тяжело болел, только начал вставать. Это было из-за брата, в то время плохо было и ему. Кенка поздоровался с отцом, и потрепал меня по щеке. Сказал: «Красивый растёт мальчуган! Вылитая мать, пусть земля ей будет пухом». Я тогда... такую ненависть почувствовал... Мне захотелось броситься на него, руку его поганую оторвать и в плотку ему воткнуть... Отец мне тогда долго выговаривал. Говорил, что Кенка и ему неприятен, но люди нашего круга не должны так вести себя, не имеют права. И наши чувства, какими бы они ни были, не должны проявляться так явно. Что человек, который вызвал во мне гнев и заставил его проявить, тем самым получил надо мной и моими чувствами власть. А я не имею права позволять кому бы то ни было манипулировать мной. Я должен быть выше этого и недоступен для манипуляций. – Гарет расстегнул ворот сорочки, посмотрел в окно. – Я возненавидел тогда Кенку, не смотря на все слова отца, и ненавидел его всегда, хоть и не так, как Драйвера. А Кенка замешан в этом... И я уверен: его жирный извращенец-братец тоже! Ненавижу их... Ненавижу их всех! Пусть отец говорит, что хочет, пусть даже он тысячу раз прав, и я знаю, что он прав!!! – Гарет оттолкнул прибор, рывком поднялся, распахнул створки окна. – Воздуха не хватает... Марчелло, что мне делать?! Я не знаю!!! Что, если я помчусь ему навстречу и разминусь?.. А его схватят из-за меня?! Что, если всё это только мои мечты, а на самом деле его уже давным-давно нет, и мне только кажется, что я его чувствую?! Я слышал, как старые воины с ампутированными руками и ногами говорят, что у них болит несуществующая конечность?! Что, если это такая же боль, боль того, чего нет, а мой брат умер тогда, когда нам было тринадцать?!

– Скажите, патрон, – осторожно спросил Марчелло, – а что вы сделаете, когда найдёте его?..

Первый раз на них напали сразу после деревеньки Броды, в лесу на полпути в Лебяжье. Это были наёмники Драйвера, уже знакомые Гэбриэлу кватронцы и полукровки, в чёрной одежде, с закрытыми лицами. Они были хороши против крестьян и горожан, но против профессионалов у них не было ни единого шанса; схватка оказалась короткой, и никто в отряде Ставра, кроме пары царапин, никакого ущерба не получил. Половина нападавших позорно бежала, остальных положили на месте. Ставр и Ульян осмотрели тела, но никаких гербов или опознавательных знаков не обнаружили.

– И с кем же мы дело имели? – Поинтересовался Ставр.

– Моисей звал его бароном Драйвером. – Припомнил Гэбриэл. – А сам он себя зовёт Хозяином.

– Знаю я этого Драйвера. – Кивнул отец Михаил. – Ожидаемо! Он был пасынком Райдегурда, о котором я говорил.

Ставр присвистнул.

– Понятно, откуда ноги-то растут... Поехали-ка поскорее отсюда. Не люблю я эти чародейские дела!

– Я хочу сражаться! – В отчаянии заявил Гэбриэл. – Хочу постоять за себя...

– научись! – Отрезал Ставр. – А сейчас – вперёд!

Они ехали со всей возможной для коней скоростью, и к ночи уже были в Грачовнике, перед которым, на перекрёстке, обнаружили оставленные Гаретом, посаженные на колья трупы и головы.

– А одежда-то знакомая! – Заметил Ставр, задерживая коня перед трупом кватронца со шрамом, который уже ощутимо пованивал. – Кто это их так?..

– Его светлость, – тут же откликнулся дремавший в тени большого тополя крестьянин, которому велели каждому, кто остановится и заинтересуется, объяснять, что к чему, – герцог, то есть, Элодисский. Это, господа хорошие, Дикая Охота, паскудники и охальники, которые девчонок и мальчишек по деревням крали средь бела дня и всяческим непотребствам того, подтверждавали. За то их его светлость перебил всех, головы

самолично посрубал, а которых живыми взял, на кол посадил. Вчера только последний хрипеть перестал! Живучий. Теперь у нас все говорят, что молодой герцог здесь ещё всем покажет, дай ему Бог здоровья!

– Это хорошо, – повеселел Ставр, – что с герцогом мы не поссоримся, это очень хорошо! – И скомандовал привал на пологом берегу Фьяллара, под сенью здоровенных тополей. Три фонаря с нефтью на ветках, и три больших костра дали света достаточно, чтобы заняться, кому это было необходимо, починкой амуниции и одежды и прочими бытовыми мелочами. Местные принесли на продажу продукты, и на кострах вскоре, нанизанные на вертела, зашкворчали куски баранины от двух туш, распространяя упоительный аромат. Савва предложил Гэбриэлу поупражняться на мечях, и свободные воины тут же собрались в кружок, чтобы посмотреть и посоветовать. Гэбриэл взял в левую руку огромный шаршун, перехватил его поудобнее, услышал, что это двуручный меч, и, отрицая уверения зрителей, что одной рукой сражаться не сможет, легко взмахнул им и рубанул воздух.

– Силён! – Восхитился Савва. – А ты только левой можешь?

– Я и правой могу. – Пожал плечами Гэбриэл. – Только она у меня сломана была, и ещё побаливает.

Физическая сила в эти времена вызывала огромное уважение, и акции Гэбриэла мгновенно взлетели до небес. Он сразу же получил советов от бывалых воинов на всю оставшуюся жизнь, а главное – Гэбриэл чувствовал себя так, словно уже держал меч в руках. Он точно знал, что этого никогда не было, но рука его словно помнила тяжесть меча, когда он перехватил его половчее и повторил показанную Саввой «звезду».

– Ты точно впервые меч в руки взял? – Спросил Ставр, который тоже подошёл посмотреть. Гэбриэл кивнул, и глаза его горели таким детским восторгом, что усомниться в его словах было бы грешно.

– Ты быстрый. – Заметил Ставр несколько минут спустя. – И гибкий. При такой силе и таком росте – это неожиданно и опасно. Убивать-то понравилось?

– Нет. – Насторожился Гэбриэл. – Но будет надо – убью опять

– Это хорошо... – Задумчиво глядя на него, сказал Ставр. – Что не понравилось. – И отошёл.

Полужинав, Савва и Гэбриэл вновь взяли за мечи, и воины снова потянулись к ним, советуя и подсказывая, пока Ставр не напомнил им, что завтра вставать с рассветом, а ночи нынче короткие. Тогда воины начали устраиваться на своих лежанках вокруг костра, Ставр с Ульяном и священники ушли в шатёр, а Гэбриэл отошёл к воде, вымыл руки, умылся и начал обёртывать куском чистого холста сбитые костяшки пальцев, глядя на реку и на еле видный отсюда противоположный берег, залитый волшебным лунным светом. В реке плескалась рыба, тихо, и как-то умиротворённо урчали и свистели ночные существа. В этот миг Гэбриэлу даже мечтать было незачем – всё было прекрасно и так. Он смотрел и слушал, погружившись в странное состояние, доступное одним лишь эльфам, грёзу наяву, став одним целым с погружённой в дрему природой и растворившись в ней. Пульсация огромного леса, его энергия, его тайная жизнь вошли в него и наполнили его вены, его душу, стирая зло и боль, излечивая и обновляя... Только благодаря этой способности эльфы могли жить сколь угодно долго; пока они жили в одном ритме с родной землёй, они не умирали и даже не старели – и потому же никогда не покидали свою землю, а если им приходилось это сделать, быстро умирали. Гэбриэл этого не знал, он даже не вполне понимал, что происходит, и как он это сумел. Это произошло само собой, совпало так. Но от этого транса он очнулся, словно и не было изнурительных тренировок, а до этого – долгого пути верхом. Даже нога больше не болела. Но Гэбриэл этому почему-то ничуть не удивился.

Александру Барр унижала сама мысль о том, что в поисках щенка проклятой эльфийской ведьмы она вынуждена полагаться не на свою магию, а на донесения поганых людишек. Попик, которого она нашла сама, оказался никчёмным ничтожеством; всё, что он смог пролепетать, так это: что волшба – смертный грех. Правда, когда она подняла его и допросила, он рассказал массу никчёмных вещей: что щенок, которого он называл Гэбриэлом – и это было неприятным сюрпризом, Барр не ожидала, что мальчишка помнит своё настоящее имя, – просто ангел, щедрый, добрый, и всячески прекрасный. Что попик отвел его к какому-то еврейскому банкиру, но забыл имя. Он мог показать дом, но на полпути рухнул, и ничего с ним больше сделать Барр не смогла. У евреев была собственная волшба, совершенно Барр не понятная; может, дело было в ней... Какая теперь была разница! Барр расположилась в гостинице Старый Дуб в Сандвикене, дожидаясь своих агентов. Получив наконец донесение о том, что щенок с русами едет на север по Королевской дороге, Барр рванула в погоню, проклиная себя за то, что не расположилась где-нибудь в Грачовнике, где легко перехватила бы их сама.

Она почти их нагнала. Она чуяла, что нагоняет, едва не загнав своего вороного Лирра. И вынуждена была остановиться у моста через Черемиху, за которой начинался Элодисский лес. Деревья зашелестели, вздохнули протяжно, вкрадчиво, в их шелесте ведьме послышался шепот: «Добро пожаловать в мой лес, убийца моей внучки. Что же ты медлишь?.. Входи». И Барр не посмела. Прошипела сквозь зубы:

– Будь ты проклята, эльфийская ведьма... Я найду на тебя управу, всё равно найду! Немного осталось! – Разворачивая храпящего коня. Сдаваться она и не помышляла, и вернулась в Сандвикен.

Как она и думала, Аякс нашёлся в корчме, где, как обычно, жрал. Иначе то, что он делал, назвать было нельзя. Вместе с хозяином в зале находилась его жена, молодая и застенчивая блондиночка, опрятная, чистенькая, как и всё их заведение, светлое, чистенькое, уютное, с букетиками цветов на столах. Аякс потребовал себе живого цыплёнка и сначала оторвал ему крылья, потом откусил голову, и теперь жрал, вдоволь наладившись ужасом молоденькой женщины, которая едва не упала в обморок, а теперь рыдала у себя в спальне. Хозяин тоже был сам не свой. Постояльцы потихоньку покинули трактир, не доев и не допив заказанную еду; чёрно-белый кот, спрятавшись, шипел и выл, нервируя Аякса, который, как и Хозяин, и сама Барр, ненавидел кошек. Когда Барр вошла, он как раз рывкнул вне себя:

– Заткнись, тварь, поймаю, голову оторву!!! – И швырнул на голос полупустой бутылкой. Барр приподняла место, где у обычных людей растут брови:

– даже так?..

– А ты, небось, магией его уделаешь? – Сощурил и без того мелкие глазки Аякс. Барр предпочла не ответить. Не стоит ему знать, что кошки, как и эльфы, магии смерти неподвластны! Села напротив, с отвращением глянула на кровь, пух и перья, прилипшие в щекам, губам и подбородку.

– Присоединяйся! – Подмигнул Аякс, и Барр слегка передёрнулась.

– Чё кривишься? – Тут же отреагировал Аякс. – Это свежачок, тёпленький ещё! Не то, что тухлая мертвечина, с которой ты возишься!

– Я нашла щенка. – Сказала Барр, и Аякс тут же напрягся. Бросил останки растерзанного цыплёнка на утративший чистоту и опрятность стол, утёр рукой рот и подбородок:

– Где? – Спросил коротко.

– Я скажу тебе, где он, с кем и куда отправляется, если ты...

– Я и без тебя знаю. – Перебил её Аякс. – Есть только одно место, куда ты не попрёшься за ним сама. Это Элодисский лес! Он у эльфов, а?

– Я должна получить его ненадолго целым и невредимым. А потом можешь забирать его и делать всё, что хочешь.

– С чего это мне делать что-то для тебя?

– Я тебя отблагодарю.

– Чем?! – Фыркнул Аякс. – Что ты можешь, ведьма?! Я срал на вашу магию, и эльфийскую, и твою!

– Но ты хочешь потомства, а его у тебя нет. – Скромно опустила очи долу Барр. – Ты последний рыжий тролль, и вот незадача: бесплодный! Ни одна изнасилованная тобой девка не понесла от тебя!

– Ты-то что здесь можешь? – Огрызнулся Аякс. – Это не твоя епархия, труподелка!

– Ты недооцениваешь магию смерти. – Сладко улыбнулась Барр, глаза её засветились злобным торжеством. – Я могу и это, и многое другое. Мне нужна будет беременная эльфийка с живым плодом в утробе. Или, хотя бы, эльдар. И рыжие тролли вновь заселят Остров.

– Хорошо. – Сипло сказал Аякс. – Но я тоже хочу щенка живым и по возможности здоровым.

– О, насчёт этого не беспокойся! Мне он нужен не для этого.

– А для чего? – Искренне поразился Аякс.

– Это моё дело. – Пожала плечами Барр.

Уходя, она наложила проклятие на дом и его хозяев и домочадцев, но из-за паскудного кошака проклятье вышло смазанным, в пол силы. Ну, ничего. Барр надеялась, что с гадким животным разберётся Аякс. По-своему.

По-настоящему кровопролитная стычка произошла в лесу, сразу за Старой. Эта стычка, где противниками руссов были уже не отморозки Драйвера, а настоящие бойцы, наёмники вроде них самих, стала боевым крещением Гэбриэла, потому, что он тоже вступил в бой. Недостаток навыков компенсировали ловкость, реакция, скорость и сила, помноженные на жгучее желание не быть бесполезным. Забыв все наставления Саввы, он схватился с первым подвернувшимся под руку противником, здоровенным латником, вооружённым огромным топором и круглым щитом, которыми он орудовал с завидной ловкостью. К своему удивлению, Гэбриэл на своей шкуре убедился, что щит – это не только защита, но и вполне себе успешное оружие в умелых руках, когда получил краем этого щита в живот и едва успел отшатнуться, так, что удар, который должен был выпустить из него воздух и вывести из строя, только доставил пару неприятных ощущений. В очередной раз его спасли ловкость и быстрота. И, может быть,

везение. И то, что от человека его роста и сложения обычно быстроты и ловкости не ждут?.. Разделавшись с первым противником, Гэбриэл стремительно обернулся, увидел, что к Савве, который схватился сразу с двумя, мчится конный с пикой, и ринулся ему наперерез. Не долго думая, изо всех сил толкнул обеими руками коня в плечо, и тот, взвизгнув, споткнулся и упал на колени, а всадник красиво перелетел через его голову. Гэбриэл мечом плашмя, как палкой, огрел его по голове с совершенно убийственным результатом, обернулся, но Савва уже справился, и весело подмигнул ему. Нападавших оказалось двадцать пять человек, дрались они отменно, и трое руссов были ранены, один убит. По каким-то признакам Ставр определил, что они были из Далвегана; Гэбриэл не заморачивался этими вещами. Он неожиданно для себя самого оказался героем дня, воины хлопали его по спине, трепали по голове, поздравляли и хвалили все, даже Ставр. Двое убитых в первом же бою! Да ещё отличные трофеи, в виде вороной лошади, нервной, молодой, с белой полоской по морде и в белых носочках на задних ногах, её снаряжения, арбалета, двух щитов, топора и очень хорошего меча, не говоря уже о содержимом двух сумок, в которых обнаружилось обычное солдатское барахло и два весьма увесистых кошель с деньгами, золотыми и серебряными цепочками и кольцами, и отличные латы. Деньги и золото отдали князю, и тот, пересчитав, выдал всем их долю. Гэбриэлу достались пятьдесят талеров, то есть, целый дукат, и пригоршня пенсов и геллеров. Он усмехнулся, вспомнив Иосифа – жизнь не только не потребовала от него отданные деньги, но уже часть их вернула обратно. Савва помог Гэбриэлу продать всё, кроме лошади, её снаряжения и меча, на рынке в Белом Яре, и к капиталу Гэбриэла прибавились ещё сорок талеров. Но больше всего его радовала лошадь. Каждую минуту он любовался ею, назвал Красавицей, при первой же возможности начистил её шкуру и начесал гриву так, что те заблестели, как шёлк и атлас, и всё никак не мог вполне нарадоваться самой мысли, что стал наконец-то полноценным владельцем собственной лошади. Даже то, что знатоки из руссов определили её, как полукровку английского шайра и местной породы олджернон, его умилило: он ведь тоже был полукровка!

Из Белого Яра им не дал уехать ливень: налетел совершенно неожиданно, и превратил землю, очень чёрную в этой местности, в жидкую грязь, воды Фьяллара в свинцовую рябь, а противоположный его берег – в серую пелену. Савва и Гэбриэл укрылись на сеновале, а остальные – в трактире. Симпатичная служанка-кватронка принесла им обед, и Савва поймал её за подол, притягивая к себе. Та взвизгнула, но скорее кокетливо, чем возмущённо, и присела к нему на колени, делая вид, что покоряется судьбе.

– Живёшь-то где? – Спросил он, с удовольствием оглядывая её ладную фигурку. Гэбриэл с изумлением созерцал происходящее: флирт и заигрывания были для него вещами фантастическими.

– В чулане при кухне. – Ответила та. – Хозяин пристроил, симпатичный такой, просторный. Вроде всё по Эдикту, но там уютно и чистенько, и светло.

– А хозяин, – Савва стиснул её сильнее, – тоже симпатичный, а?..

– Ничего такой. – Девушка поёрзала, высвобождаясь. – Получше прочих.

– И лучше меня?

Она фыркнула:

– Много думаете о себе, сударь! – Вырвалась. – Мне с вами тут прохлаждаться недосуг! Гостей надо обслуживать... – И убежала, взмахнув юбками. Савва подмигнул Гэбриэлу:

– Ничего, ночью будем с тобой при бабах. Здесь, в Элодисском лесу, к полукровкам относятся получше, чем везде, видел – слугами их держат, в дом пускают. Заночуем на сеновале в Июсе, вот увидишь, сами набегут! Женский пол нас очень даже уважает... Считается, что полукровки в этом деле ого-го! Ну, – потёр он руки, – что там нам князь прислал?! Окорок, ого! Сочный какой! Лучшие окорока и колбасы в Элодисском лесу делают, это я тебе говорю, я много, где бывал, и много, что едал! Пирог, солёные огурчики из бочки, сидр – ум-м-м! Обожаю! Не Твидловский, но тоже очень даже ничего. Сыр... – Он понюхал. – Козий, фи! Но как

закусь пойдёт. Давай, Гаврила, налетай, не то не останется, я серьёзно говорю, до еды я такой же злой, как до баб!

Немного придя в себя и всё-таки взяв себя в руки, Гарет очень серьёзно обсудил с Марчелло, как ему быть. И они решили, что Марчелло лучше всего поднять всех своих агентов и дать им приказ высматривать, во-первых, шпионов Драйвера и Далвеганцев, во-вторых, искать полукровку, хоть немного похожего на герцога, и вообще любого полукровку – Гарет допускал, что брат мог попытаться изменить внешность. При его росте это сделать было мудрено, но попытаться он мог. Сам он решил ехать дальше по Королевской Дороге, просто потому, что сидеть и ждать не мог, ну, и вдруг?.. В Блумсберри к нему обратился Натаниэл Грэй, с вопросом об Алисе.

– Да, я увёз эту девчонку. – Ответил Гарет надменно. – И что?..

– Прошу прощения, ваша светлость, но это как-то... не правильно.

– А правильно – укрывать двух беглых полукровок? – Спросил Гарет. – Которые неизвестно, с кем связаны, и неизвестно, что замышляют в моём городе?.. Кстати, где второй, где Фанна?

– Понятия не имею. – Ответил Нэш спокойно. – Я и о нём хотел спросить вашу светлость, но вижу, что зря я к вам обратился.

– Да, скорее всего. – Гарет помолчал. – Конечно, если ты не скажешь мне, что они здесь замышляли. Если я смогу убедиться, что ничего дурного у них на уме не было, что они, к примеру, просто хотели здесь встретить кого-то, то так и быть, я позволю вам воссоединиться и снова зажить одной счастливой семьёй.

– Да что дурного они могли замышлять! – В сердцах воскликнул Нэш. – Вы эту девочку ведь сами видели, маленькая, нежная, как ангел! Какой от неё может быть вред?!

– Зато ей многое может угрожать. Не просто же так вы её под мальчика маскировали! – Возразил Гарет. – У меня ей будет безопаснее. Пока я не вернусь. Вернусь, решу, что с ней делать. Всё, Грэй, аудиенция закончена. – Он резко встал, и Нэш, хотя ему много, что было ещё сказать, не посмел возразить и звуком.

На выезде из Блумсберри к Марчелло вдруг обратился какой-то человек, который что-то тихо рассказывал ему в течение нескольких минут, после чего Марчелло, крайне взволнованный, привёл его к Гарету.

– Вот этот человек, патрон, – начал он, – утверждает, что совсем недавно видел полукровку, который очень похож на вас.

– Насколько похож? – насторожился Гарет. Человек, по одежде – подмастерье какого-нибудь цеха, какой-то неприметный, никакой, низко поклонился ему:

– Да прямо-таки ваш портрет, ваша светлость, только глаза тёмные такие, волосы подстрижены по-другому, и одежда, прошу прощения, совсем простецкая.

– Где ты его видел? – Гарет стиснул кулак, даже не замечая этого, сердце сильно забилося.

– В деревеньке Торжок, это...

– Я знаю, где это. – Перебил его Гарет. – Что он там делал?

– Их двое было, ваша светлость, он, и ещё один полукровка, светловолосый... Мне показалось, что они опасаются чего-то. Может, хотели через лес пройти в Грансвилл?.. Полукровкам, говорят, эльфы это порой позволяют. И ещё...

– Что ещё?

– Интересуются ими. – Понизил голос человек, который назвался Чудилой Тимом. – И много, кто интересуется.

Гарет и Марчелло переглянулись. Эльфийское чутьё кричало об опасности; Гарет чувствовал её всей кожей, но опасность могла угрожать не ему, а брату, так безрассудно пустившемуся в путь... Куда?.. Гарет и Марчелло долго обсуждали это, и обоим казалось странным,

что Гэбриэл, если это в самом деле был он, выбрал именно опасный и долгий путь в Гранствилл вместо того, чтобы, как это, вообще-то, было бы нормально для полуэльфа, не положиться на инстинкт и не податься более коротким и безопасным путём в Таурин, на земли Дуэ Сааре! Что его сюда потянуло, не родственные же чувства! Если он каким-то чудом помнит, кто он, то не безопаснее ли было укрыться у эльфов и отправить семье весточку о себе?..

– Кто-нибудь мог воспользоваться им. – Предположил Марчелло. – Чтобы что-то поиметь с вас.

– Да. – Сказал Гарет. – Это самый вероятный вариант. Я не верю, что они вот так, сами по себе, смогли и сбежать, и добраться до Блумсберри. Девчонка что-то скрывает, и это явная интрига кого-то, кто хочет сполна получить с нас за нашего Гэбриэла. Вполне может быть, что и девчонку эту ему подсунули намеренно... Больно у неё невинный и ангельский вид. – Гарет подумал. – Вот что. В Торжок мы поедем. Я не могу не поехать, наживка больно лакомая. Но этого Чудилу, или как там его, на М, что ли, задержать здесь. Если что-то пойдёт не так, я вернусь и пообщаюсь с ним. В любом случае, мы что-то узнаем сегодня, я чувствую. Что-то случится. – Он решительно пошёл к коню. – Едем, Марчелло, и будь, что будет!

Чудила Тим явно не обрадовался тому, что ему придётся задержаться до возвращения герцога. Он хотел поехать с ним, но Гарет отказал ему в этом наотрез, заявив, что на собственной земле проводник ему не нужен. Что и подтвердил, отправившись в путь не по Королевской Дороге, а по лесным тропинкам через Малую Кемь и Лесную. У него были прекрасная память и отличное эльфийское чутьё, которые помогали ему безошибочно ориентироваться на местности и никогда, ни при каких условиях, не плутать и не теряться.

Из Лесной в Торжок вела известная только местным, и то не всем, лесная тропа, проложенная уже через самую настоящую лесную пушу, которой люди побаивались. Считалось, что здесь невозможно скрыться от эльфов Элодис, которые бдительно следят за каждым чужаком, и если им что-то не понравится, в тот же миг пустят стрелу. Ещё считалось, что деревья здесь живые и очень неприветливы к людям, и множество ещё бродило слухов об этих местах, и реальных, и совершенно вздорных. Гарет эльфов не боялся – его кровь, кровь эльфийских князей и Перворожденных, пусть и смешанная с человеческой, надёжно защищала его от их недовольства; к тому же, он был прямым потомком Дрейдре, лесной королевы, до сих пор почитаемой и оплакиваемой эльфами Элодис. Поэтому он без колебаний проехал вдоль деревни, вызвав переполох среди местных крестьян – таких всадников они видели впервые! – и углубился в таинственную лесную глушь. Деревья здесь росли так густо, что под их сенью царил вечный прохладный изумрудный сумрак, земля всегда была влажной, а пространство меж деревьями заполняли только эндемики Нордланда, ажурные элодисские папоротники, почти в рост человека, необычайно красивые и пышные. Они «цвели» – в июне их вайи окрашивались в огненно-красный цвет, – и, возможно, отсюда и пошли легенды о цветке папоротника. Здесь, в сердце Элодиса, царили удивительная тишина и свежесть, даже какая-то торжественность. Даже закоренелому скептику здесь начинало казаться, что буквально рядом, среди осторожно вздрагивающих папоротников, таится прелестная и опасная дриада, а из древесной кроны за ним следят внимательные эльфийские глаза. Марчелло, скакавший рядом с патроном, то и дело выхватывал взглядом то колыхание папоротника, то какое-то еле заметное движение в ветвях...

– Эльфа и дриаду ты не увидишь, если они не захотят. – Сжалился над ним Гарет. – Это животные. Они ведь тоже любопытные. Я чувствую волков. – Он засмеялся. – Да не бойся ты. Хлоринги не враждуют с волками. Ни один волк никогда ещё не напал на Хлоринга и на его владения. Потому люди здесь и селятся так глубоко в лесу: волки их скот не тронут.

– А почему, патрон? – Удивился Марчелло.

– Потому, что мы – потомки Белой Волчицы Элодиса. Дрейдре, наша пра-пра-прабабка, была из Перворожденных, эльфов-оборотней, Белых и Чёрных Волков. Они все погибли в

войне с драконами, а Дрейдре умерла сама, не захотев жить после смерти своего мужа, нашего предка, Карла Великого. В Берегвайне, столице Элодис, до сих пор каждый день оплакивают её в эльфийских песнях. Есть легенда, что она возродилась в Изелине, королеве, супруге Генриха Великого, как он сам – возрождённый Карл. И что Изелина не умерла, а навеки превратилась в волчицу и стала королевой всех волков Острова. Так или иначе, а волки – нам не враги. Напротив, волки часто спасают Хлорингов. И я, – он обернулся, глаза его горели красными огонёчками, – всегда их чую.

– Запах? – Неуверенно спросил Марчелло.

– Нет. – Резко возразил Гарет. – Просто чую. Что они здесь, рядом. Сопровождают нас.

У Марчелло против воли мурашки пробежали по коже, он тоже огляделся, и на всякий случай постарался держаться поближе к своему патрону. Он-то не Хлоринг!

Ещё какое-то время спустя Гарет придержал коня, вскидывая руку, и его спутники – Марчелло, Матиас и десяток кнехтов, – послушно остановились, прислушиваясь. Вверху, в лесных кронах, шумел ветер, то ли погода портилась, то ли лес предупреждал о чём-то – здесь все чувствовали себя неуютно и готовы были поверить в любую чертовщину.

– Будьте здесь. – Гарет спешился, отдал поводья Матиасу. – Мне надо... туда.

– Патрон! – Марчелло тоже спешился, намеренный идти с ним, но Гарет резко обернулся, расширившиеся почти на весь глаз зрачки горели, словно у сиамского кота, нечеловеческим золотисто-красным огнём.

– Не смей! Это эльфы. Это Элодис, они тебе не тауринские Ол Донна! Один неверный шаг, и тебе крышка. Будьте на тропе и не дёргайтесь, вы под прицелом! – И Марчелло не посмел ослушаться. Гарет тут же исчез в папоротниках, и как ни присматривался Марчелло, так и не понял, в какую сторону тот пошёл. Как бы Гарет ни относился к эльфам, но многие свои эльфийские способности ценил и развивал – в том числе и способность двигаться так, чтобы не только не было слышно ни малейшего шороха, но и никакие колебания ветвей не выдавали его движения.

Спустившись в неглубокий овраг, Гарет по его дну, усыпанному сгнившими сучьями и сухими листьями, вышел в прелестную и словно бы заколдованную лощину. Из каменной расселины в известняковой скале с громким журчанием вытекал ручей и спадал в выточенную прямо в золотистом камне чашу, рядом с которой была скамеечка из такого же камня. Скамейку осенял своими ветвями куст дикой розы, уже расцветающей, и наполняющей воздух лощины тонким и ярким ароматом. На скамейке сидела высокая светловолосая эльфийка, в светло-серой одежде эльфийского следопыта: куртке, не сковывающей движения, таких же штанах; босые её ноги нежились на мягком мху. Гарет никогда не видел Мириэль, королеву Элодис, одну из трёх последних Перворожденных, остающихся ещё на острове. Свою прабабку. Но узнал её мгновенно: она была королевой Элодис, но сама Элодиссой не была. Её волосы, собранные в простую причёску, обхватывал венец, тонкий, изящный, увенчанный единственным камнем, определить природу которого Гарет, большой знаток и любитель камней, даже не стал и пытаться. Сдержанно поклонился:

– Королева.

– Виоль Ол Таэр. – Она встала, и оказалось, что она не уступает в росте самому Гарету. – Я давно хотела встретиться с тобой.

– Зачем? – Дерзко спросил Гарет. – Ты же знаешь мои чувства к вам.

– Знаю. И понимаю.

– Плевать мне на ваше понимание.

– Мои внуки очень сильно обидели тебя. – Сдержанно возразила Мириэль. – Они были не правы, но ими, особенно Диалем, двигал гнев, и горе, огромное горе. Лара была твоей матерью, но для эльфов она была больше, чем родной по крови, больше, чем одной из них, и даже

больше, чем сестрой. Мы даже оплакивать её не можем, так сильна боль. Ты мог бы попытаться это понять.

– Почему ты говоришь только о моей маме, – закипая, сказал Гарет хрипло, – и не говоришь о моём брате?! Он – тоже ваша кровь! Он – сын Лары! А вы отказались его искать!

– Мы не отказывались. Я – не отказывалась. Я не смогла.

– Ложь!!! – Гарет больше не сдерживался, старая обида накрыла его с головой. – Ты?! Ты самая могучая луа на этом Острове, и ты – не смогла?!

– Тебе следовало бы лучше владеть собой, Виоль. – Нахмурилась Мириэль. – Да, я – не смогла. Ты знаешь, что мы, эльфы, не умеем бороться с некромантией. Это – не наша магия, не наш мир. Некромантия не в силах коснуться нас, а мы не в силах как-то повлиять на неё, опознать её, бороться с ней. Твой брат был во власти именно некромантии, именно чёрных человеческих чар. Эти чары сильны и сейчас. Всё, что я могу, это сохранять неприкосновенными от этой мерзости границы Элодисского леса. И я рада сказать тебе, что Сетанта Ол Таэр жив, и что он сейчас – здесь, в этом лесу. Он дома. Птица его души недавно впервые ожила и поднялась в воздух.

Гарет был так счастлив услышать это, что забыл даже свои обиду и гнев.

– Значит, я правильно еду, – воскликнул он, – он в Торжке?!

– Нет. Тебя заманивают в ловушку. – Сообщила Мириэль. – Это довольно опрометчиво со стороны тех, кто задумал повредить моему правнуку в моём лесу. Возьми вот это. – Она протянула ему два серебряных кольца, в виде серебряных проволочек и зелёных и бирюзовых травинки, изящной вязью переплетённых друг с другом. – Пока на вас с братом эти кольца, вам не страшны ни стрела, ни арбалетный болт, ни кинжал, ни яд. Вернись на Королевскую дорогу, и предоставь этих безумцев мне.

– Но я бы хотел...

– *Вернись на Королевскую Дорогу.* – С мягким нажимом повторила Мириэль, и глаза её на миг блеснули красным – не приглушённым, золотисто-красным, как у Ол Донна, а ярким, как рубин, огнём. И Гарет молча поклонился, не посмея спорить. Мириэль была не только королевой и ведьмой; она была пророчицей, оракулом эльфов. Её слушали все, ведь её слова были не просто словами – за ними стояло предвидение. Ему очень хотелось бы повидаться с теми, кто поджидал его в ловушке... Но ничего. У него был тот, кто его туда заманил.

До Июса добрались уже в глубоких сумерках. Гэбриэл ехал на своей собственной лошади, на своей вороной Красавице, и ему по-детски казалось, что все видят, как он едет, и смотрят на него. Он страшно гордился своей лошадью, она хоть и не была чистокровкой, как кони священников и князя, но казалась гораздо красивее и изящнее коней остальных воинов, а начал он её так, что её круп только что солнечные зайчики не пускал во все стороны. Ему ужасно хотелось проскакать на ней галопом, только пока что повода не было. В предыдущей деревне он купил и скормил ей столько морковки, сколько смог найти, наслаждаясь тем, как охотно она хрупала угощение. Савва над ним посмеивался:

– Ты ещё женись на ней и в постель к себе заведи! – Но Гэбриэл не обижался.

– Я с раннего детства мечтал о своей лошади. – Признался ему со смущённой улыбкой. – И вороны мне всегда больше всего на свете нравились!

– Здорово, когда мечты сбываются. – Савва зевнул, кивнул ему на свет впереди:

– Смотри-ка, Июс. Добрались наконец-то. Жрать хочу, как волк. И бабу хочу. У меня уже четыре дня бабы не было, ох, и оттрахаю я кого-то сегодня!

Лошади, до этого понуро опустившие головы под дождём, почуяв близкий отдых, оживились и без понукания пошли бодрее. Великолепный, белый в мелкое яблоко, олджернон Ставра даже заржал: места ему были знакомые, и он сам свернул, минуя городскую площадь, в живописную яблоневую рощу, в конце которой их ждал уютный трактир из брёвен – постройка,

необычная для этих мест, где всё строилось из местного золотистого известняка. Оказалось, что хозяин – тоже рус, давний знакомец Ставра, который мигом разогнал большинство своих завсегдатаев, позволил своим гостям, не делая исключений и для полукровок, попариться в бане, и накрыл им шикарный стол. Гэбриэл, которого впервые в жизни отхлестали берёзовым веником, и которому впервые же в жизни экзекуция понравилась, переодетый в чистую сорочку навыпуск, заботливо сшитую ему Тильдой и уложенную в его сумку на смену, сидел за общим столом, слушал комплименты в свой адрес – русы хвастали его силой, утверждали, что он и коня может поднять, и подкову согнуть, – ел, и чувствовал себя почти абсолютно счастливым. Если бы не неотступные мысли об Алисе, ему нечего было бы больше желать. Это боевое братство ужасно ему нравилось; это было его, он хотел быть тут своим. За столом шумели, хвастали, смеялись; нанятые музыканты с барабаном, флейтой и лютной старались вовсю. Прислуживали им две симпатичные деревенские девушки и сам хозяин с сыном; Савва в первые же минуты начал проявлять к девушкам повышенный интерес, иногда даже грубовато, но, к удивлению Гэбриэла, им это явно нравилось. Спать они отправились на сеновал – не потому, что хозяин не захотел пустить под свой кров полукровок, а потому, что в доме всем не хватило места, и Савва сам вызвался переночевать на сене, заявив, что им это привычно. И девушки, как ни странно это было Гэбриэлу, увязались с ними, под предлогом того, что постелят им постели и посветят. Снаружи вновь разошёлся дождь, и под его шум сеновал показался Гэбриэлу просто необычайно уютным.

– Я пироги с черникой захватила, – сообщила одна из девушек, которую, конечно же, звали Мартой, – угощайтесь. – Она кокетливо глянула на Гэбриэла. – Твой друг такой голодный! Прямо р-р-р-р!

Гэбриэл, охотно запустивший зубы в пирог, испуганно глянул на Савву: что не так?.. – и тот рассмеялся:

– А мы во всём такие! Мы ж полукровки, мы ж звери! Не боишься?.. – Он толкнул девушку на сено и навис сверху. – Мы же стр-р-рашно опасные, и совер-р-ршенно себя в руках держать не умеем!

Девушка выгнулась под ним так, что сильнее обозначилась соблазнительная грудь, притворно застонала:

– Пощадите, мастер волк, не губите, я совсем без сил от страха... – И, взвизгнув, вывернувшись из-под него, со смехом бросила в него сеном. Савва ринулся за ней, в глубине сеновала настиг, и оттуда донеслись радостный визг, сопение, возня, хихиканье, рычание, снова визг, и наконец всё сменилось недвусмысленным сопением, стонами, всё более жаркими, бряцаньем железок на куртке Саввы и шлёпаньем бёдер о ягодицы. Гэбриэл отложил пирог. Он был в смятении. Вот, значит, как у людей это делается! Так просто. Бог ты мой, как просто! И все довольны... В каком же уродском, извращённом мире он прежде жил?! Вторая девушка, которую звали Тиной, кокетливо поглядывала на него, теребя косу. У неё были весёлые зелёные глаза и пухлые губки бантиком. У него не было женщины уже больше месяца, и к такому посту он не привык... Желание накрыло его так, что в глазах стало как-то нечётко.

– Я... – Хрипло сказал он, – так не умею... не знаю, что тебе сказать.

Она стрельнула в него зелёными глазами:

– Ну, и не говори тогда. – Сама толкнула его на спину, оседлала, откинув косу назад, распустила ворот сорочки, и Гэбриэл ухватился за увесистую грудь деревенской девчонки. Она засмеялась, и он рывком подмял её под себя, задирая подол таким уверенным движением, словно всю жизнь так делал.

– Они от полукровок тащатся. – Довольно продолжительное время спустя, в течение которого они пару раз менялись партнёрами и развлеклись на славу, заявил Савва, развалив-

пишь на сене и тонкой щепкой прочищая меж зубами. – Где ни появимся, и бабё и девки так и вешаются!

– А тебе это в тягость? – Хмыкнул Гэбриэл. Савва засмеялся:

– Ещё чего?! Если сами дают, почему не взять?.. Я что, больной?

– Они ж от тебя могут родить.

– Да уж наверное! – Савва рассмеялся ещё самодовольнее. – Я их, поди, уже не один десяток настрогал...

– Они же кватронцы. – Чуть побледнев, сказал Гэбриэл.

– И что? – Удивился Савва.

– А тебе не всё равно, – тихо сказал Гэбриэл, – как им теперь живётся, и что с ними делают?

– Веришь, нет, – Савва даже чуть привстал, лицо ожесточилось. – Вообще по фигу. А тебе-то что?!

Гэбриэл стиснул зубы, отвернулся. Сказал:

– Спать давай. – Устроился на боку спиной к Савве. Тот полежал немного, и заговорил, словно оправдываясь:

– Я не насилую никого. А о том, что там с её помётом будет, баба сама должна думать. Что, я силой их сюда тащил?! Заставлял?! Принуждал?! А я тебе скажу: они шалавы, как все бабы, понятно?! Наши с тобой мамыши что, думали о нас, когда с эльфами е»лись?! Нет! Я ... в детстве тоже хлебнул всего, ты не думай! И мне, ты понял, мне не стыдно! Мне не стыдно!!! И нечего тут... лежать и фигню всякую про меня думать!.. Сам тоже их трахал будь здоров!!!

– Спи давай! – Фыркнул Гэбриэл. – Скоро уже рассветёт. И ничего я не думаю. Устал просто.

– Слабак! – С облегчением ухмыльнулся Савва. – Да разве ж это трах был?.. Вот, помню, в Европе, нарвался я на кучу девок, которые бельё стирали... – И полился обычный мужской трёп. Гэбриэл слушал про подвиги своего приятеля вполуха. Он утолил голод, и ему стало стыдно. Алиса, её нежность, её ревность... Боже, он ведь ей поклялся!.. Гэбриэл даже разозлился на Савву: рассопелся здесь, разбрыкался... Если бы не он, уж Гэбриэл бы ни за что... Но и разозлился как-то вяло: очень уж было комфортно и хорошо. Отдохнул, попарился в баньке, хорошо поел, лежит в тепле и на мягком, только что отлично провёл время с двумя горячими девчонками... О чём ещё мечтать?! Под бесконечные подвиги Саввы, который, судя по его словам, поимел женщин больше, чем их вообще живёт на Земле, и под умиротворяющий шум и плеск дождя Гэбриэл уснул.

И снилась ему Алиса. Она сидела в какой-то... арке?... Окне?.. На ней было что-то симпатичное такое, светленькое, на коленях лежала открытая книга. Пальчики её были сплетены меж собой, под приспущенными ресницами горело золотое пламя. «Даже не думай, Гэбриэл! – Явственно услышал он её голос. – Даже не думай поменять меня на какую-нибудь... дуру!!!». «Солнышко! – Растерялся он. – Я никогда тебя ни на кого не променяю, ты что?! Да мне они на фиг не нужны! А ты представляешь, я думал, что тебя потерял!». «Даже не мечтай! – Вредным голосом возразила она. – Я от тебя никогда не отстану!».

– Эй, Гаврила! – Голос Саввы вырвал его из сладкого сна. – Просыпайся, лодырь, кобылу твою чистить пора!..

– Не нравится мне здесь. – Заметил один из пятнадцати человек, которые не так давно прошли через маленькую лесную деревеньку Торжок и скрылись в лесу, поднявшись по деревьям на заранее приготовленные настилы. Они были так удачно замаскированы ветками, что с тропы, ведущей в деревню, их разглядеть было совершенно нереально. И сами люди, вооружённые тяжёлыми боевыми луками, были одеты в зелёное и коричневое, что позволяло им уже с пары шагов сливаться с деревьями.

– Лес как лес. Папоротники интересные, я таких даже во Франции не видел. – Говорили они по-нордски, но второй – с сильным акцентом.

– Этот лес, – заметно нервничая, продолжал первый, – эльфийский, пакостный лес. – Его говор выдавал в нём далвеганца, уроженца Лав и его окрестностей. – Про него всяческие байки рассказывают...

– Байки – они и есть байки. – Засмеялся второй. Остальные лениво прислушивались к их беседе, но молчали. – Приходилось нам и ведьм ловить, про них тоже, знаешь, какие байки сказывали?... А мы с ними делали, что хотели, и попы потом, после нас, резвились от души, и ничего, до сих пор живы и здоровы, а ведьм тех давно с дымом пустили... И эльфов твоих, вот погоди, мы тоже в оборот возьмём. Там и посмотрим, насколько они вечные!

Один из лучников фыркнул одобрительно.

– Я не знаю, – упорствовал далвеганец, – что там у вас за ведьмы, а здесь всё не так, как в Европе. Я сам из Болотного, это на Серебряных Озёрах, так там, в земле фей... – Он не договорил. С соседнего помоста подали знак, и все лучники мигом посерьёзтели, собрались и приготовились.

– В бой не вступать. – Сказал лучник с акцентом. – Только стрелы. Убивать всех, но первого – герцога. Этого – чтобы наверняка.

Но на тропе, откуда слышался мягкий перебор копыт и голоса, никто не появлялся. Было полное ощущение, что едет небольшой отряд, только самого отряда не было и не было. На лицах участников засады сначала отразилось нетерпение, затем – недоумение. Они начали переглядываться, нервничать. Потом главный, тот, что говорил про ведьм, приподнялся и открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел: ему в лоб с тошнотворным звуком вонзилась стрела, прилетевшая, казалось, из ниоткуда. Лучники повскакивали с мест, натягивая тетиву до онемения в руках и стремительно озираясь, выглядывая и выцеливая противника – но противника не было. Его просто не могло быть – прежде, чем устраивать засаду, эти люди, очень грамотные, очень опытные, всё проверили и провели разведку по всем правилам, оставили, помня об эльфах, растяжки и ловушки, которые даже лиса не смогла бы миновать незамеченной! Противника не было, а стрелы – были. Полтора десятка человек были расстреляны за пару минут, и никто из них так и не выстрелил, потому, что не увидел цели. В Торжке это событие обсуждали потом несколько лет, мало того: оно стало своеобразным мерилем времени. Жители Торжка говорили: «Это было через год после Побоища, или: Это ещё до Побоища было!». Никто в деревне так и не узнал, кто были эти люди, зачем пришли, кого ждали?... Дрэду очень хотелось узнать, как так вышло, что такой отличный план не сработал; но ему так и пришлось довольствоваться домыслами и предположениями.

Организовав побег Чудилы Тима, староста Малой Кеми, деревеньки, где Гарет оставил своего пленника, не мог не нервничать. Шутка ли: герцог Элодисский! Тим ясно дал понять, что герцог из Торжка не вернётся, и старосте нужно задуматься о том, чтобы новые хозяева, ждать которых осталось всего ничего, были им довольны. Но – Хлоринг... почтение к древней королевской крови было у старосты в крови. Конечно, герцог – полукровка, чельфяк, и это грех, это неправильно, и несправедно. Но всё-таки – Хлоринг... И староста вздыхал, ворочался в постели и проклинал тот день и час, когда вообще встрял во всё это. Он искренне ненавидел полукровок, хотя спроси его кто, что они сделали ему лично, и ответить он бы не смог. Просто церковь, и знающие люди говорят: полукровки, чельфяки эти позорные, злобные, преступные, того, воруют, насилуют... как-то так. Не будут же говорить просто так! И староста исправно ненавидел и верил, что всё плохое в его жизни – от того, что его высочество болен, а герцогом стал молодой полукровка. Может, он и отца своего того, а это уже совсем погано, потому, что его высочество – он, всё-таки...

И, как оказалось, нервничал он не зря. Гарет ворвался в дом старосты на рассвете, когда служанки, позёвывая, выходили на утреннюю дойку. С пинка вынес дверь богатого дома, и за волосы выволок старосту из постели во двор. Швырнул его на землю с крыльца, ломая перила. Завизжали служанки, злобно залаял цепной кобель, единственный, кто рискнул заступиться за хозяина. Гарет, спрыгнув с крыльца, пнул старосту раз, другой – тот даже кричать не посмел, закрывая голову и лицо, и поджимая ноги к животу.

– Я тебе что сказал, сука?! – Прошипел Гарет, выпустив пар. – Я тебе что приказал, тварь?! Не слышу?!

– Милосердия... – Пролепетал староста. – Милосердия прошу... Умоляю...

– Милосердия?! – Рывкнул Гарет, и снова начал пинать несчастного, пока Марчелло не остановил его. Глаза Гарета горели красным, зубы оскалились в волчьем оскале. – Скажи спасибо, тварь, что не прирезал на месте!!! Что, думал, не вернусь уже, а?! – заорал он. – Говори!!! Ты тоже в этом участвовал?!

– Не... – Заскулил староста. – Не, не, смилуйтесь! На деньги польстился... на... деньги... Не знал ничего...

– К позорному столбу его! – Сплюнул Гарет. – И написать: «Иуда проклятый!». Н-на! – С силой швырнул ему окровавленную голову Чудилы Тима. – В Элодисском лесу затеяли мне ловушки ставить?! Здесь каждое дерево за меня, ты понял?! Ты понял, Иуда?! Больше ты не староста! – Его аж плющило от злости и разочарования. Труп Чудилы он обнаружил на околице, эльфийская стрела пригвоздила того к воротам. Узнать, кто организовал засаду, не осталось никакой возможности; но из слов Чудилы выходило, что тот видел Гэбриэла, знал про него что-то, и скорее всего, знал, где тот на самом деле! Усталость, разочарование и бессильное бешенство вывели Гарета из себя; напряжение последних дней взорвало его изнутри, как бомба. Слуга старосты сдал хозяина, сказав, что именно тот отпустил Тима. – К столбу, клеймо на лоб и ноздри вырвать... Заткнись!!! – Рывкнул герцог на беснующегося пса, и тот задом, рыча, отступил в будку. Староста – бывший староста, – всхлипывая, плакал в пыли, пытаясь отползти от страшной головы, глядевшей мимо него широко раскрытым мёртвым глазом.

На выезде из Июса, на мосту через ручей, ждал довольно хорошо одетый, даже франтовый, господин на тяжёлом соловом бельгийце. Одежда и конь были великолепные, а вот внешность господина внушала безоговорочную неприязнь любому, даже самому непредвзятому и добродушному существу. Рыжий, краснорожий, с маленьким вздёрнутым носом и огромными губами, с маленькими, очень близко посаженными глазками, волосатый, бочкообразный, он выглядел, как какое-то отвратительное животное, ради смеха наряженное в человеческую одежду. Его толстые короткие пальцы были унижены вызывающе огромными перстнями, на шее висела цепь, наверняка тоже золотая, хоть и плохо верилось в то, что золотая цепь может быть такого размера, с цеховым знаком элиотских мясников. Гэбриэл при виде него весь застыл изнутри, затем по телу медленно сошла волна шока, подняв дыбом даже самые мелкие волоски на всём теле. Это чудовище он помнил так хорошо, что узнал бы его и через тысячу лет! Это был Аякс, на его глазах страшно замучивший мальчишку в Галерее, и не менее страшно мучивший его самого. Гэбриэл уже не был подростком, но страх остался, чудовищный, бесивший его самого, подлый детский страх.

– Этот полукровка, – отвратительным дискантом заявил Аякс, – принадлежит мне. Я его забираю.

– Этого полукровку, – спокойно возразил Ставр, – я подрядился доставить до места живого и здорового. И я это сделаю. Ступай своей дорогой, человеке. Не нравишься ты мне.

– По десять золотых дукатов тебе и вот этим святым отцам. – Предложил Аякс. – И по десять серебряных талеров твоим людям. И мы разойдёмся с миром.

Ставр молчал, и тут подал голос отец Михаил.

– Дорого нынче стоят полукровки. – Сказал он. – Христос был продан за тридцать серебряников, а ты нам предлагаешь сорок.

«Буду драться. – Отчаянно подумал Гэбриэл. – Он не получит меня живым, нет, только не он!».

– Репутация, человеке, стоит куда как дороже золота. – Сказал Ставр, прервав напряжённое молчание. – Если меня можно перекупить, ни один честный человек мне больше свою жизнь не доверит, а это мой хлеб. Я сказал: ступай своей дорогой.

– Любой, – Аякс посмотрел на людей Ставра, – кто сдаст мне этого полукровку, получит всю сумму, о которой я говорил, целиком. Всего хорошего! Счастливого пути.

Никто ничего не сказал, но напряжение стало почти осязаемым, его, казалось, можно было потрогать руками. Савва чуть слышно выругался. Ставр подозвал Гэбриэла:

– Люди у меня надёжные, но и соблазн велик. – Сказал он нервно. – Уезжай от греха; деньги у тебя есть, кобыла тоже, меч при себе. Гранствилл вон там, – он указал рукой, – дороги я тебе посоветовал бы пока что избегать. Вон там Торжок, а из него, говорят, эльфийская тропа есть до самого Блумсберри.

– Я провожу! – С готовностью вызвался Савва. И после моста оба полукровки свернули на узкую боковую дорогу.

– Спасибо, что поехал со мной. – Благодарно сказал Гэбриэл. – Я не знаю... – Он осёкся, увидев выражение лица Саввы.

– Прости, Гаврила. – Пробормотал тот, обнажая меч. – Парень ты хороший, но таких денег мне в жизни не видать, если не сейчас...

Что-то свистнуло, и Савва замер с чем-то маленьким и чёрным во лбу, глаза быстро погасли, он тяжело повалился на шею заплывавшего коня. Гэбриэл смотрел на него, ничего не понимая, в шоке, пытаясь понять случившееся.

– Быстро за мной, если жить хочешь! – Крикнул, поднимая гнедого коня на дыбы, какой-то человек в чёрном, нагнувшись прямо из седла, ловко выхватил чёрный предмет из лба Саввы. – Бегом, бегом, бегом! – И хлестнул коня. Гэбриэл, даже не пытаясь что-то сообразить, погнал Красавицу за ним.

Оказалось, что лошадка у него очень даже резвая. Промчавшись по каким-то зарослям, они вылетели на дамбу вдоль какого-то пруда, проскакали по ней, влетели в овраг. Это было не первое предательство в жизни Гэбриэла, но оно оказалось таким болезненным, что несколько минут он не мог прийти в себя, и только тупо следовал за странным человеком, появившимся так вовремя. Цены денег он до сих пор ещё по-настоящему не понял, и алчность была чужда его сердцу, потому это предательство было так ему непонятно, казалось таким бессмысленным и чудовищным.

Его спутник спешил перед узкой расселиной, взял коня под уздцы, скомандовал Гэбриэлу:

– Спешивайся, пойдём.

– Ты кто? – Упёрся немного пришедший в себя Гэбриэл. – Тебе чего от меня надо?

– Если бы мне что-то было надо, я сейчас с той рыжей образиной бы насчёт тебя торговался. – Сказал человек. – И я всё ещё колеблюсь, как мне быть. – Он был худощавый, довольно высокий, хоть и намного уступал в росте Гэбриэлу, со светлыми кудрявыми волосами и ангельским лицом, но с холодными волчьими глазами. И говорил с каким-то незнакомым Гэбриэлу акцентом. – Пока что я спасаю твою жизнь. – Гэбриэлу казалось, что он где-то этого человека уже видел... И голос его слышал. Вот только где?.. Он напрягся. Не в Садах ли Мечты?.. Если так...

– Жить хочешь? – Повернувшись, устало спросил человек. Гэбриэл спешил и повёл свою Красавицу вслед за ним.

Расщелина привела их в просторную и сухую естественную пещеру, в которой, судя по всему, часто бывали люди, здесь даже были котелок, своеобразный очаг, пара бочек и какие-то мешки. С противоположной стороны в пещере было естественное отверстие, довольно большое, частично заросшее кустарником, в которое видны были склон холма и дальний луг за живописным лесным озером. Человек привязал лошадей, присел на бочку, устремив на Гэбриэла внимательный холодный взгляд. Тот занервничал.

– Ну, и что ты уставился так на меня? – Спросил с вызовом. Тот пожал плечами:

– Странный ты парень. Я недавно из Европы; прежде никогда не видел эльфов и не верил в их реальность. Многие в Европе вообще считают, что эльфы – это крошечные человечки со стрекозными крылышками, которые живут в цветах и питаются нектаром. Кстати, меня зовут Лодовико. А тебя, если я не ошибаюсь, Гэбриэл?

– Не ошибаешься.

– Расслабься, Гэбриэл. Нам нужно дождаться темноты.

– Зачем?

– За каждым твоим шагом следили. Я до сегодняшнего дня не мог понять, чем ты так насолил стольким людям... От королевы до мясника?.. Сегодня, кажется, понял. Но ты должен мне кое-что ещё рассказать.

– Чего рассказать? – Напрягся Гэбриэл.

– Что такое Сады Мечты.

Гэбриэл выпрямился, напрягшись и стиснув кулаки. Лодовико спокойно смотрел на него. Усмехнулся:

– Если бы я хотел твоей смерти, ты был бы уже мёртв. Если бы я хотел тебя выдать, выдал бы ещё в Элиоте. Кстати, именно благодаря мне ты смог беспрепятственно уйти из дома Райя, а сам Райя остался не при делах, и его никто не тронет.

– Женщина! – Воскликнул Гэбриэл. – Ты был женщиной... Которая продавала там всякое!

– У тебя глаз верный. И слух хороший. Ты ведь первым делом мой голос узнал, верно?

– Кто ты? – Повторил Гэбриэл. – И что тебе надо?!

– Что мне надо, – возразил Лодовико, – я ещё не решил. Ты чем-то мне понравился, и я решил тебе помочь. Как сказал один еврей, это заразно.

– Мне нужно в Грансвилл. – Упрямо произнёс Гэбриэл.

– Зачем?

– Меня там ждут... Ждали. Может, всё ещё ждут.

– Друг, с которым ты сбежал?..

– Да.

– Ты даже не представляешь, сколько народу в страшной панике из-за того, что ты движешься именно к Грансвиллу. Тебе просто не позволят туда пройти.

– Мне больше некуда идти. – Тихо сказал Гэбриэл. – И незачем. Я всё равно туда пойду.

– Я узнал, что сюда едет герцог Элодисский. – Сказал Лодовико. – Сам я его ещё не видел, но то, что слышал, позволяет надеяться, что он сможет взять тебя под свою опеку. Не бескорыстно, конечно. Он захочет знать кое-что о том, что происходит в его герцогстве, и очень тебе советую, рассказать ему всё, что только сможешь. Он ненавидит Хозяина Драйвера, и твой рассказ может ему пригодиться. И это, по большому счёту, для тебя единственный шанс остаться в живых. У герцога тебя никто уже не сможет ни купить, ни отнять. Так вот. К ночи, по моим расчётам, он будет в Июсе. Туда же к ночи придём мы. Осторожно придём, не показываясь никому на глаза. Ты меня понял?..

– Да. – Ответил Гэбриэл, как-то разом чувствуя, до чего же устал, и как всё это его изматало. Сел на камень возле очага, ссутулил широкие плечи, уронив руки на колени. Стоит ему только расслабиться и чему-нибудь обрадоваться, как жизнь тот час же бьёт его то под дых, то

по морде... Когда же всё это кончится, когда в его жизни наступит, наконец, какая-то определённая?.. Не до хорошего – хоть какая-то?.. Прежде ему казалось, что как только он вырвется из Садов Мечты, как его жизнь тут же изменится, засияет новыми красками, станет просто волшебной. Но свобода доставалась невероятно дорогой ценой. И снова Гэбриэл с неприятным холодком в груди вспомнил слова женщины из сна. Часть вины он оплатил кровью, но осталось ещё... Да, он виноват. Гэбриэл даже не пытался лукавить с собой и перекладывать свою вину на Хэ. Он виноват. Он мог не становиться вожаком, и тогда весь груз вины ложился бы не на его плечи. Он хотел стать вожаком, он целенаправленно шёл к этому, он дотошно исполнял свои обязанности, и он виноват. Подумав об этом, Гэбриэл закрыл лицо руками, не притрагиваясь к пирогу, который протянул ему Лодо. В течение последних суток его то и дело начинал бить мандраж, какое-то волнение, непонятное, пугающее, тяжкое, ему даже хотелось заорать и начать крушить всё вокруг. Но держать на замке бушующие внутри эмоции ему было не впервой, и внешне Гэбриэл был неподвижен и спокоен. На все вопросы Лодо о Садах Мечты он отвечал скупой, неохотной и по большей части односложно.

– Значит, они в самом деле существуют?

– Да.

– И находятся в Редстоуне?

– Да.

– Я слышал, что принц Элодисский не раз обыскивал Красную Скалу, и ничего не нашёл?

– И никто не найдёт.

– Почему?

– Потому, что там один только вход, и он скрыт. В здоровой такой печке.

– А гостей там бывает много?

– По десять человек в день бывает. Когда меньше. Когда два или три. – Гэбриэл говорил глухо, не глядя на Лодо. Он упрямо смотрел в огонь.

– Нелепо спрашивать тебя, как они туда попадают.

– Да. Нелепо. Как-то попадают.

– Ты хоть понимаешь, что ты знаешь? Какая мина – твои знания? То, что ты можешь рассказать, да ещё если ты сможешь узнать кого-то из гостей, просто взорвёт этот Остров ко всем чертям.

– Я их всех узнаю. – Тихо сказал Гэбриэл. – Хоть они и в масках, но я их узнаю.

– Странно, что ты смог сбежать, и ещё более странно, что ты до сих пор жив. – Задумчиво сказал Лодо.

– Да. – Согласился Гэбриэл. – Сам удивляюсь.

– Тебе кто-то помогал?

– Нет.

– Я понимаю, что ты не хочешь выдавать своих друзей. Но без помощи ты не мог обойтись, в это просто невозможно поверить.

– Ну и не верь.

– Ладно. – Сказал Лодо, поняв, что многого он от Гэбриэла не добьётся. Но он и так узнал больше, чем рассчитывал узнать. И то, что он узнал, ему очень и очень не нравилось. Настолько, что он усомнился во многом... Очень во многом. И уже не в первый раз.

– Скажи мне ещё одно... Как ты думаешь, священников среди этих гостей было... много?

– До фига. Некоторые прямо в сутанах своих приходили. Один мне всё про грехи рассказывал. Мои. А сам при этом дрожил под сутаной. Думал, я не вижу.

– Понятно. – Сказал Лодо. Встал. – Я пойду, посмотрю, что там, снаружи. Сиди здесь. – Он взглянул на лошадей. – Или нет... Нарви травы для лошадей, пусть едят. Нам не нужно, чтобы они в неподходящий момент заржали, верно?..

Когда Гэбриэл занялся делом, ему стало легче. Заботиться о Красавице по-прежнему было так приятно, что на какие-то минуты он забыл о своих переживаниях и вообще обо всём плохом.

– Когда мы с тобой найдём Алису, – шептал он, ласково поглаживая свою Красавицу по крутой шее, – ты её полюбишь. Её нельзя не полюбить. Она такая... прелестная! От неё так хорошо всегда пахнет. И голосок такой... просто слов нет. Господи! – Вырвалось у него, и он прижался лбом к лошадиному боку в полнейшем отчаянии, обращаясь к Богу, о котором узнал так недавно. – Я хочу её найти! Я должен её найти... Помогите мне, пожалуйста. Я не знаю, что мне ещё делать, на что ещё надеяться, на что надеяться ей! У неё есть только я, я один, а она, может быть, сейчас мучается где-то... Она такая хрупкая!.. Я бы не просил, если б не она... Я бы давно уже на всё плюнул...

Лодо, который только что вернулся, замер в тени, став невольным свидетелем этой мольбы. Несмотря на свою профессию, он не совсем был чужд подобным чувствам, и очень хорошо Гэбриэла здесь понимал.

Гарет приехал в Июс поздним вечером. Шёл маленький дождик, сильно пахло влагой, от реки тянуло свежестью. Управитель местного замка, принадлежащего Хлорингам, примчался встретить своего господина, не успев тот появиться у околицы; проезжая вместе с ним по улице, ведущей на холм, увенчанный небольшим, но очень красивым, как большинство замков Элодисского леса, замком Июс, Гарет замечал на себе странные взгляды, словно бы немного... шокированные. Люди переглядывались и перешёптывались.

– Что случилось? – Спросил он управителя. Тот пожал плечами.

– На Королевской Дороге произошла стычка; на делегацию русских священников в лесу южнее напали какие-то разбойники.

– Почему я ничего об этом не знаю?.. И почему эти люди так на меня пялятся?

– Так я вам докладываю, а в Хефлинуэлл я гонца уже отправил, вы с ним, видимо, разминулись. Руссы не захотели поднимать шум, разобрались сами, как они обычно делают. Все налётчики мертвы, тела сейчас в подвале ратуши, стража пытается выяснить, кто они и откуда. Никто пока не опознал ни одного из них, но некоторые считают, что среди них есть далвеганцы.

– Далвеганцы! – Гарет дёрнулся, словно от пощёчины, натянул поводья. – Поехали в ратушу!

– Сейчас?.. – Немного растерялся управляющий. – Но, милорд...

Гарет, не слушая, уже мчался к ратуше. Был немедленно вызван сторож, который безропотно открыл для герцога холодный подвал. Там ещё царила зима – даже стены были местами покрыты инеем, – и потому тела еще были свежими.

– Как живые. – Похвастал сторож. – Не провоняли ещё.

– Я смотрю, с них уже снимали всё, что только можно. – Поморщился Гарет, разглядывая тела, некоторые из которых раздели аж до белья, в отличие от тел, крайне несвежего. – С чего взяли, что здесь есть далвеганцы?

– Так русы и сказали. – Сторож то и дело поглядывал на Гарета с каким-то нездоровым любопытством. Гарет, который в последние сутки и так был на взводе, резко спросил:

– Ты чего так пялишься на меня, словно я сиськи святой Анны?!

– Прошу прощения у вашей светлости! – Низко поклонился сторож. – Ничего дурного... без злого умысла! Просто с руссами чель... полукровка был, прошу прощения, очень уж на вас похожий...

– Похожий на меня?! – Крикнул Гарет. Сторож побледнел, начиная оправдываться:

– Я ничего такого не хотел сказать... вроде и похожий, а вроде и нет... И даже, наверное, нет... И одежда другая, и волосы по-другому лежат, и глаза, вроде, другие... И шрамик на губе такой был, знаете, вот тут...

– Шрамик... – Гарет забыл про тела, про нападение, про всё на свете. Шагнул прочь, опершись о стену.

– Куда поехали эти руссы?!

– Ну, известно, куда. К себе, на Русский Север. В Валену, кажись.

– Давно?..

– Ну... Вчера.

– Мне нужен свежий конь. – Обернулся к управляющему Гарет. – Сейчас же! – Он был так бледен, что даже Марчелло встревожился. – И покрепче, чтобы выдержал хорошую скачку. – Он стремительно пошёл к выходу. Да, конечно же! На руссов напали, потому, что с ними был его брат. Чёрт!!! Гарет обернулся к сторожу, который переглядывался с управляющим, всячески выражая свое недоумение.

– Этот полукровка, он не пострадал? – Спросил он с замиранием сердца. Сторож поспешно помотал головой:

– Не-не-не, ваша светлость! Совсем не пострадал! Так один из руссов, раненый, сейчас в гостинице, шибко его ранили, ехать дальше не мог, остался здесь, пока не поправится... – Последние слова он говорил уже в спину герцогу.

В гостинице Гарет бесцеремонно ворвался в комнату к раненому наёмнику, которого звали Жидятой. Тот так уставился на Гарета, что у герцога не осталось сомнений: тот тоже знаком уже с его лицом. А услышав голос неожиданного посетителя, Жидята просто-напросто перекрестился, решив, что бредит:

– Чур меня... уйди, лихорадка!

– Полукровка, похожий на меня, он был с вами? – Нетерпеливо спросил Гарет.

– Чего?.. Да... Гаврила, что ли?.. Ну, был... Он и сейчас с князем...

– Какой Гаврила... А, да! – Гарет всё-таки сообразил, что так руссы на свой манер могли переименовать имя Гэбриэл. – Где он с вами встретился?

– В Элиоте. Его еврей привёл.

– Какой еврей?

– Из банка. Ну, где князь золото на хранение сдал. Еврей деньги за него заплатил, и спросил довести его до Блумсберри, живого и здорового, князь взял, а что? По пути же. Хороший парень этот Гаврила, князь ему даже предложил к нам присоединиться. Он под Элиотом впервые меч в руки взял, а в давешнем бою уже двух положил, а у самого – ни царапины! И веры он правильной, нашей, православной. Отец Михаил с ним часто беседовал.

– Веры он правильной! – Фыркнул Гарет. От сердца отлегло. Руссы Гэбриэла в обиду не дадут... До Блумсберри; ну, а там?..

Он идёт к своей девчонке! – Осенило Гарета. Она лжёт, конечно же, лжёт, они договорились встретиться именно там! Это какая-то интрига, затеянная банком Райя, известными интриганами и кукловодами. Пазл получался почти идеальный. Они используют Гэбриэла, чтобы повлиять на Элодисцев, на отца и на него, а девчонка – это приманка для брата, который, само собой, ничего в этом не понимает. Наверняка, евреечка: рыженькая, темноглазая, нежненькая... Такая скромница, а внутри – кремьень. Ничего. Только бы найти брата, только бы успеть... В Блумсберри он останется без защиты, а там наверняка уже ждут. Найти, а там Гарет уже разберётся, что к чему. Благодарность – само собой, но играть с собой, да ещё используя брата, он всё равно никому не позволит!

– За Тальцами холмы и обрывистые склоны, – озабоченно говорил ему Марчелло, – там может оказаться ещё одна засада.

– Знаю. – Огрызнулся Гарет.

– Может, передохнёте? – Жалобно спросил с другой стороны управляющий. – Я стол накрыл, пирог сладкий с корицей моя хозяйка готовит...

– Нет! – Рывкнул Гарет. – Не до пирога! В другой раз... Я должен успеть, ясно, должен!

Лодо, как раз приблизившийся к нему, услышав голос герцога и увидев его лицо, замер и осторожно отступил назад, стараясь не попасться на глаза ни ему, ни его людям. Теперь он до конца понял, зачем так гоняются все, кому не лень, за этим полукровкой Гэбриэлом! Понял, что именно оказалось у него в руках. Теперь следовало не торопиться, и как следует разобраться, прежде чем решить, что делать.

Глава вторая Братья

«Дорогая моя племянница! С трудом выделила минутку на то, чтобы написать тебе письмо, но ради общения с тобой я готова пожертвовать не только временем, дорогая моя Габи. Брату я пишу регулярно, и он так же своевременно мне отвечает, но по его письмам трудно судить об истинном положении дел, не с па? (Знаю, у вас в Хефлинуэлле в моде итальянский язык, французского больше никто, кроме тебя, не знает, но я старомодна, увы! И прости мне этот грех, малыш!). Ты же знаешь, дорогая, что ближе тебя у меня никого нет, ты мой единственный дружочек. Только тебе я могу признаться в том, в чём не признаюсь больше никому! Сейчас у нас всё так зыбко, так неверно и опасно, что быть откровенной с кем либо, кроме тебя и бедного моего брата просто преступление, ведь на мне вся моя страна и весь мой несчастный народ. Как бы мне хотелось бежать из Сансет, который давно уж стал моей тюрьмой, куда-нибудь в глушь, в домик с садом и цветником, но так я предам Нордланд, а это грех! Одно греет мне сердце: что у меня есть ты, мой дружочек, и ты меня понимаешь! Обязательно напиши мне, как на самом деле чувствует себя Гарольд – мне кажется, они с Тиберием меня обманывают, и всё гораздо хуже, чем они стараются мне показать. Как болит о брате моё сердце, этого никто не понимает, Никто, никто! А теперь и Гарет нанёс мне новую обиду. Представь, он уже трижды минует устье Фьяллара, не нанеся мне визита – каково?! Отговаривается нездоровьем, но я, естественно, не верю ни единому слову. Я уверена, что это Стотенберг и Эльдебринки интригуют против меня. Они вознамерились женить его на своей бастардке, но это же катастрофа! Вот увидишь, став тестем наследника, Эльдебринк сразу же приберёт всё к рукам, а когда появится ребёнок, они избавятся и от Гарета, и от нас всех! Эльдебринки пятьсот лет мечтают о реванше, о нордландской короне. Ты, дружочек, выясни как-нибудь Гарета насчёт его дальнейших планов, договорились? И надо что-то придумывать, как-то спасти его от Эльдебринков и кардинала! Гарет хороший мальчик, по крайней мере, не безнадёжный. Он прислал мне такие милые подарки! И среди них несколько итальянских гравюр с такими прелестными туалетами! С одной из них мне уже шьют платье из белого эльфийского шёлка с морозными узорами. Будет ещё золотая вышивка и отделка рубинами, а так же белоснежный лебяжий пух, посыпанный золотой пудрой. В этом платье я планирую встречать испанского посла с супругой. Они прибывают в июле. Для них уже готов дворец через квартал от Сансет, на площади Святого Аскольда, по соседству с особняком мастера Дрэда, и дворцами послов Дании и Ирландии. Хотела бы я, чтобы ты присутствовала со мной на этом приёме и на балу, который я собираюсь дать в честь нового посла! Я планирую украсить зал тысячами алых и белых роз, представь?! И я, в белом платье с рубинами! Это будет что-то невероятное. Тебе бы я сшила туалет с сапфирами, и мы с тобой выглядели бы двумя сестрёнками, двумя прекрасными двойняшками... Как было бы чудесно! Твоя преданность несчастному Гарольду выше всяких похвал, и я сама рада, что с ним есть хоть кто-то, кто искренне любит его. Но я так скучаю по тебе, моя драгоценная! Понимаю, что обязанности хозяйки дома, которые ты так мужественно взяла на себя, не позволяют тебе надолго покинуть Хефлинуэлл, но всё же: как мне хочется с тобой увидеться! Поболтать, посплетничать, просто обнять тебя, моя любимая племянница! И я очень соскучилась по Гарету. Как только он вернётся в Хефлинуэлл, передай ему, пожалуйста, что его королева им недовольна, а его тётя на него обижена! Но я прощу его немедленно,

как только обниму его, даю слово. Ведь вы – вся моя семья, мои родные человечки! Передавай приветы Гарольду, Гарету и Тиберию, и обязательно напиши Алисе, что я не злюсь на неё за холодное письмо с отказом в моей просьбе – она знает, в какой. И передай, что я ни за что не стану прибегать к своей королевской власти и приказывать родной сестре. Я могу только благословить её и надеяться смиренно на то, что её сердце смягчится. Безумно рада, малыши, что ты любишь меня даже не смотря на то, что твоя мать пытается этому воспрепятствовать и настроить тебя против меня. Не бросай меня, милый мой дружочек, не иди в поводу тех, кто злословит обо мне! Я королева, я на самом верху, и многих раздражает моя власть, моя красота и мои успехи. Даже те, кого я сама люблю и уважаю, становятся жертвами предвзятости! Но только не ты, малыши, умоляю, только не ты! Я так одинока, если бы ты знала!».

Письмо это, насквозь лживое, Габи перечитывала несколько раз. Цели своей оно достигло: ещё сильнее настроило Габи против Эльдебринков и подогрело её мечту уехать в Сансет, к тётке. Ложь и лесть – самый лёгкий путь к цели, самый быстрый, но и самый ненадёжный. Лжец всегда ходит по грани разоблачения; впрочем, Изабелла, которая лгала всегда, с самого рождения, уже сама с трудом отделяла одно от другого, и уличить её во лжи было невероятно трудно, почти невозможно. И уж точно не Габи, девочке самовлюблённой, спесивой и, увы, не особо умной, было суждено сделать это!

Гэбриэл сидел в верхней комнате харчевни, в которой оставил его странный Лодовико, и нервничал. Он больше не доверял никому, и тем более – непонятно, откуда взявшемуся человеку, который так много о нём знал и так странно себя вёл. А что, если он сейчас договаривается с Аяксом, и тот вот-вот войдёт в эту дверь?.. Гэбриэл ненавидел Аякса и до сих пор боялся его. Этот человек – если он был человеком, – когда-то давно, очень давно, получил Гэбриэла в полное свое распоряжение в Галерею, где сначала на его глазах двое суток пытал и калечил другого мальчишку, делая с ним такое, что Гэбриэл сходил с ума, и сошёл бы, если б полукровки вообще были способны на сумасшествие. То, во что превратился на вторые сутки мальчик, потом несколько лет являлось Гэбриэлу в самых страшных кошмарах; не менее жуткими были те кошмары, в которых Аякс брался за него самого. После того, как Аякс ещё двое суток забавлялся с ним, у Гэбриэла не осталось, наверное, ни одного целого ребра, ни одного ногтя на руке, ни одного целого пальца... Ужас, отчаяние и ощущение полнейшей беспомощности до сих пор были для Гэбриэла самым страшным воспоминанием, самым большим страхом его жизни, вообще-то и так богатой на страшные воспоминания. Зная, что если Аякс доберётся до него, пощады не будет, и лёгкой смертью он не умрёт, Гэбриэл просто физически не мог сидеть и ждать, не попытавшись сделать хоть что-то. В конце концов, он больше не был подростком пятнадцати лет, связанным и измученным! Он вырос, стал сильнее, более того – у него были оружие и свобода! И если встретиться с Аяксом лицом к лицу, ещё не известно, кто возьмёт верх! Во всяком случае, у Гэбриэла будет шанс хотя бы умереть, не давшись этой твари! И он, решившись, стремительно пошёл наружу, хлопнул дверью, спустился по узкой лесенке, и нос к носу столкнулся с таким же высоким, как он сам, полукровкой, только очень богато, даже шикарно, одетым.

– Что за... – Начал Гарет, и замер. Перед ним стоял Гэбриэл. С его собственным лицом, но с тёмно-серыми глазами, со шрамом на губе, и даже с пресловутыми веснушками на переносице! Глаза у него были отцовские, настолько, что даже жутко стало, тот же цвет, тот же взгляд...

– Матерь Божья! – Воскликнула хозяйка харчевни, у которой Гарет потребовал холодного вина, роняя кувшин и глядя на них. По харчевне тут же распространился божественный аромат крыжовенного вина.

– Я это... – Гэбриэл покраснел, отступая, – прошу этого... прощения. – И чуть не наступил на хозяйку, которая нагнулась, чтобы собрать в фартук черепки кувшина. Снова извинился, нагнулся, чтобы ей помочь, так стремительно, что стукнулся с нею лбом, чертыхнулся. Всё это странный полукровка созерцал с совершенно неопишным выражением глаз и лица. Хозяйка шёпотом попросила Гэбриэла не беспокоиться, и на полусогнутых шмыгнула куда-то, а Гэбриэл выпрямился с черепком в руках, который и крутил, не зная, как себя вести и что делать. Больше всего ему хотелось смыться поскорее, но роскошный полукровка загораживал ему дорогу, и Гэбриэл совершенно не понимал, что сделать и как быть. Чего от него вообще ждут?

– Что ж ты, гад, на месте-то не сидел? – Спросил полукровка. – Что ж ты меня гонял по всей дороге, как суку с хвостом намыленным?

– Господин? – Испуганно спросил Гэбриэл, с опаской глядя на него.

– Да знаю я, что ни хрена ты не понимаешь. – Вдохнул тот. – Ты дай мне в себя прийти, а то мне дышать нечем... Хозяйка, отдельная комната у тебя есть?

– Наверху. – Откуда-то сбоку сообщила хозяйка. – Откуда его милость спустились.

– Марчелло, – обернувшись куда-то назад, командовал полукровка, – чтобы ни одна пара ушей, ни кошки, ни мышки, нас не подслушивала! Гэбриэл, пошли.

И Гэбриэл безропотно двинулся вслед за странным полукровкой, гадая, откуда тот знает его имя?.. Но в то же самое время это было и не важно, потому, что он готов был следовать за ним куда угодно и как угодно. Он хотел понравиться ему и остаться при нём; слугой, конюхом, кем угодно!

– Тебя в самом деле Гэбриэл зовут? – Поинтересовался полукровка, едва за ними закрылась дверь. Гэбриэл кивнул.

– А дальше?

– Что – дальше?

– Гэбриэл... а дальше?

– Нету никакого дальше. Я просто Гэбриэл... Господин.

– И прозвища у тебя никакого нет?

– Нет. – Гэбриэл подумал, что Гором не назовётся ни за какие блага мира.

– Ну, я, например, Гарет Агловаль Хлоринг, герцог Элодисский. Слышал обо мне?

– да. – Лицо Гэбриэла было и холодным, и немного суровым, но в то же время простым и честным, а от взгляда его тёмно-серых глаз у Гарета мурашки бежали по коже, до того он походил на взгляд их отца! Прямой и пристальный, не оценивающий, а... сложно сказать. Гарету всегда казалось, что отец видит его насквозь, но не судит – никогда не судит. И точно такой же взгляд был у Гэбриэла, и от этого можно было сойти с ума. Гарет готовился снизойти к своему опозоренному, невежественному брату, и по сути, Гэбриэл таким и был. И в то же время – не был.

– И что же ты слышал?

– Немного. – Осторожно произнёс Гэбриэл. – Что ты... вы, – с этим... бароном Драйвером, да, – враги. А ещё я этих видел, ну, у Грачовника. Это его... слуги, как бы.

– Барон преследует тебя? За что?

Гэбриэл чуть побледнел.

– Он там слухи распускает, что я убийца, ограбил там кого, но это враньё. Я от него сбежал, да, но не грабил никого, и простых людей не это... не убивал.

– А кого убивал?

– Его стражников. – Ещё сильнее побледнев, признался Гэбриэл. – При побеге, двух, да. А остальное, что он говорит – враньё всё.

– И чёрт с ним. Хоть бы ты их всех поубивал, и его самого заодно, не важно. – Быстро сказал Гарет. – Тебе ничто не кажется странным?

Гэбриэл дрогнул, но промолчал, взгляд стал тревожным, даже чуть испуганным. Гарет прошёлся по комнате, комкая перчатку. И как же ему сказать, что они братья? В лоб? Или постепенно, подвести его к этой мысли... Гарет понятия не имел, как быть. Брат нравился ему, был такой... искренний, и в то же время держался с таким достоинством, какого не ожидаешь встретить в таком, как он! И страшно было, так страшно, что даже подташнивало, и хотелось схватить и тормозить его, кричать: Да отомри же ты, смотри на меня, ты что, не видишь, как мы похожи?!

– Ты себя в зеркале видел когда-нибудь? – Пришла ему в голову простая мысль.

– Нет. – Ответил Гэбриэл.

– Что ты знаешь о себе?

– В смысле?

– В прямом. Что ты о себе знаешь? Кто ты? Кто твои родители? Откуда ты родом?

– Я не знаю ничего. – Поколебавшись, ответил Гэбриэл. – Ну... рос на ферме, а откуда туда попал – не помню. Меня там Джоном называли, но я откуда-то знал, что я Гэбриэл, и на Джона ихнего отзываться не хотел. Потом привык... Джон, так Джон. Но про себя всё время помнил, что Гэбриэл. А родители... Какие родители у такого, как я?.. Какая-то курва перепихнулась с эльфом, вот я и получился.

– Это Драйвер тебе сказал? – Лицо Гарета потемнело.

– Он, вообще-то, врать мастер. – Признался Гэбриэл. – Но здесь, похоже, так и есть. – Он взглянул на перчатку в руке Гарета, и у него вдруг перехватило дыхание. Гарет перехватил его взгляд, и сердце его бешено забилося:

– Что случилось? – Спросил, аж подавшись весь к Гэбриэлу.

– Эти перчатки... – Гэбриэл протянул руку. – Я их... знаю.

– Откуда?

– На них ещё узор такой... меч и ещё хрень... какая-то.

– Лилия и грифон. – Гарет протянул Гэбриэлу перчатку. – Это мой герб. Где ты его видел?

– Ты не поверишь, господин. – Гэбриэл взглянул ему в глаза.

– А вдруг поверю?

– Во сне. Во снах. – Признался Гэбриэл. – И я... я когда с друзьями в детстве играл... требовал, чтобы моего друга как бы Гаретом... звали.

Сказать, что он ничего не чувствовал, было нельзя: Гэбриэл, несомненно, был переполнен эмоциями. Этот юноша, богатый, красивый, роскошный, нравился ему так, как никогда и никто не нравился; по силе это чувство не уступало тому, что он испытал при первой встрече с Алисой, хоть и имело другую природу. Гэбриэл безумно хотел понравиться ему, у него даже возникла дерзкая мысль: попроситься к нему на службу. Чистить его коня, подносить его вещи, к примеру, или дом его охранять...

– Значит, Гаретом звали? – Переспросил тот, глядя так странно! Но не зло, и не холодно, наоборот. В его глазах было столько чувства, что Гэбриэл решился и выпалил:

– Господин! Возьмите меня к себе!.. Вам бы я служил, как никому другому! И можете мне не платить ничего, просто позвольте быть с вами! – У Гарета увлажнились синие глаза, он смотрел на Гэбриэла с такой радостью, с таким облегчением, что Гэбриэл просто лишился дара речи. А тот прошептал:

– Я знал... Знал!!! – Тихо, но с таким торжеством, что у Гэбриэла мурашки побежали по коже. А потом, не говоря больше ни слова, Гарет шагнул к Гэбриэлу и обнял, крепко, так крепко, как обнимают только родного человека после долгой и мучительной разлуки. Гэбриэл

почувствовал, как сильно тот напряжён и как сильно его чувство, которого он не понимал, но которое разделял в полной мере. От него и пахло, словно от родного, знакомо, соком ясеня, кожей, немного лошадьё и дымом. Гэбриэл оцепенел от неожиданности, но ему было хорошо. Так хорошо, что хотелось стиснуть Гарета в ответ и остаться так навечно.

– Ты ведь не понимаешь ничего. – Отстранившись, но не отпуская плеч Гэбриэла, и пристально глядя ему в глаза, сказал Гарет, и тут же непоследовательно добавил:

– Надо же, и веснушки на месте!.. Бог ты мой! С рукой что?

– Собака... – С трудом выдавил Гэбриэл. – Того... схватила. Когда бежал. Нет, не понимаю,.. господин.

– Да прекрати ты господинкаться мне... Жаль, здесь зеркала нет, а то ты мигом бы сам всё понял. Мы братья с тобой, Гэбриэл. Близнецы. Родились в один день, ты на час позже. Видишь? – Он показал ему свою перевязанную руку. – Меня тоже укусили... не собака, но почти. Уверен, что точно так же, как и тебя! Я во сне себя тобою видел много раз, и уверен, чётко, уверен, что и ты меня видел!

– Видел... – Неめющими губами чуть слышно произнёс Гэбриэл. – Перчатки видел... и орла с короной... И руку мне... тебе... во сне прижгло!..

– Ага. Чтобы заражения не было, эльф Терновник её серебряным раскалённым кинжалом прижёт. – Гарет широко улыбался, а глаза плавились от невольных слёз. – Я искал тебя, Гэбриэл, как ненормальный, всё это время... Меня даже отец помешанным считал, все думали, что ты умер давным-давно. А я во сне видел огонь вдаль, между скал, над морем, и знал, что это ты, ты на него смотришь... – Он говорил быстро, сильно сжимая плечи Гэбриэла и чуть потряхивая его. – Знал, что ты жив, знал, знал, знал... И искал, по всему Острову искал... Господи!!! И нашёл, совсем недавно нашёл – маяк тот увидел, и понял, что ты в Найнпорте... А мне не верил никто, даже отец не верил, даже Марчелло!!!

– Я смотрел... да. – Выдохнул Гэбриэл. – И всё время слышал: «Где ты, где ты...». Только я... не знал, где.

– Название забыл, да? – Засмеялся Гарет, вновь чуть нервно. Гэбриэл покачал головой:

– Нет, я тогда его и не знал. Я вообще не знал, где я.

– Потому я и не мог сообразить... Что ты сам не знал! – Озарило Гарета. – Боже, Гэбриэл!!! – Он вновь прижал его к себе, и Гэбриэл тоже обнял его, уже смелее. – Я не верю, не верю!!! Господи, столько поисков, столько страхов, столько надежд и столько обломов – и вот ты здесь, живой, только малость... – Он схватил ладонями щёки брата, глядя в глаза, жадно, восторженно и в то же время чуть ли не с испугом, – офигевший!.. – Засмеялся нервно, и Гэбриэл, отмирая, бледно улыбнулся ему. – Тебя зовут Гэбриэл Персиваль Хлоринг, ты принц крови, граф Валенский и Новоградский, барон Гармбургский, младший сын его высочества. Ты вообще ничего не помнишь?.. – Он вновь сжал его плечи, не переставая пожирать его лицо глазами, словно хотел изучить поскорее каждую его чёрточку и каждое пятнышко.

– Нет. – Прошептал Гэбриэл. – Я только... всегда имя Гарет любил. И злился, когда мне говорили, в детстве, что я не Гэбриэл, а Джон. А ещё мне сны снились, что я маленький-маленький, и кто-то обещает мне коня подарить, когда я вырасту... И ещё там... Всякое. Но я думал, что это так... приснилось когда-то.

– Значит, имя Гарет любил, да? – Гарет смотрел на него с нежностью и гордостью. – А я и не сомневался, что ты меня не забыл. Что невозможно это, просто невозможно!.. Мы ведь с тобой больше, чем братья, Гэбриэл! Каждый человек один в этот мир приходит, в одиночестве зреет, а нас с самого начала было двое, понимаешь?.. Мы даже там, откуда души приходят в мир, были вдвоём! И всегда нас было двое, даже тогда, когда нас разлучили, мы продолжали внутри, в сердце, чувствовать друг друга, верно?..

– Но почему, как вышло, что я был не здесь...

– Тебя и маму похитили. Наша мама – Лара Ол Таэр, эльфийка королевского рода, она вышла замуж за нашего отца за семь лет до нашего рождения. Когда нам исполнилось три года, тебя случайно ошпарило кипятком, и ты чуть не умер. Мама повезла тебя к нашей эльфийской родне, чтобы вылечить, и по дороге вы пропали. Бесследно. Отец искал вас, пока был здоров, и я искал, когда стал старше... Никто уже не верил, что ты жив. Никто, кроме меня. А я точно знал, что ты жив. Я так же, как ты, видел сны и чувствовал... Практически, всё. Я знаю... – Он спохватился. – Поехали домой. В наш замок. Здесь говорить я не хочу.

Они спустились вниз, и служанка, случайно попавшись им на пути, тихо ахнула, взглянув на Гарета и Гэбриэла, и перекрестилась. Они в самом деле были практически одинаковыми – если бы не разная одежда, разная стрижка и глаза, их невозможно было бы отличить друг от друга. Гэбриэл вздрогнул, и Гарет сказал с усмешкой:

– Сейчас город с ума сойдёт. Готовься.

Во дворе у коновязи стоял Лодо, улыбнулся им неуловимой улыбкой, не разжимая губ.

– Спасибо. – Сказал ему Гэбриэл, приостановившись. – Я... этого не забуду.

– Я надеюсь на это. – Сказал Лодо.

– Не забудешь чего? – Насторожился Гарет, кладя руку на рукоять меча.

– Он меня от Аякса спас. – Ответил Гэбриэл, улыбнувшись коротко, но ярко и так искренне, что Лодо смутился, подумав, что на самом-то деле намерения его в последние несколько минут отнюдь не заслуживали ни благодарности, ни такой улыбки. – Спас, и сюда, к тебе привёл.

– Сколько ты хочешь? – Высокомерно спросил Гарет.

– Я позже скажу. – Поклонился Лодо. – Сейчас я ещё не готов назвать цену.

– Не продешеви. – Гарет был не так доверчив, но радость от обретения брата, после стольких поисков, тревог, разочарований и страхов, была так сильна, что он сейчас был снисходителен ко всему миру разом. – Я не шучу. У тебя сейчас есть возможность стать богаче прежнего раз в двадцать. Когда я успокоюсь, я уже не буду так щедр.

– И всё-таки я подожду.

– Коня моему брату! – Приказал Гарет, и Гэбриэл встрепенулся:

– У меня лошадка есть, Красавица, я её не брошу!

– Ну, так где твоя Красавица, давай её.

– Я приведу. – Сказал Лодо и исчез, услышав, что лошадь нужно привести в Июсский замок. А Гарет велел брату сесть на коня, которого ему подвели слуги, и они наконец-то, к большому облегчению управляющего, поехали в замок. Гэбриэл ехал рядом с братом, и всё не мог поверить собственным чувствам. И что теперь?.. Больше не надо бояться, тревожиться, ждать нападения, думать о будущем?.. Что теперь?! Одно он знал совершенно точно: он наконец-то не один. Как всегда в минуты сильного волнения, Гэбриэл онемел; а хотелось ему сказать очень и очень многое. Хотелось бы рассказать, как всегда стремился заполнить пустое место в своей душе, и не знал, как и чем, не знал, что у него отняли, не помнил... Но в каждом своём приятеле искал брата, отдавал им слишком много себя, был слишком предан тем, кто этого от него не хотел и не ждал, и мучился своей не востребованной преданностью, думая, что с ним что-то не так. А с ним всё было так! Он просто тосковал по брату.

Они быстро поднялись на замковый холм, проехали в ворота, освещённые горящими светильниками с нефтью, спешили во дворе. Гэбриэл, словно во сне, прошёл вслед за братом в большой холл, ярко освещённый, с гербами и головами животных, оленей и медведей, с перекрещенными алебардами и топорами, и увидел большой накрытый стол. Люди, поспешившие приветствовать герцога, изумлённо уставились на его спутника. Это был тот случай, когда иные доказательства, кроме внешности, были уже не нужны. Братья, при всей их разности, были просто удивительно похожи. У них были одинаковые фигуры, не смотря на то, что

Гарет был помассивнее и помускулистее, они одинаково двигались, одинаково держались, даже одинаково смотрели.

– Это мой брат, граф Валенский, – громко заявил Гарет, которого просто распирало от восторга. – Тащите вина, будем отмечать! Марчелло, музыку сюда! Гэбриэл, ты голодный?

– Не знаю. – Изумлённо оглядываясь вокруг, сказал Гэбриэл. – Наверное... Не помню.

– А я голодный! Я в последние дни, пока психовал и носился по Королевской Дороге, как сука с намыленным хвостом, почти не ел путём. Это мой младший брат! – Гордо сообщил он слуге, который с поклоном забрал у него перчатки и хлыст, и тот рассыпался в поздравлениях, пожирая Гэбриэла глазами. – Там сейчас приведут его лошадь, пусть о ней позаботятся, как подобает... Ты где лошадь раздобыл?

– Ну... как бы в бою добыл. – Не без гордости заявил Гэбриэл, и Гарет рассмеялся:

– Военный трофей?... Уважаю! Марчелло! Помнишь, я говорил, что Хлоринги притягивают к себе золото, что все Хлоринги богаты?... Не верил?... Вот тебе мой брат: у него уже есть лошадь!

– И деньги есть. – Добавил Гэбриэл. – Почти два дуката.

– Ты слышал?! Два дуката! У тебя сейчас есть при себе два дуката?! Садись за стол, Младший, будем пить. Если я не выпью и не поем, меня порвёт изнутри, как ссаную тряпку...

– Гарет шумел и болтал что попало, его в самом деле распирало от эмоций. С хор заиграла музыка, и Гэбриэл изумлённо поднял голову: это ещё откуда?... А Гарет распорядился:

– Дайте брату салат, вон тот, с огурцами и курицей... Мне нравится, значит, и ему понравится! И пирог с олениной, да побольше, и грибы!

Гэбриэл попробовал салат, и зажмурился. Он раньше думал, что в Приюте была отличная жратва! Простая, но вкусная еда Тильды и то понравилась ему больше; кухня герцогского стола развенчала последний его миф о Садах Мечты. Салат из свежих тепличных огурцов, яиц, жареной курицы и оливок, щедро приправленный укропом, зелёным луком и сметаной, показался ему райской пищей, но едва он попробовал пирог, как понял, что ничего о рае прежде не знал. Экономка Июса не зря гордилась своей кухней и славилась на всю округу: пирог из восхитительного теста с поджаристой корочкой, с нежнейшей мясной начинкой, истекающей соком, поверг его в транс. У Гэбриэла, как и его брата, всегда был хороший аппетит, они даже в раннем детстве, в отличие от многих своих ровесников, не отказывались ни от какой еды, особенно мяса, даже предпочитали котлеты сладостям. Гэбриэл не терял аппетита даже во время сильных душевных потрясений и болезни, напротив, начинал хотеть есть даже больше, чем обычно. Может быть, именно поэтому этот ужин больше и скорее, чем что бы то ни было, помог ему осознать перемену своего положения. Ему было странно, что еду ему подают другие люди, а заметив, какое свинство творится на столе перед ним, тогда как у его брата нет и крошки, он совсем стушевался. Они как раз прикончили основное блюдо – точнее, основные блюда, так как помимо пирога им подали тушёные грибы с овощами и сметаной, копчёного угря и копчёные же куриные желудки, – и служанка ловко убрала со стола перед Гэбриэлом, поставив ему чашу с водой, в которой плавали цветочные лепестки и кусочки лимона вместе с кожурой. Гэбриэл, слегка недоумевая, примерился уже это выпить, подивившись величине чаши, но Гарет со смехом остановил его:

– Это для рук! Сполосни руки... – И прикрыл глаза ладонью, когда Гэбриэл с готовностью погрузил руки в воду и тщательно, по-крестьянски, вымыл их, щедро полив стол и скатерть. Сам подал ему большую салфетку:

– Вытри, Младший. М-да. Тебя ещё обтёсывать, и шлифовать, и полировать...

– Я тут... – Гэбриэл мучительно покраснел, глядя на скатерть перед собой, – насвинячил... сам не знаю, как так...

– Забудь. – Похлопал его по плечу Гарет, и свирепо глянул на переглядывающихся слуг. Те тут же приняли нейтральное выражение лиц. – Сейчас подадут сладкий пирог с корицей, я на что хочешь поспорю, что ты такого сроду не ел!

– Да я и того, что уже было, не ел. – Признался Гэбриэл. – Я огурец свежий прежде только раз пробовал, случайно. А всё остальное... – Он с опаской посмотрел на блюдо с финиками и вяленым инжиром. – А это... чего?

– Еда. – Фыркнул Гарет. – Ням-ням. Попробуй, – он сунул ему финик. – Только учти, там внутри косточка. – И уставился ему прямо в рот, пока Гэбриэл пробовал. – Ну, как?..

– Сладко... – Гэбриэл замялся.

– Противно, да?! – Обрадовался Гарет. – Я их тоже терпеть не могу! Просто хотел убедиться, что мы с тобой во всём похожи. Инжир тогда и не пробуй, тоже не понравится. – Он махнул рукой, и служанка мгновенно убрала блюдо. – А вот марципаны люблю, – он предложил Гэбриэлу блюдо поменьше, наполненное кусочками засахаренных фруктов, изюмом и курагой. – Утощайся, я их обожаю, и тебе понравится.

Гэбриэл с удовольствием поглощал угощение, когда вошла розовая от гордости экономка с огромным сладким пирогом на большом блюде. Такого Гэбриэл уже точно и вообразить себе не мог! Пирог был пропитан ромом, щедро начинён изюмом и полит заварным сливочным кремом, а сверху посыпан корицей – пряностью, необычайно редкой и бешено дорогой в те времена. Позволить себе блюда с корицей в Северной Европе могли только самые богатые люди.

– Как только узнала, что вы будете в Июсе, – ещё сильнее розовея, призналась экономка, – как тот час же принялась готовить тесто. По нашему семейному рецепту, ещё от нашей прабабушки остался. Приятного вам аппетита, ваши светлости! – Она отступила, спрятав руки под фартук, вся в ожидании, трепеща от волнения. Гарет сам отрезал себе кусок пирога, сам положил такой же пирог на блюдо брата, и, ловко орудуя ножом, проглотил первый кусочек. И заплодировал:

– Снимаю шляпу, госпожа Вэйл! Идеально! Как говорят итальянцы: браво! – И женщина, покраснев от радости, аж до слёз, поклонилась ему и выскочила вон, расплакавшись на кухне от полноты чувств. Сбылась её маленькая мечта: ей всё мечталось, что принц или герцог когда-нибудь заглянет в свой июсский замок, она подаст ему свой пирог, и он её похвалит... Только Хлоринги путешествовали по Фьяллару на «Единороге», и их местные владения совершенно не интересовали... И вот – как снег на голову! Как она боялась, что по какому-нибудь капризу судьбы-злодейки пирог выйдет не таким, как обычно, и она осрамится перед герцогом в этот, скорее всего, единственный раз! Но пирог оказался на славу: и пышный, и в меру румяный, и пропитался отменно, и с корицей не ошиблась... Все вокруг поздравляли и утешали её, а она рыдала и рыдала, и смеялась, и не могла остановиться. Для герцога что – крохотный эпизод, который он скоро забудет. А для неё это – вершина всей её жизни, её слава и триумф!

– А этот-то, – вернувшись из трапезной, сообщил слуга, – второй, граф, – он вообще в полном восторге, и сам признался нашему герцогу, что думал, такое только в раю едят-то!

– Святая Катарина, и где только герцог его нашёл?.. Такое ощущение, что в хлеву...

– Ну-ка, примолкни! – Строго велел повар. – Видели, как герцог счастлив, и как он на своего брата смотрит?.. Не дай вам Бог, чем-то ему не угодить!

– А может, и в хлеву. – Протирая тарелки, заметила ещё одна служанка. – Он ведь полукровка, и ежели там, где он был, не знали, что он граф, то в хлеву и держали, как Эдикт велит.

– Бедный. – Всклипнув, заметила Вэйл. – Как хорошо-то, что мы его так угостили! Пусть побалует его брат, бедняжку, ведь прежде-то судьба к нему была, видать, не ласкова.

– Ещё бы. – Понизил голос прислуживающий герцогу слуга. – У него руки-то все в шрамах, и пальцы все изломанные. Сам заметил!

Гэбриэл съел весь пирог, и почувствовал, что объелся так, что сидеть стало неудобно. Он понятия не имел, что из-за него пирога не досталось спутникам Гарета – Марчелло и Матиасу. По этикету, блюдо первым подавали господину и его гостям, и только когда они наедались, остатки относили его оруженосцам и ближайшим соратникам. Ну, а то, что осталось от них, уже доставалось слугам. Гэбриэл же подумал, что если они не доедят пирог, это обидит милую женщину, которая его испекла, и трудился из последних сил, под тоскливыми взглядами итальянца и армигера. Экономка постаралась, испекла пирог в расчёте на нескольких человек, и чувствовал себя Гэбриэл не очень комфортно. Гарет, которого это скорее позабавило, чем рассердило, послал своим людям блюдо с марципанами и срочно запечённую на кухне яблочную шарлотку, тоже слегка посыпанную корицей, чтобы они не слишком переживали из-за пирога. С весёлой нежностью посмотрел на брата, который со слегка осовевшим видом рассматривал и пробовал как-то незаметно очистить свои руки и одежду, залитые мясным соусом и заляпанные заварным кремом. Гарет не стыдился его, он злился из-за того, что остальные могут посмеяться над ним, и наверняка смеются у себя в кухне, а больше того – Гарет боялся, что брат это заметит или поймёт, пообещав себе, что шкуру спустит с любого, кто только посмеет как-то не так посмотреть на Гэбриэла. Его тайный страх, в котором он самому себе признаться боялся – что они с братом в самом деле окажутся чужими людьми, не найдут общего языка, и что он сам, Гарет, столько его искавший, не сможет его полюбить, – оказался напрасным. Он любил его, и то, что брат был таким неловким, таким уязвимым, рождало в нём нежность и желание защитить и опекать. Он сам отвёл Гэбриэла в спальню, старинную, общую для всей семьи хозяина, с огромной кроватью, где уже бушевал огонь в огромном камине – в каменном замке, с толстенными стенами и маленькими окнами, всё ещё было холодно, особенно по ночам, – и помог ему раздеться. Взглянул на его спину, и на какие-то секунды онемел. Гарет воевал с пятнадцати лет, сначала оруженосцем датского короля, своего деда, потом рыцарем в его войске, и видел всякое, в том числе и различные увечья. Но такого он не видел никогда, и даже не представлял себе, что такое бывает. Даже преступники, которых пороли плетью, и которые выжили после этого, такими шрамами похвастать не могли. На спине Гэбриэла в буквальном смысле этого живого места не было. Шрамы уродовали даже плечи и кое-где руки. Были здесь и рубцы, и ожоги, и рваные раны... Гарет бережно погладил эту спину, и Гэбриэл вздрогнул, напрягшись.

– Да, Младший. – Сдавленным голосом произнёс Гарет. – Досталось же тебе. Я знал, что ты страдаешь, каждую твою рану чувствовал, но всё равно... Увидеть этого не ожидал.

– Я прежде об этом не задумывался. – Зябко повёл плечом Гэбриэл. – А теперь как-то стрёмно. Кто ни увидит, ужасается. Словно я урод какой-то.

– Урод тот, кто сделал это с тобой. – С ненавистью и угрозой сказал Гарет. – И я даже знаю, кто это. На вот, рубашку ночную, и ложись, не мёрзни.

– А ты? – Испугался Гэбриэл. Он здесь стеснялся всех и каждого, и боялся, что без брата просто не будет знать, что делать и как себя держать.

– Я схожу, узнаю, привели ли уже твою кобылку, и распоряжусь кое о чём. Я не хочу, чтобы нашему отцу рассказали, что ты нашёлся, раньше меня. Поэтому нужно отправить гонца в Хефлинуэлл, предупредить Тиберия, чтобы ни в коем случае не допустил до отца эту новость.

– Почему?..

– Я потом объясню. – Гарет откинул одеяло, убрал грелку. – Ложись, она тёплая. – Он всё ещё переживал, и голос его стал усталым и глухим, от бурлящего воодушевления следа не осталось. Гэбриэл утонул в тщательно взбитой перине, с непривычки почувствовав себя даже некомфортно, но ничего сказать не посмел. Гарет укрыл его и ушёл, а Гэбриэл какое-то время лежал неподвижно, глядя на огонь, с лёгким гулом пожирающий большие поленья. Камин был по последней моде инкрустирован глазированной плиткой, ещё очень редкой и очень дорогой, и покрыт резьбой; над камином висела голова лося с гигантскими рогами – трофеем какого-то

прежнего владельца. Гэбриэл хотел дожидаться брата, но глаза слипались сами собой. Он так устал!.. С мыслью, что всё равно ни за что не уснёт, Гэбриэл крепко уснул.

Гарет убедился, что лошадь Гэбриэла привели и поставили в конюшню, отправил Матисаса в Блумсберри за «Единорогом», и дальше, с письмом к Тиберию, приказав во что бы то ни стало обогнать любого сплетника, и вернулся в спальню. Гэбриэл спал, и Гарет не стал его будить, хотя ему хотелось говорить, спрашивать, узнавать. Сидел в кресле у камина и смотрел на спящего брата, по лицу которого прыгали отсветы от огня. Рука Гэбриэла лежала поверх одеяла, тяжело придавив его, вторая спряталась под подушкой. Гарет сидел и тихо радовался тому, что его долгие поиски увенчались таким неожиданным успехом. Всё теперь будет правильно. Он перестанет жить наполовину, кончится его осознанное одиночество... Герцог сидел и мечтал о том, как будет знакомить брата с замком, расскажет ему всё, что хотел рассказать столько лет, будет охотиться с ним, купаться, научит его обращаться с оружием, подарит ему коня – он даже уже знал, какого. Не так давно в Хефлинуэлл пригнали молодых лошадей с Олджернона, среди которых был просто фантастический жеребец, мечта, а не конь, даже среди прочих великолепных олджернонов Хлорингов. Если брат любит лошадей так же, как сам Гарет – а теперь герцог в этом даже не сомневался, – он будет счастлив. И Гарету приятно было мечтать о том, как счастлив будет Гэбриэл.

Проснулся Гэбриэл от того, что за окном расшумелись ласточки. Потянулся, широко зевнул, и тут же услышал:

– Доброе утро, соня! – напротив него стоял Гарет, уже полностью одетый, весело усмехался чему-то. Гэбриэл быстро привык к его постоянной усмешке, и полюбил её. – Давай, поднимайся, «Единорог» уже в гавани, поплывём домой.

– А мы не дома? – Сонно спросил Гэбриэл. – Мне тут понравилось...

– Ты в Хефлинуэлле не был. – Гарет засмеялся. – Госпожа Вэйл ночь не спала, испекла тебе ещё один пирог, в дорогу.

Гэбриэл покраснел:

– Я вчера объелся, кажется...

– Да уж. Я догадываюсь, что это из самых лучших побуждений, но хочу тебя обрадовать: в следующий раз вовсе не нужно будет так напрягаться. То, что не доедим мы с тобой, доедают наши слуги.

– Мне надо в Грансвилл. – Сказал Гэбриэл. – Обязательно надо в Грансвилл.

– Туда мы путь и держим. Там наш дом. А зачем тебе в Грансвилл?

– Меня там должны ждать. Друзья.

– Ты мне ещё должен всё рассказать. Где ты был, как сбежал. Вообще всё. Но это не сейчас, а дома. А пока что вот, надень это. – Гарет дал ему тёмную рубашку, простроченную серебряной нитью, и чёрный, тоже простроченный серебром, жилет. – Больше ничего не нашёл. Дома у тебя полно одежды, я приказал шить по одной мерке два комплекта, один себе, один – тебе. Цвета Хлорингов – чёрный, белый и золотой, кроме того, у нас есть личные цвета. Мои цвета – индиго и золото, твои – маренго и серебро.

– Ма... Чего?..

– Маренго. Тёмно-серый, как твои глаза. Твоя одежда вся, как и моя, выдержана в твоих цветах. Очень, скажу я тебе, эффектно смотрится. А это ещё зачем? – Удивился он, глядя, как бережно Гэбриэл сворачивает вязаную фуфайку и рубашку. – Брось их в камин, всё равно для графа и Хлоринга это не подходящие тряпки.

– Мне их одна очень хорошая женщина сшила и связала. – Возразил Гэбриэл, чуть потемнев лицом. – Я не могу вот так взять, и подарок её в огонь швырнуть, это неправильно. Прежде у меня вообще ничего не было, и это первая моя нормальная одежда.

– Ну... оставь. – Пожал Гарет плечами. – Ты прямо как отец. Он тоже очень сильно привязан к сентиментальным уси-пуси всяческим... Для тренировок сойдёт, я думаю. Оделся?

– Мне бы это... – Гэбриэл понизил голос:

– В сортир.

– Вообще-то под твоей постелью есть ночной горшок. Но раз уж ты встал, пойдём, покажу сортир.

Сортир оказался за неприметной дверью, и представлял из себя весьма комфортный деревянный стульчак; тут же были салфетки для гигиенических целей, и даже чья-то потрёпанная книга. Стены были из голого кирпича, с узкой дыркой вместо окошка под самым потолком, и из дыры в стульчаке ощутимо тянуло холодом и не самыми приятными запахами. Зато были рукомойник, где Гэбриэл смог сполоснуть руки, и чистое полотенце.

– Жалко, – сказал он, выходя, – что нет ни бассейна, ни бани.

– Дома есть баня. – Пообещал Гарет. – И не одна. Поехали, пока рано и народу мало. Не хочу ажиотажа раньше времени. – Они спустились во двор, где слуги уже вывели и седлали лошадей.

– Это твоя Красавица? – Сразу же заметил незнакомую лошадь Гарет. Подошёл, погладил, посмотрел зубы – кобылка дёрнулась, перебирая ногами, задирая голову и выкатывая белки.

– Я поражён. – Похвалил Гарет, успокаивая лошадь ласковыми поглаживаниями и похлопываниями. – Хоть и не чистокровка, но и не какой-нибудь деревенский одр, можешь подарить армигеру.

– Я оставлю себе. – Гэбриэл ревниво следил за каждым движением слуги, седлавшего его лошадь. – Это мой трофей, я её в бою добыл.

– Красавчик! На этой кобылке явно не рядовой кнехт ездил. Но рыцарь и дворянин на кобыле ездить не может. Тебе нужен хороший жеребец. – Гарет потрепал по шее своего Грома. – А это мой красавец, чистокровный олджернон, по прямой происходит от Георга, коня Генриха Великого. Как тебе?

Гэбриэл только кивнул. Такого коня он не только не видел никогда, но и вообразить себе не мог в самых сладких грёзах. Высокий, мощный, но длинноногий и стройный, с широкой грудью, невероятно красивой головой, холёный, горячий, он бил копытом о камни, которыми был вымощен двор, изгибал шею и косил налитым кровью глазом, фыркая и встряхивая гривой. Гэбриэл погладил свою Красавицу, чувствуя даже какую-то ревность. Ну, и пусть она не чистокровная. Он тоже! И тоже уступает своему брату по всем статьям. Но разве это важно?..

– А я видел этот корабль! – Воскликнул он, увидев фигуру единорога на носу роскошного судна. – Он проплыл мимо нас, когда я в Элиот плыл... – И Гарет с чувством выругался, соображив, что мог уже давным-давно найти брата и избежать многих проблем и тревог. Корабль отошёл от причала, величественно разворачиваясь носом на север, под крик речных чаек, скрип дерева, упругое хлопанье парусов и возгласы капитана и команды. Гэбриэл жадно смотрел на реку и её берега. Здесь было так красиво! Фьяллар здесь был очень широким, полноводным; начавшие таять в горах снега и льды добавили ему мощи. Острова, которых было много здесь, почти скрылись под водой, деревья стояли в воде. Среди них, по затонувшей траве, бродили аисты, манерно вскидывая ноги и что-то отыскивая клювом.

– Мир такой красивый. – Сказал Гэбриэл, восторженно глядя вокруг. – Уже ради одного этого стоило бежать.

– Я так понял, ты был в Найнпорте? – Спросил Гарет.

– В Редстоуне. Это я потом узнал, что это так называлось. До того я вообще ничего не знал. Не знал, что вот такие реки бывают, корабли, что города такие большие, что дома бывают вот такие большие... Столько цветов не видел, да вообще – почти ничего не видел.

– А где... – Гарет обернулся, и передумал расспрашивать. Его просто распирало от вопросов, но он не хотел, чтобы их разговор мог хоть кто-то услышать. Даже гипотетически. Поэтому он приобнял брата за плечи и начал рассказывать ему про места, мимо которых они проплывали, про Элодисский лес, про Далвеган... Гэбриэлу всё было интересно, он слушал, затаив дыхание. Брат нравился ему всё больше и больше, он буквально влюблялся в него, такого умного, такого блестящего, раскованного, властного. Гэбриэлу в своё время довелось пообщаться – если это можно так назвать, – с сильными мира сего, и он теперь ясно видел разницу между гостями Садов Мечты и своим братом, именно в том, что касалось природы их власти и уверенности в себе. Он пока что не смог бы выразить это в словах, но чувствовал и в самом деле совершенно безошибочно. Гарету Хлорингу не нужны были допинги в виде унижения кого-либо, глумления над кем-то, ему не нужно было даже кого-либо запугивать. Если он чего-то и боялся, то был хозяином своего страха и умел справляться с ним. Отец Михаил сказал как-то Гэбриэлу, что отец всякого греха и всякой лжи – страх. Гэбриэл возразил: а если я вру, чтобы кому-то не было больно? Или страшно? И тот ответил: «И это страх. Страх за того, кого любишь, страх благой, и всё же страх». Много думая над этим, Гэбриэл сам пришёл к выводу, что это правда. Все гости Садов Мечты, самые большие грешники, каких он знал, были трусами, и главным трусом был Хэ. Правда, насчёт Аякса Гэбриэл сомневался. Ему казалось, что это чудовище просто чудовище само по себе, и не боится никого и ничего. Ему хотелось рассказать про Аякса брату; раз эта тварь нашла его, значит, он где-то кружит рядом, и что, если сейчас его поганые красные глазки наблюдают за ними из леса на берегу?.. Но Гэбриэл заметил, что брат не хочет сейчас с ним обсуждать что-то важное, и даже понимал, почему. Он вообще понимал его так, словно между ними была какая-то мистическая связь; порой он думал о чём-то за секунду до того, как эту мысль озвучивал Гарет, а когда брат рассказывал ему про что-то, виденное далеко отсюда, в голове Гэбриэла мелькали яркие картинки, и он был уверен, что это именно то, о чём рассказывает ему Гарет, и что сам видит внутренним взором. Гэбриэл даже пару раз переспросил, чтобы подтвердить свою догадку: «Такой толстенький, с серой гривой?» – Когда Гарет рассказывал ему о своём пони, который был у него в детстве, или: «Такая зелёная дверь, с большим таким кольцом?». И каждый раз оказывался прав. Это переполняло его ощущением счастья и покоя. Словно он в самом деле вернулся домой, и больше, кроме Алисы, ему ничего уже не нужно... Но было ещё кое-что.

– Наш отец, – говорил Гарет, – он... Я безмерно им восхищаюсь, и так же сильно люблю. Он на самом деле блестящий человек, идеал человека, истинный человек Возрождения, как говорят в Европе, настоящий рыцарь, без страха и упрёка, как говорят в куртуазных романах. Он был блестящим турнирным бойцом, ни одного поражения ни в одном бою и ни в одном турнире; переписывался, да и сейчас переписывается, с лучшими умами Европы, учёный, и... да много, кто! Лучший в мире отец... Я боготворил и боготворю его. Но так получилось, понимаешь, после того, как пропали мама и ты, особенно после того, как он убедился, что тебя не найти, с ним случилось... Как бы сказать... Марчелло говорит, что он утратил способность радоваться жизни, наслаждаться её вкусом. Он живёт, словно исполняет некую обязанность, по принуждению, такое чувство, словно он давно и безнадежно устал и уже ничего не хочет, кроме покоя. Страшно, Младший, видеть, как на твоих глазах тот, кто был для тебя образцом, идеалом, кого ты привык видеть сильным и безупречным, перестаёт таким быть. А потом начали появляться эти самозванцы. Меня рядом с ним не было, я бы сразу, с одного взгляда, определял бы, кто есть кто, ведь узнал же я тебя. И не во внешности, не в шраме дело... Даже если бы твоё лицо превратили в то же, что и твою спину, я всё равно бы тебя узнал. Как и ты меня, я прав?.. Но он отправил меня в Европу, надеялся, что там я перестану рваться на твои поиски, ведь я из дома сбегал, несколько раз, чтобы самому тебя искать. Мне всё время казалось, что я найду, что ты мне сам подскажешь, где ты. Я видел место: холмы, лошади... Я только не мог сообразить, где это, я тогда сопляком был и мало, где бывал. Но мои эльфийские дядьки, они,

если б захотели, могли бы... – Гарет стиснул кулаки, и Гэбриэл ощутил его гнев, эхом отозвавшийся и в нём. – Ладно. Я сейчас не про них, я про отца. В общем, он к тому моменту поведал, что ты тоже мёртв. Он же не чувствовал того, что я чувствовал, не понимал меня тогда – меня никто не понимал. Эльфы могли бы ему объяснить... – Он вновь оборвал сам себя. – В общем, он отправил меня в Европу, и вернулся я только этой зимой. А пока меня не было, к нему потянулись разные подонки, выдавая себя за тебя – дескать, выжил, вырос в дальнем монастыре, бла-бла-бла. И одному из них отец поверил. Тиберий говорит, у него в самом деле были чёрные волосы, и черты лица очень похожи, только глаза голубые, но отец твердил, что с возрастом глаза у детей часто цвет меняют. Отец даже не хотел, чтобы этого мерзавца врач осматривал, но Тиберий всё-таки, тайком от отца, на осмотре настоял. И оказалось, что шраму на губе всего полгода, а треугольник из родинок на плече – татуировка. Ну, они взяли лже-Гэбриэла в оборот, и тот сознался, что это идея нашего бывшего мажордома, который решил погреть ручки свои липкие на горе и тоске отца. Отца от горя и разочарования хватил удар. Они даже мне об этом не написали! – Вырвалось у него. – Удар... это такая хрень... в общем, отец его пережил, и даже не остался парализованным, всё-таки ещё молодой, сильный мужик, и врачи хорошие, но удар, Младший, он бесследно не проходит. У отца теперь и реакция не та, и правый глаз почти не видит, и рука правая плохо слушается, оружие в руки он больше не берёт; соображает он медленнее, чем прежде, путается иногда. А самое страшное – теперь ему постоянно грозит новый удар, который может его убить, а может и приковать к постели, сделать овощем. Именно поэтому я так боюсь сейчас. Радость тоже может убить. Я хочу, чтобы отец узнал о тебе от меня, и хочу так ему это преподнести, чтобы... в общем, осторожно, очень осторожно. Конечно, с этим и Тиберий справился бы, но я хочу сам. Я мечтал об этом хрен знает, сколько лет. – Ему не нужно было долго что-то объяснять Гэбриэлу или оправдываться перед ним, и это было так здорово! – Он и так ослаб; ему чуть что, сразу врач кровь пускает, и отец теперь из замка вообще не выезжает, у него просто сил на это нет.

– Зачем кровь? – Насторожился Гэбриэл, перед глазами которого тут же пронеслась оргия в Садах Мечты, и Гарет дрогнул, глянул на него с сомнением и опаской.

– Чтобы удар предотвратить... Врачи считают, это от полнокровия, типа, она к голове приливает, и мозг не выдерживает, лопается... А то, что я сейчас увидел... Это твои воспоминания?..

– Наверное.

Они замолчали. Гарет пытался сообразить, что же мелькнуло перед его внутренним взором. Вроде как, люди, голые, в масках, лакают кровь из какой-то большой мраморной чаши, всё смутно, смазано, окрашено в какие-то серые цвета, и эмоция Гэбриэла: тяжесть, отвращение, ненависть, безнадёжность... Внезапно вспомнилась девушка, её большой зелёный глаз, широко открытый, полный ужаса и такой же безнадёжности. Тут же на это воспоминание наложилось другое: та же девушка, но живая, плачущая, вырывающаяся, с искажённым лицом и широко раскрытым в крике ртом. Быстро взглянул в глаза брату, и понял, что это уже ЕГО воспоминание, каким-то образом они обменялись ими. Гарет тряхнул головой, и тяжкая, мутная серость исчезла, отпустила, вернулись яркие краски, которые, оказывается, в эти мгновения словно померкли. «Единорог» быстро приближался к Блумсберри, впереди уже встал лесистый островок, разделивший здесь Фьяллар на две неравных протоки, в большую из которых и устремлялся сейчас корабль. Холмы на правом берегу стали круче, превратились в известняковые скалы, золотистые, местами позеленевшие от лишайника и мха, поросшие ещё одним эндемиком Нордланда: медвянником, ползучим кустарником с жёсткими и блестящими, словно лакированными, листьями, и обильно цветущим весной и в начале лета красно-белыми цветами, а к осени покрывающимся желто-красными лакированными твёрдыми ягодами, горькими, но необычайно полезными; из них готовились лекарства буквально от всех болезней. Название он получил из-за сладкого сильного аромата и из-за того, что его обожали пчёлы, а мёд, кото-

рый получался в пору его цветения, ценился далеко за пределами Острова за свои вкусовые, а главное, лечебные свойства. Сейчас корабль плыл, окутанный этим ароматом, и все плохие и даже просто грустные мысли улетучились в один миг. Впереди справа из-за древесных крон высоко на скале уже показалась башня городской ратуши, как все башни городов и сёл течения Ригины, квадратная, с острым шпилем, сложенная из известняка и золотистая под полуденным солнцем, а с колоколен города уже доносился звон: звонили к обедне. Скоро Гэбриэл увидел и крыши города, покрытые где дорогой красной, а где и дешёвой серой черепицей, города, дома которого строились, подчиняясь изломам скалы, на которой он был построен, и от того необычайно живописного. В устье Ригины, впадавшей здесь во Фьяллар, реки тоже довольно широкой, образовалось достаточно места для большого порта, куда и входил теперь «Единорог», швартуясь к каменному причалу. Этот порт был меньше, чем в Элиоте, и как-то ярче, и в то же время спокойнее – или Гэбриэлу, попривыкшему, что ни говори, к людям и толпе, так казалось?.. С корабля сначала свели коней, потом сошли и их хозяева. Матиас ждал их на берегу, и Гарет приподнял бровь:

– Однако?

– Да я назад по воде, ваша светлость. – Объяснил Матиас. – Хотел встретить вас здесь, сказать, что всё сделал, Тиберию сказал всё, что нужно, тот обещал, что ни один таракан с новостями к его высочеству не подкрадётся. Он уж и башмак приготовил, давить их, гадов.

– Быстро ты обернулся. – С одобрением заметил Гарет. Бросил Матиасу выуженные из кармана пять талеров:

– Вот, на девок. – Засмеялся, когда Матиас, ловко поймав деньги, возразил:

– Девки мне и так теперь дают! Даже в очередь становятся.

– А ты для них соревнования устраивай. – Предложил Гарет. – Пусть соревнуются, которая быстрее вокруг Гранствилла obeжит и ни разу не споткнётся, та и в дамках!

– Так что только по бегу-то? – Весело подхватил Матиас. – Пусть уже себя покажут во всей красе! Песни там поют, на дудке играют...

– Пляшут! – Веселился Гарет. – И пироги пекут, это обязательно, если девка готовить не умеет, а только бегают шустро, на хрена такая девка?! – Громко хохоча, они сели верхом и поехали по причалу в другую часть порта, где их поджидало судно поменьше, речное, способное ходить по широкой, но более мелкой, чем Фьяллар, реке. На борту Гарет рассказал Гэбриэлу, как Матиас стал его армигером, и заодно – про девушку, которая была кем-то превращена в чудовище.

Гэбриэл подтвердил: да, была такая девушка, он её видел в Редстоуне. И снова повисла пауза: они вновь подошли вплотную к тому, о чём говорить пока не решались. На речном судне места было ещё меньше, чем на «Единороге», рядом были Марчелло и Матиас, мимо то и дело проходили или пробегали матросы. Гэбриэл любовался Ригиной: река была красивой, какой-то женственной, если только это слово подходит к реке. Мягкие очертания берегов, пышные заросли ивняка по берегам, сейчас почти затонувшие, огромные вётлы, сейчас стоявшие по колено в воде и мочившие в ней свои нижние ветви. Течение Ригины, когда-то доставшееся в наследство от Дрейдре её потомкам, было обжитым: не проходило мили, чтобы не встретился домик, ферма, пасека, целая деревня, замок или целый городок, а между ними были покосы, поля, выпасы, на которых паслись местные коровы: не рыже-белые, как на юге, а чёрные или палевые, с белым ремнём по хребту, крупные, с тёмными глазами ланей. Гэбриэл привычно задерживал взгляд на лошадях, но теперь к его восхищению примешивалась и гордость собственного: его Красавица лучше всех! Ну, лучше тех коней, что паслись на берегу, уже точно. И наконец

настал момент, когда Гарет приобнял его и показал вперёд и чуть влево, где на скале возвышался замок, ещё словно бы чуть смазанный, тонущий в сиянии уходящего дня, но от того только ещё более красивый и даже волшебный.

– Это Золотая Горка и Хефлинуэлл. – Сказал Гарет, гордясь впечатлением. – Наш дом.

– Весь?.. – Выдохнул Гэбриэл. На миг вспомнился силуэт другого замка, бывшего его тюрьмой целых десять лет, и тут же стёрся из памяти. Хефлинуэлл не зря считался самым красивым замком не то, что Нордланда – Европы. Даже Урт в Блэкбурге, замок величественный, мощный и торжественный, уступал творению эльфов и людей, цитадели Хлорингов, возведённой вокруг древней эльфийской Золотой Башни, единственной круглой башни в этом краю.

– Этот замок никогда не захватывали враги. – Говорил с гордостью Гарет. – А осаждали четырежды. Раз это были анвалонцы, которые пытались уничтожить маленького Аскольда, единственного на тот момент потомка Бьёрга Чёрного, законного короля Нордланда; дважды это были южные дикари, ненавидевшие норвежцев, и в последний раз это было во времена Ричарда Чёрного, или Ричарда Бешеного, нашего предка, деда Генриха Великого. Тогда на него пошли войной все соседи и собственные вассалы, так он их достал своими преступлениями и своей жестокостью. Но Ричард отбилсЯ и отомстил. Во времена Карла Третьего, или Карла Отважного, в Хефлинуэлл проникло предательство. Гости молодого короля, нашего предка, тайком, с помощью предателя-кастеляна, пронесли в замок, на пир, оружие, и во время пира устроили резню. Весь Рыцарский Зал был залит кровью и устлан телами... Но Карл отбилсЯ. Мы, Хлоринги, особый род, особая кровь. Наш предок, Бьёрг Чёрный, был сыном языческого бога войны, Тора, и смертной женщины, Рёксвы. Его сын, Карл Великий, женился на эльфийке, Перворожденной, и это единственный случай в тысячелетней эльфийской истории, когда Перворожденные смешали свою кровь с людьми. Эльфы были против, целая буря поднялась из-за этой женитьбы, даже Фанна, обычно миролюбивые и нейтральные, были возмущены – тем более что Хлоринги, как тогда считалось, были прокляты местным божеством, духом этого Острова, или Стражем, как его называют. Но Дрейдре любила Карла и стояла на своём. Этой бучей воспользовались драконы и попытались уничтожить эльфов и захватить Остров... Им это почти удалось, но Карл, муж Дрейдре, убил короля драконов, и тем прекратил войну, а заодно и примирил эльфов со своим браком. Мы с тобой сейчас почти в центре Элодисского леса, в земле, которую в качестве своего приданого принесла Хлорингам Дрейдре. В остальной лес людям ходу нет, эльфы Элодис на этот счёт компромиссов не признают.

Гэбриэл слушал, словно новую сказку, и вдруг в какой-то момент его осенило:

– Погоди... Ты говоришь: мы, наши... что: и я?.. Ну... эти все короли, эльфы – они и мне тоже родня?! – И Гарет от души рассмеялся:

– Ну, наконец-то дошло, Младший! Да, и ты, и ты, конечно же! Ты Хлоринг, ты потомок Хлориди и Дрейдре, принц крови, граф, сын его высочества Гарольда Хлоринга и племянник её величества Изабеллы. Брат герцога Гарета Элодисского. И ты нашёл дорогу домой. – Губы его улыбались, а глаза блестели и плавились от волнения. – Ты вернулся домой, Гэбриэл. Как предсказала когда-то Мириэль нашему отцу: «Вы его не найдёте. Он сам найдёт дорогу домой, когда придёт час». Вот он и пришёл, твой час.

– Я только поверить не могу. – Признался Гэбриэл, его чуть потряхивало от волнения. – Вчера ещё я никто был, как так?! И что, весь этот замок – наш? И мой тоже?

– Я тебе больше скажу, Младший. – С весёлой иронией, которую Гэбриэл уже обожал, потрянул его Гарет. – Наше здесь всё.

– В смысле?..

– Всё. – Гарет широко повёл рукой. – Эти деревни, дома в них, люди на полях, поля, коровы, лошади, утки, деревья, олени в лесу, вон тот город, река, по которой мы плывём – это всё наше. Всё, Младший, ВСЁ. Буквально. Без нашего соизволения здесь даже дровосек не пёрнет. Дошло?..

– Нет. – Честно признался Гэбриэл. Из полной задницы без всякого перехода очутиться на самом верху – это и для него было через чур. – Я не... не понимаю. – Добавил он почти жалобно. – Как-то это всё... не реально, да. – Он взглянул на Марчелло, который тоже улы-

бался, глядя на них. Итальянец кивнул и учтиво поклонился ему. Гэбриэл посмотрел на город, стремительно вырастающий перед ним по мере того, как река делала небольшой плавный изгиб, огибая городской холм. Солнце садилось, и из-за его спины ярко освещало Гранствилл, Хефлинуэлл и тополиную рощу между ними. Эта картина была такой прекрасной, такой умиротворяющей, такой живой и манящей, что впечаталась в его память на всю оставшуюся жизнь. Он влюбился в этот город, в этот замок и в эту реку, они для него навсегда стали символом его новой жизни, нового себя. Да, он был дома.

Александра Барр вошла в грязноватое и дымное помещение маленького трактира в дал-веганской деревне Топь, у паромной переправы в Элодис, в Блумсберри, и трактирный слуга почтительно поклонился ей. Её одежда, в целом не монашеская, очень сильно напоминала рясу, и вся она, постная, строгая, почти бесцветная, вызвала в людях ассоциацию с клиром, с постами, с молитвами и покаянием. А ещё – внушала почти неосознанную робость. Или даже страх.

Не ответив на поклон, даже не заметив слугу, она села на лучшее место у окна, и сидевший там мужчина в скромной, но добротной и чистой одежде цехового мастера, тут же пересел на другое место, и не подумав не то, чтобы спорить, но даже обидеться.

На него она тоже не глянула, а вот на мелькнувшую в дверях девочку, внучку трактирщика, метнула змеиный взгляд.

– Чего желает госпожа?

– Воды. – Сказала Барр своим негромким голосом. – Чистой, ключевой. Нарезь капусты, капни туда немного уксуса. И хлеб, черный, вчерашний. И пусть подаёт девчонка.

Трактирщик поклонился. Заказ вызвал уважение: пусть день был не постный, но женщина, видать, очень благочестивая! Пусть навар с неё небольшой, но само присутствие столь благочестивой особы – уже почёт. Барр склонила голову, перебирая чётки и прислушиваясь к голосам трактирщика и внучки.

– Деда, я её боюсь! – Ныла девчонка, и по губам Барр скользнула довольная усмешка. Она была злобной тварью, и наслаждалась страхом и даже отвращением тех, кого ненавидела – а ненавидела она почти всех и почти всё. Но особенно – девочек, и особенно – миловидных и любимых кем-либо. Угадав в светловолосой девчущке-сироте дедову любимицу, она испытала страстное желание причинить зло, разрушить эту жизнь, утвердить и здесь свою власть, как бы ни были малы и ничтожны эти люди, и как бы ни было ей безразлично это место.

За несколько мгновений до того, как хлопнула низкая входная дверь, Барр чуть скривилась и прикрыла глаза. В трактир ввалился такой персонаж, что притихли все, кто здесь находился, даже матросы с торговой баржи. Здоровенный, почти подпирающий потолок, массивный рыжий детина с уродливым лицом, обезьяньими глазками, весь поросший рыжей шерстью, длиннорукий и коротконогий, он походил на огромное уродливое животное, вырядившееся в богатую человеческую одежду. Даже золотая цепь с цеховым орденом главы гильдии и роскошные перстни не делали его хоть чуточку солиднее и привлекательнее. Он подошёл к Барр и бесцеремонно плюхнулся на скамью напротив неё. Заговорил – и вот странно: все вокруг слышали его слова, но никто не мог ни понять, ни запомнить их, хотя говорил он на нордском. Для Барр это было несложное и будничное колдовство; люди рядом вроде бы понимали каждое слово в отдельности, но смысл сказанного от них ускользал и не откладывался в памяти.

– Серой аж за милю воняет. – Сообщил Аякс. Он, единственный, не боялся Барр. Он даже в самом начале их знакомства угрожал ей и попытался хамить, но Барр, хоть в целом её колдовство на него не действовало, сумела нагадить: у Аякса, скажем так, потерял работоспособность очень нужный ему орган. С тех пор, вынужденный перед нею извиняться и отдариваться, Аякс не то, чтобы её опасался, но предпочёл сохранять нейтралитет. Хотя не удерживался от того, чтобы дать ей понять, кто она такая, и что он, Аякс, её нисколько не боится.

- Как ты ещё это почувствовал, – прошипела она, – сквозь собственную вонь?
- Собственное дерьмо приятно воняет. – Осклабился Аякс и демонстративно рыгнул, зная, что Барр не выносит всех этих естественных отправлений организма.
- Что, – удовлетворённо потупилась Барр, – не вышло схватить ублюдка?
- А может, вышло? – Разозлился Аякс. Он совершенно не умел владеть собой и раздражался на любой намёк на свои недостатки или неудачи.
- Нет. – Покачала головой Барр, даже не пытаясь скрыть удовольствие. – А я предупредила тебя.
- В жопу твои предупреждения! – Аякс аж побагровел. – Ты же говорила, что меня эти сраные эльфы не увидят и не почуют!
- Тебя-то нет. – Сладко пропела она. – А вот щенка – да. Почуяли, увидели и позаботились. Это Элодисский Лес, животное. Я говорила тебе: есть только одна возможность схватить его. Выманить из леса. На живца, животное, на живца!
- На какого живца?! – Рассвирепел Аякс. – Что ты несёшь, ведьма?!
- Я сама его добуду. – Барр взглянула прямо на него своими холодными голубыми глазами. Они были неожиданно красивыми, с необычным, даже изящным, вырезом крупных век, с длинными ресницами. Но их взгляд полностью перечёркивал их необычную красоту. Холодный, даже ледяной, жестокий, циничный, тяжёлый, лишённый и тени женского кокетства или мягкости, пусть и напускной. Впрочем, ответом ей был взгляд ничуть не лучше. У Аякса был взгляд отморозка, оловянный, не имеющий и тени искры Божьей, тупой и злобный. Эти двое друг друга стоили во всех смыслах этого выражения. Аякс гнусно усмехнулся:
- Да?.. И зачем? Что ты с ним будешь делать?
- Больше не лезь впереди меня и не порти мне игру. Я знаю, что делаю, и справлюсь сама. В Элодисский лес больше не суйся. Эта проклятая эльфийская ведьма сильна, даже я её не одолею.
- Сучку Лару же одолела!
- Сучка Лара была не Перворожденной. Она была лишь дочерью и внучкой Перворожденных. И она боялась за своего выблядка... Выманить бы эту тварь из леса, но она никогда не покидает лес! За пределами Элодиса я бы рискнула... Повторяю, если хочешь победить, учись ждать.
- Чёрта с два я буду ждать. – Фыркнул Аякс. Дрожащая девочка принесла Барр только что нашинкованную и политую уксусом капусту, и ведьма с наслаждением, с чувством, с расстановкой, покуражилась над бедняжкой, не отпуская её от себя и буравя своими ужасными глазами, пока не довела её до слёз. Аякс, в этом деле солидарный с Барр полностью, добавлял ужаса бедной девочке, тоже буравя её своими оловянными глазёнками и плотоядно усмехаясь. Девочка боялась их до истерики. Она, в отличие от отца, никакой святоши не видела; она видела именно то, что и было перед нею: страшную злобную ведьму и людоеда из страшной сказки. Отпустив плачущую девочку, Барр насала на неё порчу и, довольная собой, вновь взглянула на Аякса.
- Ты понял меня?.. Не лезь в Элодисский Лес. Эта ведьма Мириэль не по твоим зубам. Оставь её мне. Я возьму выродка, тогда и тебе хватит, и мне, и Хозяину останется.
- Кому хозяин, тому хозяин. – Презрительно бросил Аякс, ковыряясь в зубах – он заказал себе полусырой бараний окорок. Барр чуть заметно скривилась:
- Ты что, равняешь себя с ним?.. Даже не мечтай когда-либо сравняться с ним хоть в чём-то!
- Ну-ну. – Ещё веселее фыркнул Аякс. – Ну, вот что. Я подожду, так и быть. Не полезу вперёд тебя, хоть мне плевать, хоть ведьма эльфийская, хоть дракон, хоть сам архангел Михаил, мне всё едино. Я никого не боюсь! Даже тебя, хоть ты и та ещё тварь. – Он сжал перед её

лицом огромный кулачище, весь покрытый рыжей шерстью. – Помни это. Надо будет, я и тебя порешу, не сомневайся.

Барр с презрением посмотрела на кулак, чуть сощурила глаза:

– Попробуй хотя бы эльфийку или эльдар мне добыть. И чем скорее ты это сделаешь, тем скорее мы заполучим Хлоринга.

– Не справишься, я справлюсь сам. – Аякс поднялся и швырнул полуобглоданную кость на пол. – Без тебя. – И пошёл к выходу, огромный, косолапый, страшный. А Барр с постным лицом принялась за свою капусту.

Появление герцога Элодисского на улицах города с братом стало такой сенсацией, что весь Гранствилл содрогнулся. Люди бежали к Ригстаунским воротам, чтобы своими глазами увидеть эту сенсацию, и рассказывать потом тем, кто не успел. Откуда он взялся, где был? – эти вопросы прямо-таки роились в воздухе. Гарет подгонял коня, не давая задерживать их, и вскоре они очутились на ригстаунской дороге, повернув налево у садов Твидла, вдоль огромной тополиной рощи промчались к мосту через Ригину, когда-то построенному эльфами.

У Гэбриэла были такие смятение и каша во всём его существе: и в уме, и в голове, и даже в теле, – что когда брат по дороге говорил ему про город, про дорогу, про какой-то хутор и даже про мост, про вид со скалы, по которой они поднимались к замку, он вроде и слушал Гарета, и в то же время ничегошеньки не запомнил и не увидел. Ему было страшно; он боялся того момента, когда придётся отвечать на вопрос: где он был всё это время?.. В голове его всё время вертелся вопрос: и где же он был?.. Гэбриэлу казалось, что если он расскажет брату правду, это навеки разделит их. Брат станет презирать его точно так же, как он сам себя презирает за всё, что делал в Садах Мечты, пока верил Хэ. И как же ему было страшно!.. Лишиться уважения и любви брата теперь, когда они вместе, казалось Гэбриэлу страшнее всего на свете. Страшно сказать, но в эти мгновения он забыл даже про Алису!

А между тем дорога, ровная, вымощенная местной известняковой плиткой, делаая плавные изгибы по скале, подняла их на Золотую Горку, самую высокую точку в округе, с которой и в самом деле, открывался такой захватывающий дух вид, что даже Гэбриэл очнулся и огляделся, остановив лошадь подле брата, предложившего ему оглядеться. Отсюда видны были и Гранствилл, весь, словно на ладони, и Ригина, и Омки, и сады Твидла, и монастыри урсулинок и францисканцев, и соседняя Белая Горка, и бескрайние дали великого леса. Вдали виднелись даже шпили и красные крыши Блумсберри, находившегося отсюда почти в дне пути, а на севере, за лесом – призрачные очертания какого-то неведомого города, тоже стоявшего высоко на скале. Окрестности Гранствилла, где уже больше ста лет не было никаких войн или катаклизмов страшнее града или неурочных заморозков, поражали своей ухоженностью и добротностью; поля были ровные, словно по линейке, пышно цвели сады, бело-розовой пеной кипели обширные владения Твидла, мужа кормилицы герцога, в деревнях хорошо видны были побеленные колокольни и церкви, крытые дорогой эльфийской синей черепицей, и дома зажиточных крестьян, под красными крышами. Насколько Гэбриэл помнил – а помнил он, вообще-то, не очень отчётливо, – владения Драйвера были поплоче.

– В Европе мне часто снилось, что я вернулся домой и смотрю с Золотой Горки. – Признался Гарет. – Так скучал по этому всему!.. Если, не дай Бог, придётся стать королём и жить в Элиоте, я ж с тоски сдохну! Там куда как унылее виды, и гор нет, и леса тоже нет, так, перелесочки убогие... это наш замок, младший. – Он как-то сразу прилепил Гэбриэлу это прозвище. Гарет вообще называл по имени или титулу только чужих и безразличных ему людей; если кто-то удостоивался от него прозвища, даже насмешливого, это означало, что он выделяет этого человека, и тот не безразличен ему. Марчелло, пока не понял эту особенность своего патрона, какое-то время сильно, хоть и молча, обижался на прозвище «Изя», данное ему не потому, что его звали Израилем, а потому, что он был на самом деле крещёным евреем, скрывающимся от

инквизиции. Называл его герцог так, правда, только тогда, когда их никто не мог услышать, и вдобавок, когда они говорили по-итальянски. И лишь когда Марчелло понял, что прозвищами герцог награждает лишь избранных, и это не насмешка, а знак доверия, стал считать это едва ли не честью.

Гэбриэл, неохотно оторвавшись от созерцания прекрасного зрелища, взглянул на замок, и сглотнул. Тут уже никаких сомнений не было: Редстоун, по сравнению с Хефлинуэллом, был убогой хижинкой, не смотря даже на все перестройки и улучшения! Один барбакан над гостеприимно опущенным мостом чего стоил! За время, пока Гарет отсутствовал и искал брата, Глэдис сумела-таки навести порядок: ворота были не только добротными и крепкими, но и чистыми, словно новыми, – их теперь мыли раз в неделю, – и знамёна Хлорингов с гербами рода, вышитыми золотом по чёрно-белому полю, казались чистыми и новыми. В центре был родовой герб: корона, орёл и меч, по краям гербы его высочества – белый единорог и золотая корона на голубом фоне, и Гарета – золотые грифон и меч на фоне цвета индиго. Увидев герб, Гэбриэл вновь ощутил уже знакомые мурашки: сколько раз он видел его во сне! Кони вошли в прохладную тень, и подковы гулко прогремели в замкнутом пространстве. Очутившись во дворе, Гэбриэл вновь приоткрыл рот, настолько его поразило то, что он увидел.

Когда-то Хефлинуэлл состоял из Золотой Башни и нескольких пристроек к ней, обнесённых крепостной стеной, без всякого плана и порядка, а город Грантвилл располагался там, где теперь были внешний двор и барбакан, прямо под стенами замка, и дорога к мосту была его главной – и единственной, улицей. Во времена Карла Второго город, по какой-то забытой ныне причине, перенесли на другой берег Ригины, а замок понемногу обрастал различными пристройками, без всякого плана и системы, пока дед и отец Генриха Великого, Ричард и Бьярне Хлоринги, не снесли всё, кроме башни, и не построили правильный квадрат нового замка, с Золотой Башней в центре: появились пристроенный к ней Рыцарский Зал, и сообщающиеся с ним Рыцарская и Девичья квадратные четырёхэтажные башни. Два другие угла квадрата образовывали Северная и Служебная башни, а между ними, напротив Рыцарского зала, по другую сторону Золотой Башни, была башня Военная, где располагались казармы и тюрьма. Внутри квадрата находились разные постройки: конюшни, псарни, кухни, мастерские, разные башенки, прилепившиеся к основным, словно ласточкины гнёзда, даже домики. Потом, уже во времена его величества Ричарда Первого, всё это было обнесено внешней капитальной стеной со сторожевыми башнями, в виде неправильного восьмиугольника. Из внутреннего замка убрали конюшни и другие хозяйственные постройки, и разбили сады с павильонами и беседками, а за Военной Башней появились большой хозяйственный двор с собственными воротами, куда подъезжали гружёные подводы с продуктами и материалами, Казарменный, Конюшенный и Парадный дворы, а к Рыцарскому Залу был пристроен холл.

Гэбриэл всего этого пока, конечно, не знал и знать не мог, пропустив мимо ушей и упоминание брата о Грантвилле, по бывшей улице которого они ехали к замку; он просто был потрясён строгой красотой Парадного двора. Сразу за барбаканом они с братом спешили, слуги забрали у них лошадей и повели куда-то направо, в высокую арку, а братья в сопровождении Марчелло и Матиаса пошли к широченному высокому крыльцу по чистым, без каких либо следов грязи, навоза и даже пыли плитам, тёмно-серым и цвета слоновой кости. По обе стороны стояли четыре мраморных контейнера, наполненные землёй, в которые были высажены розовые кусты, ухоженные и пышные, сбрызнутые водой, алые и белые, набравшие цвет, и кое-где начавшие распускаться. Их тонкий аромат уже чувствовался в воздухе, и этот аромат – хоть Гэбриэл никогда и нигде не видел роз, – был не просто знаком ему. Он будил в нём такие давние, глубинные воспоминания, что это были и не воспоминания вовсе, а тени воспоминаний, скользившие по границе сознания и подсознания, словно силуэты рыб в мутной воде. Его сны, в которых всё было огромным, а он хвастался кому-то новыми сапожками... Эхо, тень какого-то голоса, уже совершенно бесплотного: «Если мы с тобой отпустим сейчас

эту гусеницу, она превратится в волшебную и прекрасную бабочку, а если ты её раздавишь, она так и умрёт чудовищем, а в мире станет чуточку менее красиво!», «Гари, посмотри, как сидит Гэри, и сядь так же, не балуйся!», «Если ты не станешь есть суп, я отдам его Марте!». Гэбриэл внутренне весь затаился, боясь спугнуть эти тени, которые все несли в себе ощущение мира, безопасности и простой и прекрасной детской любви... А брат говорил, показывая:

– Там за аркой Конюшенный и скотный дворы, а слева – псарня и кретчатня; но это я потом тебе всё покажу. Сейчас мы к себе, в Рыцарскую Башню. Пошли со двора войдём, чтобы слуг не нервировать. – Они, не поднимаясь на крыльцо, свернули в открытую галерею, в тень меж каменных колонн, объединённых арками, по которым к середине лета будет виться девичий виноград, а пока – только решётки для него. У каждой колонны тоже стояли вазоны с землёй и зеленью, будущими лианами и вьющейся розой, а внутри галереи стояли в нишах скамеечки, и было видно, что здесь частенько отдыхают – где-то лежали забытые книга и платок, где-то аж целая лютня, и деревянное блюдо с остатками какого-то печенья. Гэбриэл напрягся: к ним бросились две собаки, не волкодавы, вроде тех, что порвали его, но тоже большие, гладкие, тёмно-рыжая и пёстрая, с короткими хвостами и длинными красивыми мордами, начали радостно ластиться к Гарету. Гэбриэл застыл, инстинктивно прижимая к груди руку.

– Отомри, Младший! – Засмеялся Гарет. – Это Нора и Куш, мои любимцы. Особенно Нора... Красавица, девочка! – Он нагнулся и поцеловал собаку в розовый нос, и та поспешно, с радостным визгом, облизала его лицо. Гэбриэл непроизвольно поморщился: его знакомство с собаками не располагало к подобной фамильярной нежности.

– Они охотничьи. – Пояснил Гарет, трепля собак по спинам и тиская их уши. – Я только с ними и охочусь. Местная порода, выведены от английских биглей, местных овчарок и ирландских волкодавов; с ними можно и на оленя, и на зубра, и на кабана, и на медведя даже ходить. Ты что так застыл, боишься?

– Я... – Гэбриэл сглотнул. – Да. Я и хромаю из-за собаки.

– А своих собак у тебя не было?..

Гэбриэл только посмотрел, и Гарет перестал улыбаться. Оглянулся к Марчелло:

– Иди к Тиберию, предупреди его, что мы уже здесь, но отец пока не должен ничего знать. Я сам ему расскажу, а сначала подготовлю... Ну, и мы с братом обсудим, что и как отцу рассказать, и как всё представить.

Марчелло кивнул и пошёл к главному крыльцу, а братья пошли дальше, сопровождаемые собаками и Матиасом. Но Гэбриэл как-то вдруг заметил, что от арки Конюшенного двора на них пялится несколько человек, что-то оживлённо обсуждая, и почувствовал себя неловко и скованно.

У двери в конце галереи стояли два стражника с огромными алебардами, в чёрных вамсах с гербами его высочества, которые при виде герцога и его брата молодцевато вытянулись, но при том изо всех сил скосили на Гэбриэла изумлённые глаза. Гарет не обратил на них никакого внимания и не сделал никакого движения, чтобы открыть дверь, но та, словно по волшебству, сама распахнулась перед ними – Гэбриэл успел заметить чьи-то руки, прежде чем они прошли внутрь, и дверь так же словно сама по себе закрылась за ними.

– Ну, вот мы и дома. – Сказал Гарет, стаскивая перчатку. – Это Рыцарская башня, здесь всегда жили наследники хозяина Хефлинуэлла, сыновья. Дочери и жены жили в Девичьей Башне, там располагается Женский Двор, а здесь – Малый Двор, мы с тобой, наши рыцари, пажи, армигеры, придворные, слуги и прочая. Здесь всё, как в Золотой Башне, у отца... ну, почти всё. У нас своя приёмная есть, мы сейчас в ней, есть Малый Рыцарский зал, наши с тобой покои, мои на втором этаже, твои на третьем, покои для армигеров, библиотека, оружейная... Я тебе потом всё покажу и расскажу. Здесь, – он повёл рукой вокруг, – наши армигеры и пажи время коротают, пока нам не понадобятся. – Гэбриэл огляделся. Время коротали загадочные «армигеры» со всем возможным комфортом: помимо кресел-карл здесь был стол, застав-

ленный печеньем, копчёностями, от одного запаха и вида которых Гэбриэл сглотнул слюну, вином, сидром и сладостями, стояли шкафы, лежали чьи-то книги, какие-то свитки, мандолина и лютня, несколько оселков, чтобы править оружие, какие-то ещё мелочи... Был здесь большой камин, а по стенам развешаны панно, изображающие птиц и цветы, оружие, щиты и головы кабанов и оленей. Большое чучело медведя стояло в углу, и какой-то шутник дал ему в лапы лютню и надел на голову шаперон, лихо сдвинув его набекрень. Гэбриэл и медведей не видел, и с опаской засмотрелся на его внушительные клыки – большие, да.

– Сейчас они все ужинают, – пояснил Гарет, опережая его вопрос, – в Малом Рыцарском, а мы с тобой поедим у тебя в покоях, там же и поговорим без лишних глаз и ушей... Матиас, понял меня?.. – И тот, коротко кивнув, куда-то направился.

– И Альберта мне! – Повысил ему в спину голос Гарет, увлекая брата к широким дверям, которые так же, словно по волшебству, распахнулись перед ними. Внутри они не пошли, Гарет от дверей показал ему большой зал, красивый до того, что у Гэбриэла перехватило дыхание: да ну на фиг! Зал был высоченный, с потолка свисала огромная люстра с множеством светильников, заправленных нефтью, которую в Нордланде называли каменным маслом. Эту люстру, как потом видел Гэбриэл, слуги опускали вниз с помощью колеса, и зажигали вручную, и та ярко освещала огромный зал. Помимо люстры здесь были светильники на подставках, на несколько свечей каждый, два высоких кресла, стоявших рядом под двойным окном, в каждой из половинок которых были выложены из цветного стекла гербы Гарета и Гэбриэла, на стенах друг против друга висели два огромных гобелена, на одном из которых была вышита охота на единорога, а на другом, над огромным камином, инкрустированным эльфийской глазированной плиткой, – какая-то битва. Помимо того, на стенах висели небольшие эльфийские цветочные панно, вышитые шёлком и золотой нитью, головы медведя, зубра, рыси и лося, щиты с различным оружием, от меча до гизарды, и даже стояло чучело лошади со всадником в золочёном доспехе, в натуральную величину! Но больше всего Гэбриэла поразила пол. Он был из белой, бежевой и чёрной плитки, выложенной в виде розеток и геометрических фигур, и отполирован до зеркального блеска.

– Это сарацин. – Показал на всадника Гарет. – Доспехи какого-то сарацинского князя, наш прадед привёз из Иерусалима; а конь его – ахалтекинец, азиатская порода, считается красивейшей на земле... А полы видишь, какие?! Я ещё помню старые наши полы, простые каменные, посыпанные травой. А потом отец сделал такие. Их слуги моют каждый день, и дважды в месяц полируют специальной пастой, мы покупаем её в эльфийском квартале. Пол тоже изготовили эльфы. В приёмные дни от входа стелется дорожка, чтобы посетители нам не топтали полы почём зря... Пошли к себе. – Гарет увлёк брата к боковой двери, которая вывела их на лестницу. Там тоже стоял стражник, который при виде Гэбриэла так же остолбенел и крепче вцепился в алебарду.

– А он что не ест? – Спросил тихо Гэбриэл брата, когда они прошли мимо и начали подниматься наверх. Тот усмехнулся:

– Он на дежурстве. Не бойсь, после поест, голодным не останется. Мы очень богаты, Младший. Очень. Мы самая богатая семья на этом Острове, да и в Европе. Есть легенда, что Хлориди, бог, отец Бьёрга, наградил своих потомков способностью притягивать к себе золото и боевыми яростью и мастерством. И это, наверное, правда, потому, что все Хлоринги богаты...

– Это точно. – Усмехнулся Гэбриэл. – У меня тоже золото было. Ничего не было, а золото было. С его помощью я и сбежал...

– Расскажешь. – Коротко бросил Гарет, увлекая его за собой.

В городе и замке в эти часы царил настоящий ажиотаж. Кто видел, бежали рассказать захлёб всем потрясающую новость, кто не видел – не мог поверить и только потрясённо ахал. И все гадали: что же теперь будет?! Очень многие считали, что Гарет, даже если брат най-

дётся в конце концов, не захочет делиться с ним ни богатством, ни влиянием. Дело в том, что старший брат, как предполагалось, унаследует корону, поэтому его владения включали в себя, помимо Гранствилла, юг герцогства, традиционно менее изобильный и более проблемный, нежели север – золотые земли Острова, междуречье Лав, Еи и Вопли, богатейшие уголья, серебряные рудники, леса, не охраняемые, как Элодис, эльфами, богатые города Гармбург, Лионес, Фьёсангервен, Новоград, Хорсвил, Валена, Винетта... Всё это отходило теперь младшему, в пожизненное владение, и никто не хотел верить, что Гарет уступит эти земли без всякого противодействия. О Гарете вообще сложилось мнение, будто он человек легкомысленный, высокомерный, занятый любовными интригами и турнирами; все знали, что он любит дорогое оружие, лошадей и драгоценные камни. Чтобы такой человек, и добровольно отдал такие богатства?.. И многие уже гадали, что это он не приказал потихоньку придушить своего брата, а открыто провёз его по городу и привёз в замок?

Гэбриэл не подозревал ни о чём подобном, когда вошёл вместе с братом в его покои. Стены здесь были обшиты дубовыми панелями, отштукатурены, окна были больше, чем в нижних помещениях, с венецианскими стёклами, в простенках висели зеркала. К одному из них Гарет сразу подвёл брата.

– Смотри. – Сказал, обняв его за плечо. – Сам смотри.

Гэбриэл в самом деле видел себя впервые – и не впервые, потому, что он действительно был на одно лицо с Гаретом. При внимательном взгляде видно было, что Гэбриэл худее, стройнее, бледнее и жёстче, взгляд у него был холоднее и мрачнее, но выражение губ напротив, было проще и мягче. Он не был таким холёным, высокомерным и снисходительным, как его брат, похожий на сытого льва; чувствовалось сразу, что у него за плечами гораздо больше всего и всякого. Самому Гэбриэлу показалось, что его брат намного красивее и интереснее, чем он сам. Одни глаза, синие, как драгоценные камни, чего стоили!

– Ты красивее. – Сказал он от всего сердца.

– Я ещё и старше, и умнее, и лучше одет. – Фыркнул Гарет. – Но это мы исправим очень скоро, практически, сейчас. Когда я вернулся из Европы, я приказал, чтобы твои покои всегда были готовы принять тебя, в любой момент. Там почти всё, как и у меня, чисто, постель готова, огонь горит. Я следил сам за их состоянием. Знаешь... мне приятно было это делать. Я когда заботился о них, мне легче было верить, что ты в самом деле найдёшься. И одежда там твоя – я распорядился, чтобы нам два комплекта шили, что мне, то и тебе. Только моя одежда в чёрном, индиго и золоте, а твоя – в чёрном, маренго и серебре... Ах, да, это я уже говорил. Пошли.

Они поднялись на верхний, четвёртый, этаж башни, по узкой лестнице бокового коридора, и вошли в покои Гэбриэла, ждавшие его больше двадцати лет. Они, как и у Гарета, состояли из гостиной, спальни, бани, комнат оруженосца, столовой и кабинета. В алькове стоял пюпитр с книгой, роскошным часословом, заказанным его высочеством в Италии к пятнадцатилетию сыновей – одним из двух, у Гарета был похожий. В гостиной висели два гобелена, так же вытканые в Италии, на одном было изображено стадо единорогов на водопое у скал, на втором – цветущие деревья и девушка, напомнившая Гэбриэлу Алису: тоненькая, большеглазая, изящная. Она была украшена цветами, держала в руках гроздь винограда, яблоки и какие-то ещё фрукты и цветы... Гэбриэл остановился возле неё.

– Кто это? – Спросил удивлённо.

– Лавви. – Ответил Гарет небрежно. – Фея цветов. Это легенда, их не существует. Но картинка красивая, правда?

– Почему их не существует? – Гэбриэл потрогал ткань. – Вот же она.

– Это фантазия. Считается, что фея цветов приносит счастье, здоровье и процветание туда, где живёт; были времена, когда на них охотились все, кому не лень. Если они и существовали, то их тогда всех уничтожили. Сейчас их на острове нет... А жаль. – Он вдруг тоже

подумал, что лавви похожа на Алису. И сам удивился своей мысли. Провёл брата по покоям, показывая:

– Здесь спать будешь, полог – для тепла зимой и от насекомых летом; зимой, впрочем, у нас теперь почти и не холодно, не так, как прежде было, пока стены не обили деревянными панелями и не отштукатурили – после этого и сквозняков таких не стало, и теплее в сто раз, а заодно и уютнее, и красивее. Здесь будешь гостей принимать, меня, к примеру, отдыхать, читать – когда научишься, писать, короче, здесь большая часть твоей жизни и будет проходить, – работать будешь...

– Как работать? – Искренне удивился Гэбриэл, который наивно полагал, будто жизнь графа – это одни удовольствия. Гарет засмеялся:

– Как лошадь, младший! Особенно первый год. Поначалу со мной вместе, учиться будешь править, а потом – сам, сам... Владения у тебя огромные, самые большие на Острове, после моих, без хозяина они стояли долго, разгребать свои Авгиевы конюшни будешь ого-го, сколько!

– Конюшни?..

– Ох, младший... – Гарет перестал смеяться. – М-да. Ну, вот тебе пример. Ты – хозяин деревни... Нет, большого дома. Начнём с малого. У тебя есть жена, двое детей, управляющий, слуги, хозяйство, лошади, коровы, и масса всего ещё. И всем этим нужно управлять...

– Я знаю. – Резко ответил Гэбриэл. – Я управлял. Я понял. Порядок нужно поддерживать, контролировать всех, кормить, распределять обязанности, жратву, наказывать, если что, вся такая фигня. Я понял. Только там дом, а там – куча всего. Не думай, я понял. Я не дурак. – Сказал он почти просяще. – Ну, я дикий, я понимаю, и ничего не знаю, а не умею ещё больше, Алиса мне об этом иногда говорила, намекала, но я не дурак. Я быстро понимаю, что нужно, ты не думай.

– Я и не думаю. – Гарет даже не спросил, кто такая Алиса, а Гэбриэл в этот момент не придал этому значения. – Пошли дальше, раз про работу ты в целом понял. Здесь баня, – он открыл небольшую и очень толстую дверь, плотно пригнанную к косяку. – Это отец придумал сделать у нас бани, на вроде тех, что у русских на севере, но, конечно, не такую, без парной. Парная нам в несколько лет все стены бы порушила, а прежде они бы отсырели и заплесневели. Здесь просто мыться можно не сидя в бадье, как на остальном Острове, а с комфортом, стоя, из ведра себя окатывая. Здесь печь, как видишь, при ней бак... в нём вода закипает, и ты её смешиваешь с холодной, как тебе нужно, намыливаешься, – он дал Гэбриэлу понюхать кусок мыла, – понюхай, византийское, розой пахнет, стоит десять дукатов кусок! А ещё бывает лавандовое и фиалковое, потом выберешь, какое вкуснее. Отец любит розы. Видел розовые кусты во дворе?... Это мамыны, за ними следят наши садовники, как за зеницей ока, ручную от насекомых обирают, листики моют... Но и красивые же они!.. Поэтому у нас много духов и мыла с запахом розы. И наша кухня, Гэбриэлла, тоже розовым маслом пользуется, причём немеряно, льёт его на себя столько, что задохнуться можно. А мне фиалковое мыло нравится, и фиалковые пастилки, чтобы жевать. Ну, от запаха изо рта.

– У полукровок не пахнет изо рта.

– Нет. – Согласился Гарет, и подмигнул брату:

– А пастилки всё равно прикольные. Про баню понял?..

– Да.

– Пошли дальше. Здесь столовая: здесь будешь завтракать и обедать с теми, с кем решил пообедать там, или поужинать без лишних глаз, чтобы перетереть что-то... или с любовницей. Для любовниц здесь есть отдельная лестница, чтобы твою даму никто не увидел и не спалил её мужу.

– Любовниц?..

– Любовниц. Женщин. Женщин, с которыми у тебя будет секс.

– У меня не будет женщин. – Сказал Гэбриэл. – У меня будет Алиса. Я поклялся ей, что ни одной женщины после нашего побега у меня не будет, только она.

– Кто такая Алиса? – Теперь Гарет спросил, и Гэбриэл вдруг сообразил, что в первый раз он не удивился... Напрягся.

– Моя невеста. – Сказал твёрдо, смутно чувствуя, что здесь кроется какой-то подводный камень.

– Младший, ты граф. И не просто граф, а сын принца, и сам можешь стать принцем, если только не дай Бог с твоими отцом и братом что-то случится. – Мягко, но мягкость эта обещала какой-то неприятный сюрприз, произнёс Гарет. – Твоей невестой может быть только благородная дама, не ниже баронессы.

– Алиса – благородная! – Убеждённо произнёс Гэбриэл. – Она не хуже принцессы умеет вести себя, разговаривать и всё такое...

– А кто она? Графиня, виконтесса? Может, принцесса?

– Она – моё солнышко. – Прямо глянул в глаза брату Гэбриэл. – Она – моя невеста, моё... моё всё. Я на всё готов ради тебя, это честно, но от Алисы я не откажусь даже ради... – Он обвёл глазами помещение, – ради всего этого. Даже ради тебя. Прости, если что, но я не сдамся. Я жизнь за неё уже раз отдавал, и снова на всё пойду.

– Никто не заставляет тебя от неё отказываться. – С тенью досады сказал Гарет, отворачиваясь. – Но жениться на ней ты не можешь. Ты можешь поселить свою Алису в замке, поблизости от себя, можешь сделать её своей официальной фавориткой, но жениться тебе придётся на благородной даме, которая укрепит наши связи с влиятельным домом... На Софии Эльдебринк, например.

– Я женюсь, – отчеканил Гэбриэл, – только на Алисе, или ни на ком.

– Младший... – Спасло их обоих появление такого роскошного и идеального господина, что Гэбриэл решил, будто это и есть его высочество и его родной отец, от одной мысли о котором ему делалось так страшно, охватывало такое волнение, что все мысли мигом вылетали пробкой из головы, а руки делались влажными и слабыми. Но господин сам поклонился им, изящно, с достоинством, так, что Гэбриэл вновь закомплексовал из-за своих внешности и неловкости. У господина было тонкое правильное лицо, неброское, с несколько бледной расцветкой бровей, ресниц и губ, какой-то... неопределённой, но приятной, по-модному побритые короткие усы и бородка, почти щетина, серые глаза, которые одни можно было бы назвать красивыми и яркими, если бы не выражение, бесстрастное и просто невыносимое, которое могло довести до бешенства. Короткие, модно подстриженные волосы лежали волосок к волоску так, словно он только что за дверью тщательно уложил их, и в таком же идеальном состоянии была вся его одежда, изысканно-простая, но очень дорогая даже с виду, и даже руки его, почти эльфийские, большие, с длинными красивыми пальцами и ухоженными и чистыми ногтями. Если все другие жители замка при виде Гэбриэла впадали в ступор, то этот господин и бровью не повёл, и даже глаза его так и остались бесстрастными и спокойными.

– Альберт, это мой брат. – Сказал Гарет, и господин поклонился Гэбриэлу с тем же вежливым уважением, от которого почему-то зубы заныли, и захотелось ущипнуть его, что ли, или выкинуть что-нибудь нарочито грубое и непристойное. – Мне нужно срочно к отцу, а моему брату нужно привести себя в порядок, переодеться, и кое-чему научиться, чтобы на первых порах не ударить в грязь лицом. Он, как видишь, у меня ещё совсем дикий, хоть и симпатичный, а по части этикета так и вовсе младенец. Жил в глуши, на севере, – он с усмешкой глянул на брата, обиженно насупившегося, – подробностей я ещё не выведал у него, но ты и сам лишних вопросов задавать не будешь, и другим не дашь, я тебя знаю, и потому оставляю его ненадолго в твоих надёжных руках.

– А ты?! – Испугался Гэбриэл, и Гарет дружески встряхнул его:

– Я к отцу, ненадолго. Не бойся, Альберт Ван Хармен не кусается, хоть и выглядит таким устрашающе-идеальным. Он за тобой присмотрит, быстренько натаскает, что необходимо хотя бы на первых порах, слуг пригласит надёжных. Они помогут тебе переодеться, покормят... – Гарет глянул на брата. – И подстригут. У тебя такой вид, словно ты сам себя стриг. Не глядя. – Он отошёл и придирчиво осмотрел Гэбриэла с ног до головы.

– Ты в отца. У тебя и цвет глаз в точности, как у него, и волосы. У меня больше в коричневое отдают, а у вас с отцом чёрные, как смоль. И ты часто говоришь и смотришь в точности, как он. Надо же. – Гарет ласково улыбнулся брату. – С младенчества его не видел, но столько от него взял... Ну, мойся, переодевайся...

– Гарет, это...

– погоди, младший. Потом. Пора идти, боюсь, что кто-то успеет отца порадовать, надо подсуетиться. – Замер, разглядывая его со странной полуулыбкой...

– Поверить не могу. – Признался тихо. – Мой брат... Живой, настоящий! Ты не вздумай исчезнуть, слышал? Второй раз я этого не вынесу.

Оставшись один на один с безупречным Альбертом, Гэбриэл замкнулся, настороженно поглядывая на него. А тот, игнорируя и его враждебность, и его настороженность, и неловкую паузу, подошёл к двери и приказал кому-то невидимому:

– Мне нужны Ганс, Кевин и Максим. И очень быстро, со всем необходимым. – Вернулся к Гэбриэлу и осмотрел его с задумчивым видом мастера, изучающего сомнительный, но перспективный материал.

– На севере, – сказал спокойно, – раз уж вы решили быть северянином, не повторяют через слово «ЭТО», так говорят южане. И звук «ч» говорят чётко и с нажимом, не «што», как здесь и на юге, а «что». Так же, не добавляют ко многим словам частицу «то», типа, «а холодно-то», «А мы-то», и так далее, северная речь более близка к правильному нордскому. И северяне используют много русских и финских слов. Вам следует либо научиться им, либо придумать другую легенду.

Гэбриэл промолчал, но про себя решил, что ненавидит этого господина всеми фибрами души. За его бесстрастной вежливостью скрывалось такое хладнокровное высокомерие!.. Демонстративно сел в кресло:

– Валяй, учи меня, чему там надо. Про слова я понял, дальше что?

Альберт проигнорировал и демонстративность, и вызов, и принялся «валять».

– Прежде всего, милорд, вам придётся избегать в своей речи слова «.уй» и производных от него. Бранные слова допускаются лишь в обществе сверстников и равных по происхождению, но в присутствии старших, простонародья, слуг и женщин такие слова недопустимы. Так же я вам посоветовал бы избегать слов «жрать», «Срать», и тому подобных, это в обществе высокородных господ недопустимо, хоть вы можете себе их позволить в разговоре с теми из своих друзей, кого это не коробит. В данном замке, кроме вашего брата и его высочества господ, равных вам по происхождению, либо выше вас, нет, но есть рыцари и дамы, с которыми следует соблюдать этикет, или хотя бы, – он одарил Гэбриэла снисходительным взглядом, – известную сдержанность. На скорую руку я вас многому не научу, могу лишь дать совет. При простонародье и слугах вы должны обращаться и к своему отцу, и к брату, и к вашей благородной кухне на «вы» и по титулу, никаких «Эй, Гари», или каких-нибудь домашних прозвищ. К принцу следует обращаться «Ваше высочество», к герцогу – «ваша светлость», милорд или сэр Гарет, так как его светлость – рыцарь, к её сиятельству графине – миледи. От себя могу дать небольшой совет: старайтесь при людях копировать своего брата, больше молчать, и делать то же, что и он. Держитесь вы достойно, пока не открываете рта. А вашей внешностью мы займемся прямо сейчас.

– А к тебе как обращаться? – Нарочито грубо поинтересовался Гэбриэл.

– Можете называть меня Альбертом, как его сиятельство, а вообще-то я дворецкий его светлости. Как вам будет угодно, либо Альберт, либо Ван Хармен, это не принципиально. Я отзовусь и на «эй, ты», как это позволяют себе некоторые из придворных рыцарей, хотя мне это, конечно же, неприятно и сильно роняет их авторитет в моих глазах.

Он так и сказал: не «мой авторитет», а «их авторитет», и Гэбриэл мгновенно его понял, от чего испытал ещё большее желание его уесть – но не словами «эй, ты», а чем-нибудь... ну, важным таким, благородным. Вот только он пока не знал, как. А Альберт продолжал:

– При женском дворе, конечно, будет труднее. Я бы вообще советовал вам в ближайшие дни, пока не научитесь держаться, туда не показываться. Дамы – существа крайне привередливые, склонные к злословию и лишённые милосердия. Первое впечатление, которое вы там произведёте, останется на всю жизнь, как бы вы потом не изменились и какой бы лоск не приобрели. Если всё-таки пойдёте, чтобы быть представленным госпоже графине, как хозяйке дома, будьте очень осторожны, немногословны и во всём слушайте и копируйте своего брата. Теперь прошу вас, пройдите в баню, приведите себя в порядок, а когда вернётесь, я уже приготовлю вашу одежду, и слуги тоже будут здесь со всем необходимым.

Гэбриэл, чуть покраснев, рывком поднялся и «прошёл в баню». С наслаждением помылся. Не сравнить, конечно, с бассейном, но мыло и впрямь пахло изумительно, да и мыльная пена была неожиданно приятной, душистой, мягкой. Гэбриэл с удовольствием пропустил её между пальцами: прикольно, да. Мокрые горячие доски пола, чуть наклонного, по которому вода тут же стекала в отверстие в углу, были такие приятные для босой ноги! Уже чистый, он ещё пару раз намылил мочалку и прошёлся по телу, чтобы вновь испытать удовольствие от мытья и от водопада тёплой воды по всему телу, вытерся – тоже новое для него ощущение, – мягким полотенцем, и вышел в комнату, лишив дара речи трёх слуг, которые не привыкли к тому, чтобы кто-либо выходил к ним в чём мать родила. Один Альберт вновь и бровью не повёл, протянув Гэбриэлу белейшую рубашку из тонкого полотна:

– Наденьте, милорд.

Кто-то из слуг глухо вскрикнул при виде спины Гэбриэла, и даже в лице Альберта что-то дрогнуло, когда он увидел все эти рубцы и шрамы, в том числе и последние, на бедре, от собачьих зубов. Дворецкий предложил ему на выбор несколько штанов, тёмно-серых, – этот цвет Гарет называл «маренго», – чёрных, из тёмно-рыжей замши, со шнуровкой, и даже цветных, с каким-то нелепым чехлом на причинном месте. Гэбриэл взял чёрные, узкие, со шнуровкой, надел, и Альберт предложил ему сесть.

– Это Ганс, ваш цирюльник. – Представил он ему человека с какими-то инструментами – бритвами, ножницами... на которые Гэбриэл покосился с некоторой опаской.

– Я бы посоветовал, Ганс, – вежливо сказал Альберт, – подстричь их светлость по французской военной моде, для другой стрижки волосы их светлости слишком неровные.

– Это как? – С опаской поинтересовался Гэбриэл, косясь на бритвы.

– Это очень коротко. – Пояснил Альберт. – На затылке и висках волосы сбиваются, на макушке остаётся чуть более длинный волос, чтобы смягчать давление шлема.

– Какого шлема?

– Рыцарского.

– Я чё... что, – шлем надену?..

– Не сегодня. – Бесстрастно сказал Альберт, но Гэбриэл мигом понял, что вновь позабыл его, и стиснул зубы так, что желваки по скулам прошли. Ганс ловко заработал над его волосами, действуя так осторожно и касаясь так легко, что Гэбриэл почти не чувствовал его прикосновений. В это время слуга, которого Альберт назвал Максимом, снял у него с ноги мерку и занялся выбранными Гэбриэлом короткими сапогами из рыжей кожи, короткими, домашними, очень мягкими, заметив, что ноги у них с герцогом одинаковые, только у Гэбри-

эла, большую часть жизни проходившего босиком, ступня шире, и пальцы сильнее растопырены. Третий, Кевин, поинтересовался у Гэбриэла, что накрывать на стол:

– Сэр Гарет приказал накрыть на стол по вашему выбору. – Поклонился Кевин. – Что бы вы хотели?

– А что есть? – Осторожно спросил Гэбриэл, подозревая уже, что и с едой может попасть вопрос. Может, принцы и герцоги какую-то особую хрень жрут?..

– Салат из первой зелени, яиц и овощей, милорд, говяжий язык, пирог с олениной, рябчики с брусникой, капуста, тушёная со свиной рулькой, грибами и сметаной, козий сыр, виноград, апельсины из Кастилии, русинский мёд, пряное вино, сидр Твидлов...

– Ну... – Вот так он и знал, а?! – А что мой брат бы выбрал? Я буду то же самое.

– Апельсины почистить, милорд? – Позволил себе понимающе улыбнуться Кевин.

– Почистить. – За Гэбриэла, для которого слово «апельсины» было пока что набором непонятных звуков, ответил Альберт.

Пока две хорошенькие служанки, чёрненькая худышка и рыжая пышечка, накрывали на стол, поглядывая на него, перемигиваясь и хихикая, Ганс закончил стрижку и продемонстрировал Гэбриэлу с помощью двух зеркал, как он теперь выглядит. Отражение Гэбриэлу понравилось: он стал казаться ухоженнее, старше, жёстче, brutальнее – этого слова Гэбриэл, конечно, не знал, но суть его ощутил, глядя на своё новое отражение. Понравилась ему и сорочка, простая, но из очень дорогого материала и безупречно сшитая, без всяких кружев, с отложным воротом, гораздо лучше и красивее, чем то убожество, что носил он в Садах Мечты, и даже лучше, чем сшила ему Тильда из простого полотна. В рукавах сорочки оказалось по две прорезы, и сами рукава, слишком длинные, почти до середины ладони, и широкие, Гэбриэла слегка смутили. Он хотел было их завернуть, как делал когда-то на ферме, но глянул на Альберта, на его руки, и не рискнул. А тот уже предложил ему тунику, чёрную, вышитую серебром, и камзол, тёмно-серый, того богатого, даже роскошного цвета, что Гарет называл «маренго», и который сразу же полюбился Гэбриэлу, с чёрными полосами, серебряным шитьем и разрезами на широких рукавах, в которые видна была белая сорочка. Пока Гэбриэл с помощью Альберта облачался в него, вошёл Гарет, и Гэбриэл, страшно стесняющийся служанок и слуг, с облегчением повернулся к брату. Тот оценивающе оглядел его:

– Неплохо. Хорошая стрижка. Я носил такую же, когда воевал в Англии. И подумываю вернуться к ней снова. Слушай, а это отличная идея: проверять друг на друге, как нам пойдёт очередная стрижка... Только запонки нужны на сорочку, – Гарет высыпал на стол несколько побрякушек, и те засияли мягкими цветными огонёчками. Выбрал две запонки с синими камешками, сам закрепил ими рукава сорочки на запястьях Гэбриэла. Протянул ему перстень с таким же синим камнем:

– Это тебе. Синий топаз, мой любимый камень. Они всякие бывают, но в основном, жёлтые и золотистые, а синие – самые редкие и дорогие. Носи его ради меня, они – как мои глаза. Свободны, Альберт. Спасибо за брата, я доволен. Никого сюда не пускай. Нам с братом нужно поговорить наедине!

– Сначала поедим. – Он потёр руки, садясь за стол. – Рябчики с брусникой! Ха! И пирог с олениной... Отлично! Рябчиков попробуй, мне нравится, значит, тебе понравится тоже.

Гэбриэл, смущенно поглядывая на него, начал есть. Вдохнул. Это был просто взрыв всех его чувств: он видел роскошную еду, поданную затейливо и красиво, он её нюхал, он её ел. Сказать, что он не представлял себе прежде ничего подобного – значит, не сказать ничего. Только брат смотрел на него с насмешливой искрой в синих глазах, и Гэбриэл понял, что того смешит его неумение держать себя, на которое деликатно намекала ему Алиса...

– Мне нужно узнать здесь, в Гранствилле, про своего друга и невесту. – Осторожно сказал он, возвращаясь к прерванному Альбертом разговору, и Гарет с некоторой досадой взглянул на него – он-то надеялся, что Гэбриэл забыл! Ну, не знал он, как быть с этой Алисой! Гэбриэл

просто представить себе не мог, насколько невозможна была его женитьба на этой девушке, по мнению Гарета! Тот даже думал, возвращаясь сюда, потихоньку приказать Марчелло увезти её в монастырь на озере Ригс, но побоялся. Кто-то наверняка заметил её появление, женщина в «Золотом драконе» отлично помнит, что девушку забрал герцог, в замке кое-кто знает... Всем рот не заткнёшь; а если Гэбриэл узнает, что Гарет спровадил его «невесту», простит ли он?.. И какими после этого будут их отношения?.. Дружбой с новообретённым братом Гарет рисковать не хотел, и оставил пока всё, как есть, решив, что сначала выслушает брата и его историю, и вновь попытается осторожно подвести его к мысли оставить Алису не более, чем фавориткой.

– Алису? – С деланной небрежностью уточнил он. И тут Гэбриэл поразил его до глубины души:

– Не притворяйся. Я заметил, что ты совершенно не удивился, когда я упомянул её в первый раз. Ты знаешь что-то о ней.

– Допустим, знаю. – Не стал отрицать Гарет. – Только я не знал, что эта девушка – твоя невеста.

– Ты не удивился. – Настойчиво повторил Гэбриэл. – Когда **я** её упомянул.

– Я догадывался, что вы как-то связаны. – С нажимом произнёс Гарет. – Но откуда мне было знать, что она тебе именно невеста?! Просто она услышала мой голос и бросилась ко мне с криком: «Гэбриэл!». Сам должен понять, как это на меня подействовало – после всех моих поисков! Только она мне так ничего и не рассказала. Упёрлась рогом и молчала, словно я страшный людоед и пытаю её с целью тебя поймать и сожрать... А что я мог с нею сделать?! Пытать её железом?! Запугивать?! Как вообще можно было обращаться грубо и жёстко с такой, как она?! Ты же понимаешь!

– Солнышко... – растрогался Гэбриэл. – Она просто... просто боялась, за меня боялась, понимаешь?! она ведь не знала, кто ты... Ты бы сказал ей, что мой брат...

– Пока я тебя не увидел, как я мог быть уверен, что это именно ты?..

– Где она?! – Воскликнул Гэбриэл, подавшись к брату. – Где она сейчас, здесь?! Гарет, пожалуйста, я тебя прошу... у меня сердце разорвётся, если я её потеряю, я не вынесу этого...

– Понимаю. – Помолчав, сказал Гарет. – ладно, разберёмся. Но сначала я хотел поговорить с тобой о том, где ты был, что с тобой происходило всё это время, и кто в этом виноват. Доедай, поговорим потом. Боюсь, когда мы начнём, аппетит исчезнет.

Гэбриэл помертвел. У него самого аппетит пропал моментально, хоть салат ему и понравился. Он так и не решил для себя, что именно и как рассказать брату. Пасть в его глазах было хуже смерти, но как врать?.. Не так уж и обширны его познания о реальности, чтобы что-то выдумывать, брат раскусит его ложь моментально, и это навсегда лишит Гэбриэла его доверия. Ему казалось – они оба никогда не смогут врать друг другу, так сильно чувствуя всё. Вот и кончилась сказка... Сейчас он всё расскажет, и отправится восвояси. Но рассказать было надо. Вспомнив, что отец всякого греха и всякой лжи – страх, Гэбриэл вдруг подумал, что это даже хорошо: что он ещё не успел привыкнуть ко всему этому, и отца не видел. Сказал хмуро, но решительно, словно в воду холодную бросился:

– Я должен был сразу тебе всё сказать. Пока ты не привёз меня сюда, пока не дали мне одежду эту. Теперь даже не знаю. Но ты не думай, я всё приму, как ты решишь. Я не обижусь на тебя, и зла не затаю. Только позволь нам с Алисой уйти куда-нибудь подальше, где я вас не опозорю.

– Ты думаешь, я не знаю?! А почему, как ты думаешь, я столько ждал этого разговора, не хотел, чтобы был риск, что нас услышат?! – Вспыхнул Гарет. – Я десять лет назад сам несколько раз с собой покончить пытался, отец чуть с ума не сошёл... Я даже знаю, когда это началось: десять лет назад, в наш с тобой день рождения, двадцать седьмого декабря! – Гарет стукнул кулаком по столу:

– Неужели ты думаешь, что из-за этого я откажусь от тебя?! Что, ты тоже полагаешь, что я искал тебя для того, чтобы избавиться потихоньку?! Хорошо же ты обо мне думаешь! Я всю жизнь... всю жизнь тебя искал и ждал... у меня ни одного друга так и не появилось, кроме Марчелло, потому, что мне нужен был только ты! У меня кипа писем к тебе лежит, я их писал почти каждый день, тебе писал! Подарки тебе готовил, на Рождество и день рождения, они так и лежат у меня в покоех... А ты?! Неужели ты этого не понимаешь, не чувствуешь?!

– Чувствую. – Виновато посмотрел на него Гэбриэл. – Я, как только тебя увидел, понял, что ты мне нужен. Я слугой твоим стать хотел, разве не помнишь?.. И стал бы, и сапоги тебе чистил бы, и всё остальное...

– Тогда как ты мог усомниться во мне? – Спросил Гарет, остывая, но всё ещё обиженно. – Ты! Во мне!!!

– Я не то, чтобы сомневался... Только позорно мне, и я боюсь, что и тебе будет позорно. – Признался Гэбриэл, – просто хочу, чтобы без вранья и как... ну... честно всё было.

– Я тоже хочу. – Гарет, смирив эмоции, налил себе и брату вина. – Поэтому расскажи мне всё, чего я ещё не знаю, а я потом тебе расскажу. Я не прошу тебя рассказывать подробности. Я сам бы не смог это рассказать. Но я хочу слышать то, чего я не знаю. Что с тобой было до этого? Где ты был? Отец ведь несколько раз был в Найнпорте и обыскивал Редстоун от подвала до чердака, каждую щель, с собаками и даже с колдуном. Тебя там не было!

– Я расскажу. Только раз, и только тебе.

– Само собой. – Гарет, зная, что разговор будет трудный, заранее приказал принести крепкого португальского вина, и сам налил себе и брату.

– Так где ты был первые годы?

– На ферме. – Гэбриэл, впервые пробуя крепкое вино, глотнул, поморщился, и Гарет молча сунул ему кусочек сыра.

– Что за ферма?

– На них нас всех растили и растят для Садов Мечты.

– Это бордель? – Прямо спросил Гарет, давая брату понять, что он и в самом деле знает.

– Я не знаю, что такое бордель. Сады Мечты – это такая башня... В ней гости Хозяина развлекаются, как хотят. По большей части, убивая полукровок, медленно и по-всякому. Жгут калёным железом, дробят кости, сдирают живьём кожу. Всяко делают. Я жил там десять лет, с того дня, как мне исполнилось тринадцать. Меня тогда с фермы привезли, с двенадцатью другими мальчишками. Я был старший, младшему, Каю, десять только исполнилось. Как нас везли, я не знаю; мы ехали в закрытой повозке, несколько дней, какое-то время плыли по воде, только в трюме – мы и тогда ничего не видели. Выпускали нас на воздух только изредка, и в темноте. Ни нас никто не видел, ни мы ничего не видели. Я никогда ни деревни, ни города не видел, людей никаких не видел, кроме тех, что жили с нами на ферме. Как я попал в Сады Мечты, я тоже не знаю; нас чем-то опоили, привезя в какой-то дом. Привезли ночью, я помню только, что дом был большой, в несколько этажей. Очнулся я уже в Садах Мечты. Без одежды, привязанный к кольцам в стене. На моих глазах люди в масках били и насиловали моих друзей... Страшно били. Это такой был ужас... такой шок... Я не понимал, как и они, что происходит, зачем, почему... за что. На всё это смотрел человек, черноволосый, в маске. Когда весь этот ужас кончился, и остальных пацанов уволокли, он подошёл и спросил: «Ты знаешь, что у тебя сегодня день рождения, эльфийский выблядок?» – И облапал меня. Я плюнул в него, и он ударил меня, так, что я потерял сознание... А когда начал приходить в себя, он уже меня...

– Я знаю. – Сдавленным голосом произнёс Гарет, закрывая лицо руками. – Я хотел умереть после этого. Мне казалось, что после такого нельзя жить.

– Мне тоже. С ним были ещё люди... двенадцать человек. Они вместе несколько часов меня... Такое со мной творили... Били, резали, жгли, ломали пальцы, сдирали ногти, прутья втыкали насквозь, – он показал запястья со страшными шрамами, – и в ноги тоже... – Гэбриэл

говорил глухо, без эмоций, глядя на свои руки, тяжело лежавшие на столе. – Спицы раскалённые в тело вгоняли, медленно так. На собственной коже подвешивали. Я так кричал, что горло сорвал, и потом только сипел. Меня в чувство приводили, и снова... Пока я не отключился окончательно. Почему не сдох, не знаю. Кажется, от того, что Доктор – есть там такая тварь, – меня выходил тогда. И Хэ не добил, но этот – Наверное, потому, что я сам хотел умереть, а он по натуре тварь, ему нравится издеваться, мучить, наблюдать, как кто-то мучается. Он и мучил меня... Я не сдавался, не хотел делать то, что он от меня хотел, терпел всё... Мне пальцы ломали, по одному, медленно, ставили коленями на битое стекло и держали так по многу часов...

– Я знаю. – Прошептал Гарет.

– Мне жаль, что ты знаешь. – Взглянул на него Гэбриэл. – Я не знал, что кто-то мучается вместе со мной... Мне бы этого не хотелось. Хотя то, что я никому не нужен, что я совсем один, сильно меня мучило. Когда я валялся, в крови, избитый, связанный, и подыхал от жажды, самым страшным мне казалось, что на это всем плевать, что нет ни одной живой души, которая просто... хоть пожалела бы меня. А они ещё свежие раны мне солью присыпали...

Гарет глухо вскрикнул, вновь закрывая лицо руками. Потом, придя в себя, налил ещё вина себе и Гэбриэлу, жадно, залпом, выпил.

– Я могу не рассказывать дальше. – Сказал Гэбриэл, с жалостью глядя на него.

– Нет. – Выдохнул Гарет. – Говори. Не пропускай ничего. Я хочу знать. Прошу тебя.

– А что рассказывать?... Это с год где-то продолжалось, пока Хэ не понял, что либо я всё-таки сдохну, либо ему придётся сменить обращение со мной. О, он хитрый, тварь! Я сидел в клетке в его покоях, а он меня потихоньку обрабатывал. Что, мол, зауважал меня, что я достоин быть среди избранных, а избранные – это Домашний Приют, его семья, его любимые сыновья, и что он мечтает когда-нибудь увидеть меня среди них. Лакомства мне совал сквозь прутья, говорил так сочувственно. Что, мол, всё это только для моего же блага, чтобы я смирился, потому, что непокорных полукровок люди сразу убивают, а он, мол, нас готовит к жизни в жестоком мире. Много ли мне было надо? – Усмехнулся он горько. – Я настолько к тому моменту был измучен... И душой даже больше, чем телом. Я устал, я устал бороться, мне так хотелось сочувствия... Помощи. Он, сука, это угадал. Но сначала он заставил меня выполнять всё, что хотел... Он для этого отправил меня в Галерею, где у меня на глазах мальчишку три дня убивали два урода, Нерон и Клавдий. Глаза ему выдавили, руки жерновами раздавили, по одной, не торопясь, потом, приведя в себя, жгли их... Насилюя при этом – один калечит, другой насилюет, пока тот шевелится и кричит. Они его отпустили, только когда от него одна болванка осталась, без глаз, без кистей рук, без ступней, почти без кожи. Я думал, что я следующий... Меня трясло и рвало через раз, я почти помешался. Когда ко мне подошли, чтобы воды дать, я заорал и чуть не убился о прутья клетки... Я думал, что сейчас меня... Но не меня. Они Кая туда притащили. А Хэ, который тоже пришёл, сказал: или ты сейчас сдашься, или следующий – он. Я сломался. Он отправил меня на Конюшню, к другим пацанам, сказал, тварь, что я должен заслужить, чтобы меня повесили, и тогда, мол, я буду сам король над всеми Садами Мечты. И три года я прожил там. Сбежать пытался, трижды. Первый раз сказал Каю, мы вместе побег планировали, но он сдал меня Хэ, чтобы в Приют попасть... Не попал. Нас обоих выпороли так, что Кай умер сразу, под плетью, а я выжил, хоть и валялся в бреду и в крови долго... Несколько дней. Меня бросили, связанного, наверху, лето было, я был в комнате без окон... Там жарко было, и мух – миллион. Они ползали по мне, по моим ранам, по лицу... Я выжил, и попытался сбежать во второй раз. И опять меня друг выдал. Но его не выпороли – только меня. А я всё равно вновь попытался бежать, в этот раз один, и в этот раз более удачно: я много дней прятался в коридорах этой проклятой башни, крыс ел, воду воровал по ночам, искал выход... И понял, что нет выхода. Меня снова поймали. Я думал, что мне конец – меня Аяксу отдали, в Галерею, на два дня. За эти два дня он мне грудь сжёг, пальцы снова переломал, в общем...

Покуражился надо мной всласть. У меня рёбра и ключица были сломаны, я дышал через такую боль, что вспомнить страшно. Вообще-то, в Галерею навсегда отдают, оттуда никто не возвращался, но меня вернули. До сих пор не понимаю, почему. Помню, как валялся тогда один, прямо на каменном полу, ожоги болят, так, что аж глаза из орбит вылазят, пальцы и рёбра переломаны, пить хочется так, что глотка слипается, а кувшин с водой стоит у самой двери... Я сутки к нему полз. Чуть проползу и сознание теряю, и в бреду доползаю и начинаю пить, а вода в горло не проходит, и снова... А когда всё-таки добрался, то взять кувшин не могу – он тяжёлый, а у меня пальцы все сломаны. Я тогда аж заорал от отчаяния, лежу, ору, слёзы градом... И тут дверь открылась, и вошёл Гефест, тогдашний вожак Приюта. Он мне воды дал, велел Клизме меня лечить, а потом забрал в Приют.

– Я помню. – Гарет, бледный, надолго приложился прямо к бутылке, вытер рот. – Я помню эти сны. Я тогда проснулся, и что со мной было, это никому, кроме нас с тобой, не понять! Я тогда в Дании был... Выполз на крышу, упал на колени, и плакал и молился, криком кричал, требовал у Бога, чтобы он тебе помог... Надо же. Помог.

– Помог. – Кивнул Гэбриэл и тоже отхлебнул вина. – Не знаю, кто, но помог. В Приюте стало легче. Меня больше не продавали садистам, вообще почти никому не продавали. Я стал дорого стоить, у меня четыре своих гостя осталось... Меня почти больше не били. – Он рассказал про Приют, про порядки там, про Гефеста, про вскрытия, Девичник. Гарет слушал и то и дело прикладывался к бутылке – ему было так тяжело, так жутко, так невыносимо больно слушать Гэбриэла, что он едва сдерживал себя. У него не укладывалось в голове, что всё это – правда, что всё это происходило, когда он жил, обижался на отца из-за пустяков: коня не подарил, меч не тот; терял аппетит из-за дамы старше себя, да ещё замужней, прочие мелочи... А в это самое время... Да что там, это и сейчас всё происходит! Вот сейчас, в эту самую минуту происходит!

– Мне нравилось, представляешь? – Продолжал Гэбриэл. – Я ведь не знал больше ничего, только это всё. Мне казалось, что по-другому и не бывает, а значит, я хорошо устроился в жизни, добился многого. Думал о том, чтобы в страже очутиться и больше никогда никому не угодить. Ну, это мне казалось вообще чем-то запредельным! Но тут появилась Алиса, и я...

– Алиса?! – Содрогнулся Гарет. – Твоя невеста?! Она – там?!

– Да. – Смутился Гэбриэл. – Понимаешь, Хэ хочет наследника, мне Доктор рассказал. Ну, типа, он жениться на ровне не может, она его разоблачит, её родные могут вмешаться, как-то так. Вот он и отобрал четырёх девчонок на фермах, их воспитали, как принцесс, всему обучили, языкам там, манерам, музыке, всякое такое. Он их того... решил поиметь и ждать, которая понесёт – тогда бы он на ней женился, а при родах избавился.

– Но зачем четырёх?!

– Он ведь содомит... Он женщинами брезгует. Ему непременно нужно было, чтобы девственница, и чтобы мучилась и боялась, чтобы в ужасе была – по-другому он не возбуждается. Он специально настаивал, чтобы она вообще росла в полном, как его, неведении, да?... Чтобы даже не знала, чем мужик от девушки отличается. Чтобы чистая и невинная была, как цыплёнок.

– И Алиса...

– Да, она – первая из них. Её привезли... Я её увидел, и всё. Не знаю, как сказать, чтобы всё, что я тогда почувствовал, объяснить. Она такая была... Её тоже опоили, как нас всех, она такая была... чистая. Маленькая, нежная, и вся светилась... Я стоял, смотрел на неё, и мне было... стыдно. Стыдно от того, что я смотрю на неё, когда она ничего не знает о нас, о том, что с нею сейчас сделают, не подозревает, что мы на неё палимся. Стыдно от того, что я такой. Не знаю, как понятнее сказать?

– Я понимаю. – Тихо сказал Гарет. Он представил себе Алису – маленькую, трогательную, такую хрупкую. У него не укладывалось в голове, что она – она! – была там, с её невинным лицом, прекрасными глазами... – Но её же не...

– Если бы! – Горько взглянул на него Гэбриэл. – Он изнасиловал её, а я держал. Она настолько невинная была, что даже не поняла, что с нею сделали, в панике была – думала, мы сумасшедшие, и так решили её убить. А я с этого дня словно свихнулся. Она у меня постоянно была перед глазами, я только о ней мог думать. И становился... Другим. Всё возвращалось, я становился таким же, как был... Гордость вернулась, боль, стыд вернулся; я стал понимать, что делаю, во что превращаюсь, кто такой Хэ, и кем становлюсь я... Я ночью к ней приходил, смотрел на неё, как она спит, волосы украл... Нет, – перехватил он его взгляд на волосяной шнурочек на своём запястье, – это она сама мне сделала, а украл я маленький локон, короче... Прятал его, и когда мог, рассматривал, гладил. А потом и Хэ, и Клизма уехали, и я днём к ней пришёл. С вином и пирожными, за золотой купил у Марты, поварихи. Стеснялся, – он усмехнулся нежно, – жуть. Она ведь такая... ты не представляешь, как она отличалась от всего, что там было! Какая была нежная, какая... особенная! У неё и голос, и речь были совсем другими, такими чудесными! Как она ухитрилась меня, такого, как я был, не возненавидеть, не смеяться надо мной, а полюбить! Я до сих пор порой думаю, что может, она вовсе меня не любит, просто она такая добрая, и благородная, и такая... Ну, благодарная! Но я-то, Гарет, я её люблю, люблю так, что аж больно порой, но я ради этой боли на всё готов – даже больно, лишь бы с нею! Когда она со мной, всё сияет, когда её нет – всё меркнет. Она моё солнышко, без неё мне даже днём темно.

Он рассказал про оргию, и Гарет пришёл в негодование и ужас.

– Кровь пьют?! – Воскликнул с отвращением. – Боже мой! Вот... вот ублюдки... погоди! Ты сказал: сначала насилюют, потом протыкают жилу на шее и сливают кровь... А последняя их жертва, она не та зеленоглазая была, тёмненькая такая?

– Да? – насторожился Гэбриэл.

– О, Боже... – Гарет встал, прошёлся по комнате, не зная, что делать и куда себя деть. – О, Боже... – Остановился, закрыв глаза ладонью.

– Ты чего? – Не понял Гэбриэл.

– Они после смерти, – сказал Гарет, – в чудовищ превращаются. На нас в лесу напали твари, среди которых была одна, крылатая, самая страшная. После смерти она превратилась в девушку, и Марчелло, осматривая её, сказал, что над нею именно надругались, а потом проткнули артерию и выпустили всю кровь. Она вся была... истерзана, в синяках, страшно смотреть было...

– Точно. – Подтвердил Гэбриэл. – В Конюшне пацаны много говорили о том, что те, кто умер, превращаются потом в нечисть всякую и вечно по коридорам бродят.

– Это обычные байки подростков. – Возразил Гарет. – И не сами они превращаются, Младший. Их кто-то превращает. Кто-то, кто потом имеет над ними власть и науськивает их, на кого хочет. И я думаю, что это не кто-то, а Барр. Ведьма Барр, которая, возможно, служит нашему Драйверу. – Он поморщился. – С неё и начнём... Потом обсудим, с отцом и Марчелло, что нам с ней делать. А сейчас продолжай. Неужели твою Алису ждало именно это?.. Поверить не могу!

Гэбриэл подтвердил, и рассказал, как спас её от этого, но лишь для того, чтобы она стала временной игрушкой Приюта. Рассказал, как обещал спасти её, и пришлось думать, как...

– Мне пришлось по-другому уже обо всём этом думать, потому, что на кону её жизнь стояла, не моя уже. Она таяла, ты бы видел... Я знал, что если она достанется моим пацанам, она умрёт, и скоро умрёт, если я что-то не сделаю. А когда меня не было, и её избили... Я не могу, вспоминать больно до сих пор! Она чудом выжила, я на коленях перед этой Кирой стоял, помощницей Доктора, чтобы она спасла её, и всё равно, она чуть не умерла. А как её

изуродовали... Рот чёрный, распухший, глаза... Нет, не могу. – Он прижал стиснутые кулаки к глазам. – Мне один... гость, – деньги давал, каждый раз один золотой. И в тот раз разговор такой странный начал – я до сих пор не понимаю, что он имел в виду, но это натолкнуло меня на мысль, за деньги купить помощь. У нас повариха приходила, выдавала жратву, она мне и помогла. Согласилась на деньги, рассказала мне много, помогла советами. – Он рассказал, что произошло, и Гарет слушал с напряжением, словно не о том, что уже случилось, а был свидетелем того, что происходит вот сейчас, и боялся, переживал, нервничал... Если в первые минуты, слушая Гэбриэла, он чувствовал стыд, отчаяние и горечь, то теперь стыд ушёл окончательно; он смотрел на брата с восхищением. У Гэбриэла не было ничего, даже нормальной одежды; и вот так, без поддержки, без плана, без опыта и практически, без какой-либо помощи, тот сумел выйти! Убил стражников, вытащил друга и девушку, да ещё и пожертвовал собой, чтобы они спаслись! Такого брата герцог не просто готов был принять в сердце и свою жизнь – он гордился им.

– Моисей говорит, – продолжал Гэбриэл, – что в бреду я постоянно Алису звал. И когда очнулся, думал и думаю только о ней. Пока я её не найду, мне ничто не нужно, ничто не поможет. Понимаешь?..

– Да. – Кивнул Гарет.

– Они беззащитные, как дети, они знают не больше меня, а может, и меньше. Я боюсь за них! И особенно – за неё. Она такая красивая, и такая хрупкая! Что она сможет, если попадёт в беду, как она защитится?! У меня сердце кровью обливается, каждый момент, даже сейчас, говорю с тобой, а во мне Алиса: в сердце, в голове, в крови. Если ты можешь мне сказать...

– Сейчас – нет. – Преодолевая сильное внутреннее сопротивление, произнёс Гарет. – Мне нужно поговорить со своими людьми. Если она вернулась в Блумсберри, или всё ещё в Грансвилле, завтра я буду это знать. И ты, естественно, тоже. Обещаю.

– Прошу тебя. – Гэбриэл смотрел на него с надеждой и такой мольбой, что Гарет едва не сказал сразу, что Алиса здесь – пусть бежит к ней, Бог с ними. Но он колебался. Как брат, как человек, он хотел помочь и брату, и Алисе. Но он был ещё и сыном принца, герцогом, и ответственность тормозила его. Он должен был решить для себя, как быть, но при этом, глядя на брата, чувствовал страшную душевную боль. Гэбриэл так сумел рассказать о своих чувствах к этой девушке, что Гарет поверил в них, хотя сам был далёк от подобных вещей – он относился к женщинам очень легко и просто. Любовь брата для него была не просто словами – он чувствовал большую часть того, что чувствовал Гэбриэл, и ощущал эхо его любви. Ему сложно было поверить, что Алиса, маленькая, изысканная, прелестная, прошла через то же, что и брат, и что её прелестное личико, её хрупкое тело были такими же ужасными, как у бедной Анжелики – но Гэбриэл описывал то, что с нею сделали, именно так, и Гарет чувствовал настоящую боль, сознавая это. Он специфически относился к женщинам, это верно, но, как и брат, был сильным человеком, и не только физически, и так же, как Гэбриэл, благоговел перед хрупкими и беззащитными созданиями. Он никогда не давил пауков, сажал их на какую-нибудь щепку и выносил прочь, но не давил, в жизни не ударил ни собаку, ни женщину, а тех, кто способен был на подобное, искренне и безоговорочно презирал. Он сразу же заявил Гэбриэлу, что тот прав, убив Локи, и пусть даже не переживает на этот счёт.

– Я, как герцог, приговорил бы их к порке, позорному столбу и... Чёрт, к чему?.. Вообще-то, для насильников после позорного столба казнь простая: их топят в сортире, если изнасилована девица, и вешают, если изнасилована женщина. Но здесь были не только насилие, но и избиение, и глумление... Пожалуй, я бы остановился на четвертовании.

– Так что, это всё – преступление?! – Поразился Гэбриэл.

– И ещё какое! – Воскликнул Гарет. – Если на Острове узнают о забавах ваших гостей, им конец! Содомия – не просто грех, это преступление, и карается очень жёстко. И даже сильные мира сего избегают наказания не могут – про герцога Далвеганского когда-то только прошёл

слух, что он извращенец, и всё, он до сих пор не женат! Знатные и сильные не хотят выдавать свою дочь за извращенца; на бедной ему самому жениться не резон, баба ему не нужна, ему нужны связи и приданое. Ему сорок два, а наследника нет. Он имел наглость даже к Габи свататься, но ему отец отказал, даже не пытаясь сделать это вежливо. Практически, прямым текстом напомнил ему, кто он есть. При всех своих богатствах и всей своей силе, Далвеганец – персона нон грата, о нём не вспоминают, приглашая гостей на пиры и балы, и к нему в Клойстергем никто не едет. У него даже друзей нет – кому захочется быть замаранным?.. А если слух подтвердится... Так что не просто так они боятся ваших побегов, не просто так Драйвер никого не продаёт из своих Садов Мечты. Малейшая утечка, и им конец. Потому такой шухер поднялся, когда ты сбежал; думаю, Драйверу от его гостей ещё достанется, если уже не досталось. Теперь понятно, зачем он поторопился меня в ловушку у Копьево заманить!.. Просто чудо какое-то, что мы с тобой оба не только живы, но и встретились. Я, как узнал, что от Драйвера кто-то сбежал, так и понял, что это ты. И ринулся на Королевскую Дорогу, как ненормальный, понимал, что ты в опасности. До меня всякие обрывки доходили: что ты с какими-то евреями связался, что с русами в Блумсберри идёшь... Грешным делом подумал, что это всё евреи и затеяли, с твоим побегом, чтобы на нас с отцом надавить, или продать нам тебя подороже... Бесился, ты бы видел, как! Меня же ещё в одну ловушку чуть не заманили, в Торжке, я после этого старосту Малой Кеми чуть не убил от бешенства. До сих пор неприятно, чёрт, погорячился я тогда... Мне ведь и в голову не могло прийти, что ты это всё сам! Но объясни мне, лопуху, почему ты своих друзей в Дуэ Сааре не направил?! Два часа пути, и они на эльфийской земле, а там их уже никакой Хэ бы не достал – кстати, подходящее прозвище для этой мрази! И сам бы потом так же добрался... Эльфы бы в тебе сразу же признали Ол Таэр, они кровь определяют на раз. Какими бы высокомерными ублюдками они ни были, но вреда бы тебе сами не причинили, и другим бы не выдали. Почему, Младший, Бога ради?!

– Но я же тебе говорил! – Изумлённо посмотрел на него Гэбриэл. – Я же ни одного названия, ни одного места не знал! Мне Марта сказала про Грансвилл, что там, дескать, меня Хэ не достанет, я и сказал единственное, что знал... Я и не подозревал даже, что этих самых городов так много, и что этот Грансвилл так далеко!

Несколько секунд Гарет смотрел на него, чувствуя столько всего сразу, что у него просто слов не было для своих эмоций и своего отношения к происходящему. А они-то с Марчелло какие коварные планы подозревали, какие схемы строили!.. Засмеялся, качая головой, увидел, что у брата нет вина, встал, принёс от камина ещё две бутылки, ему и себе. Открыл.

– А с русами ты почему расстался?

Гэбриэл рассказал ему про Аякса.

– Жаль, мне это убоище не попало. Значит, говоришь, этот Лодовико тебя спас? Ну, спасибо ему на этом. – Гарет чокнулся с братом бутылкой:

– За нас! – Выпил, не удержался, и обеими руками взлохматил брату короткие волосы:

– Ох, и дадим мы им жару, Младший! Тебя нужно срочно женить, я тебе и невесту... нет, погоди! Наш брак – это дело государственное, к любви отношения не имеет в принципе. Люби свою Алису, ради Бога, но если мы породнимся с Эльдебринками, это очень нам поможет в сложившейся ситуации. Мы в жопе, Младший, или настолько близко к ней, что вонь чувствуется уже довольно явственно. Нам нужны союзники, и Анвалонцы, как наша дальняя родня и могущественный северный клан, нам очень кстати. В Европе орда крестоносцев спит и видит, как режет эльфов, трахает дриад и грабит Лисс и Грансвилл – всё это, разумеется, под пение псалмов и с благословения Папы; о том же самом мечтают Далвеганцы, мерзкая жирная жаба герцог и его пакостный братец, граф Кенка, который корчит из себя такого святошу, что ему даже родство с извращенцем не в падлу. Междуреченцы вопят, что платят нам слишком большие налоги, в то время, как эльфы не платят ничего, и накручивают своим смердам хвосты истерикой по поводу полукровок и каких-то мифических планов эльфов возродить Дуэ Аль-

валар – я тебе потом расскажу об этом подробно. Схизматики на Севере, по слухам, собираются отделиться от нас и основать собственное королевство, или, как они говорят, княжество, но это ещё требует проверки. Королева сидит на своём троне, как крыса на сырной голове, и готова лизать любую жопу, которая поможет ей сидеть прочнее. То, что я полукровка, здорово мне мешает. Ты мне так нужен, Младший, Господи, как ты мне нужен!

– Но я тоже полукровка. – Гэбриэл старался понять брата изо всех сил, и в целом ему это удалось. – Да ещё вот такой... Ты же сам говорил: малейший слух...

– А здесь мы с Драйвером крепко держим друг друга за яйца. Если он проболтается, ему конец, и он это знает. Нам этот позор, конечно, совершенно не нужен, но он нас не свалит, только нагадит. А вот он... и его гости – о, они совсем в другом положении, куда как худшем. Я готов к террору, потому, что у нас нет выбора. Всё это зашло слишком далеко, и мирным путём это не разрулить. Я не знаю, что по этому поводу думают эльфы, и что на самом деле задумали схизматики; но и без этого всё плохо, Младший, всё плохо! На кону не просто наши шкуры, на кону весь этот, мать его, Остров и всё, что тут живёт и дышит. ПО легенде о Хлориди Остров он подарил своему сыну и его потомкам, и в этом что-то есть. В истории Нордланда был период, когда Хлоринги лишились трона, и за этот период всё чуть не скатилось в пропасть, не лучше, чем теперь. Я долго корчил из себя повесу, которому плевать на всё, кроме баб и оружия, делал вид, что проблемы герцогства и Острова мне до фени. Но я работал, как вол. Я изучил право всех европейских государств, составил проекты новых законов, наметил несколько реформ. Нам нужны союзники, нужна поддержка, нужна информация! Золото, слава Богу, у нас есть, а у тебя – и вовсе до хрена. Ты даже богаче нас с отцом, потому, что доходы с твоих земель мы не тратили, они все твои теперь, в целости и сохранности – все доходы за двадцать лет, Младший! Это огромные деньги.

– Так берите их! – Обрадовался Гэбриэл. – Мне-то они зачем?!

– Спасибо за предложение, – засмеялся Гарет, – и врать не стану, я на тебя сильно рассчитываю. Но ты не торопись швыряться золотом направо и налево, сначала узнай, как оно зарабатывается. Если ты полагаешь, что всё здесь для нас и ради нас, а мы можем сидеть на жопе, есть орешки и попёрдывать, то забудь об этом. С завтрашнего дня начнёшь учиться, и учиться прямо на ходу, без права на ошибку, потому, что времени у нас нет.

– А если я не смогу?

– Значит, мы проиграем. И так крупно, что лучше сразу сдохнуть, чем очутиться лицом к лицу с последствиями. Но я в тебе не сомневаюсь. Ты смог управлять этими погаными Садами, сможешь управлять и графством. Я не верю, когда мне рассказывают, как какой-то неудачник переехал, и всё у него срослось, и наоборот – тоже не верю. Всё, что помогает нам добиться успеха или мешает этому – здесь. – Он постучал себя указательным пальцем по голове. – А перемена места ничего не меняет. Ты сможешь, я уверен.

– А что... Отец? – Со страхом спросил Гэбриэл.

– Я сказал ему, что кажется, ты нашёлся, но это не точно. Тиберий, его сенешаль и друг, обещал, что не позволит никому из слуг проболтаться. Завтра всё станет ясно. Он ждёт... За ночь он подготовится, и вынесет завтра встречу с тобой, я уверен.

– А что с мамой? – Вспомнил Гэбриэл.

– Ты забыл? Она пропала вместе с тобой. Она мертва, мы точно знаем. У неё, как у всех Ол Таэр, была птица души. Птица души жива, пока жив её хозяин; дербник мамы умер через неделю после вашего исчезновения. Отец говорит, он умер с таким страшным криком, что у него волосы зашевелились на голове. Поэтому отец уверен, что умерла мама в муках.

– Погоди. – Гэбриэл вдруг сильно побледнел. – А мы с тобой... Похожи на маму?

– Отец говорит, что очень. – Также побледнел Гарет. – Что...

– Я... кажется... – Гэбриэл отошёл от стола, покачнулся, схватился за стену. – Я, кажется... Знаю...

– Что?! – Схватил его за плечо Гарет, тряхнул. – Чёрт, да говори же!!!

– У Хэ в его покоях висит картина. – Сказал Гэбриэл, губы его дрогнули и искривились. – На которой наша мама. Она там... умирает.

– Как? – Шепотом спросил Гарет. Гэбриэл покачал головой:

– Не могу... Сказать. – И внезапно побелев ещё больше, рухнул без чувств. Гарет бросился к нему, поднял – не без труда, не смотря на всю свою силу, и, крича Марчелло, уложил на постель. Марчелло примчался тут же, пустил Гэбриэлу кровь, и, мельком взглянув на его лицо, перекрестился, указал Гарету:

– Смотрите, патрон!..

Глянув, Гарет стиснул зубы, с трудом подавив короткий стон: в волосах брата, словно по волшебству, появились белые пряди.

Через полчаса, когда Марчелло заверил его, что Гэбриэл вне опасности, и что ему надо отдохнуть, Гарет вышел от него, спустился к себе и долго сидел за столом, размышляя. Подумать было, о чём; но, решив для себя, что следует разобраться сначала с главным, Гарет думал об Алисе. С одной стороны, она была ну, совершенно лишней; мало того, что сам Гэбриэл... как бы это сказать... Придётся здорово постараться, чтобы объяснить его отсутствие, его появление и его прискорбное невежество, (хотя кое-какие мысли у него уже есть); так ещё и с невестой, такой же... Или не такой? Гэбриэл утверждал, что она хорошо воспитана, но ему ли судить?.. А с другой стороны, как можно поступить так жестоко с братом, столько выстрадавшим ради этой девушки, и с нею самой, такой, какая она есть? И Гарет колебался, не зная, как быть. Рассудок подсказывал: отправить её тайком, с Марчелло, в монастырь в Ригстауне, а потом переправить к эльфам. И она в безопасности, и брат тоже. И проблемы нет. Он её обеспечит, купит ей дом в Лиссе, а лучше где-нибудь подальше, в Эльфгарде или Креоле... Это будет вполне милосердно. Гарет вставал, ходил по комнате, снова садился, тёр руками виски, пока не понял, что на самом деле гадает, как сделать так, чтобы брат и Алиса всё-таки были вместе. Он был, как ни крути, совсем не плохим молодым человеком, и с Гэбриэлом в этом смысле у них было много общего. Решив что-то для себя, он велел накрыть стол для двоих, позаботившись о том, чтобы в блюдах не было мяса, и приказал Марчелло привести Алису так, чтобы её никто не видел. Через несколько минут она вошла в его покои.

Теперь он смотрел на неё уже совсем иначе. В первые же часы она произвела на него впечатление; он даже думал, не попытаться ли... Но его останавливала её чистота. С девицами он дела не имел. Алиса же оказалась... мягко говоря, не девицей. Гарет в этом смысле был сыном своего времени и своей морали: девушка, потерявшая девственность не с законным супругом, была обесчещена, как бы это не произошло – с её согласия или без. Утратив чистоту, она становилась, как бы это поделикатнее сказать, вещью для общего пользования – кто захотел, тот и взял. Чего стесняться и что беречь? Но при взгляде на Алису все подобные мысли и намерения умирали без остатка. Едва она вошла, как Гарет понял: ни хрена он с нею не сделает и никуда не отправит. Брат прав: она чудо. Одна на весь мир. Простое платье смотрелось на ней прелестнее, чем самые роскошные наряды на иных дамах; даже короткие волосы её не портили, напротив, она казалась с кудрями вокруг тонкого личика ещё милее, а открытая шея казалась ещё изящнее. Гарет подошёл и церемонно подал ей руку:

– Прошу, сударыня, отужинать со мною. Составьте мне компанию, будьте добры.

Алиса, хоть вовсе не хотела есть, поклонилась и прошла с ним к столу. Села, поблагодарив его, сполоснула пальчики в чаше с водой. Гэбриэл вовсе не преувеличивал – она была великолепно воспитана. Ни скованности, ни развязности, такт, грация, скромность и достоинство – и всё это такое, что впору многим дамам из тех, что видел Гарет даже при королевском дворе, было поучиться этому у неё. Съела она ровно столько, чтобы не обидеть хозяина при полном отсутствии аппетита, вино пила осторожно, деликатно. На столе перед ней не было ни

крошек, ни капель, пальчики были чистыми, изящно споласкивая их, она не брызгала водой по сторонам, в общем, была безупречна. Разговаривая с нею на самые отвлечённые темы, Гарет говорил то на латыни, то по-французски, то по-итальянски. Итальянского Алиса не знала, но на латыни и по-французски говорила свободно и даже красиво, знала Аристотеля, Овидия, Платона... Гарет был приятно удивлён и страшно рад: такую Алису он просто должен был оставить. От неё даже польза могла быть.

– Я получил огромное удовольствие, сударыня. – Он поцеловал её руку. – У меня к вам есть просьба...

Алиса дрогнула, с мольбой взглянула на него:

– Я ничего не могу вам рассказать, простите меня.

– Мне это уже не нужно. – Улыбнулся Гарет коварно. – Этот вопрос утратил свою актуальность. Твой Гэбриэл здесь.

– Гэбриэл!!! – Просияла Алиса, прижимая кулачки к груди, привстала. – Где он?! Скажите, где он?!

– Ты же не думаешь, что я позволю полукровке, так скандально похожему на меня, свободно разгуливать по улицам моего города или встречаться здесь, с кем ему вздумается?

Алиса похолодела, глаза расширились.

– Но вы же не...

– А это зависит от тебя. – Ещё коварнее улыбнулся Гарет. – Если будешь умницей...

– Чего вы хотите? – Побледнев, обречённо прошептала Алиса.

– У меня есть младший брат. – Сказал Гарет. – Мы его никому не показываем, больно он уродлив, и свиреп, как медведь. Наше семейное позорище. Но он мой брат, и я беспокоюсь о нём. Он мужчина, у него есть свои потребности... Я хочу, чтобы ты сейчас пошла к нему и сделала его счастливым. Ты меня понимаешь?

– Нет? – Глаза Алисы наполнились слезами, губы задрожали. – Не понимаю?..

– Это трудно для тебя?

– Что именно? – Но Гарет видел, что она его понимает, и что понимание это делает её несчастной. Это его порадовало: она по-прежнему была чиста, не смотря ни на что.

– Ты же хочешь, чтобы твоему Гэбриэлу было хорошо? Чтобы никто не причинил ему вреда?

– А если я откажусь?

– Он умрёт.

– Я не верю! – Вырвалось у Алисы. – Вы не такой! Вы не можете быть таким, вы ведь... вы на рыцаря похожи, и зовут вас сэр Гарет... Зачем...

– Я такой, каким должен быть герцог. – Сурово ответил Гарет. – И поступаю не так, как хочется, а так, как того требует благо моего народа и моей земли. Твой Гэбриэл слишком похож на меня, это может вызвать ненужные сплетни и смуту, и нам этого не нужно. Но я готов рискнуть и отпустить вас, если ты, во-первых, поклянёшься, что вы уйдёте из моего герцогства куда-нибудь на эльфийское побережье, и вас больше не увидит ни одна живая душа, а во-вторых, окажешь мне эту услугу.

– Но эта услуга... Для меня она хуже смерти! – Дрожащими губами прошептала Алиса.

– Вздор. Женщины постоянно это делают.

– Вы правда, его отпустите? – Алиса подняла на него свои дивные глаза, и мурашки побежали по коже Гарета от её взгляда. – Вы не обманываете?.. Я всё сделаю, что прикажете, если вы не причините ему вреда. И если обещаете отпустить его. Я... Вы только не говорите ему про меня. Я не хочу, чтобы он знал, что я... Пусть он меня не ищет.

– Почему же? – Гарет приподнял её лицо, взяв за подбородок. – Сделаешь, что надо, и...

– Нет. – Тихо сказала Алиса. – Я не смогу прикоснуться к нему после такого. Не смогу даже на него посмотреть... Вы не думайте об этом. Куда надо идти?

– Идём. Я тебя провожу.

Они поднялись по узкой лестнице, остановились у резной двери:

– Подожди меня здесь. – Коротко бросил Гарет, вошёл внутрь. Не было его минуты три; потом он вышел, ободряюще улыбнулся Алисе:

– Ну, кажется, он вполне готов заняться тобой. Ты дрожишь?

– Не мучайте меня. – Прошептала Алиса. – Я сделаю всё, что нужно. Вы только скажите ему, что я уехала на это побережье, и он отправится меня искать, и никогда не побеспокоит вас больше.

– Тогда иди. – Гарет приоткрыл дверь. – Готов поспорить, что когда я увижу тебя в следующий раз, ты скажешь мне спасибо.

Она ничего не сказала, только глянула, и молча пошла в комнату. Гарет с усмешкой приоткрыл за нею дверь, но в тот же миг усмешка исчезла с его лица.

– Чёрт, – сказал он сам себе, – а ведь мне даже завидно!

Алиса вошла внутрь, чуть не плача. Ей было страшно. Сама мысль об измене Гэбриэлу, о том, что её будет касаться чужой человек, была ей нестерпима, а Гарет ещё нарочно описал ей такое чудовище... Она решила: сделает всё, что нужно, что потребует от неё брат этого... Добьётся, чтобы Гэбриэла отпустили, а потом бросится из окна. Ничьей игрушкой она больше не будет! Возврата в Сады Мечты не будет, она этого не переживёт. Пусть на миг, но она одержит над ними верх, сотрёт усмешку с лица Хлоринга. Он ещё поймёт, что поступил подло и жестоко, только не будет ему покоя, никогда!

Комната была такой же роскошной, как и та, где она ужинала с Гаретом. Только накрытого стола не было. Мужчина, к которому её привели, сидел в кресле, накрытом медвежьей шкурой, спиной к ней, рука бессильно свесилась с подлокотника, голова откинута на спинку – Алиса видела только очень коротко стриженный затылок, чёрные волосы с седыми прядями у висков, и острое ухо. Полукровка... Ухо короче, чем у эльфа, почти человеческое, только острое. Конечно, ведь Гарет тоже полукровка... И вовсе не похож на чудовище, всё, что видела Алиса, было вполне привлекательным. Интересно, а его брат тоже похож на Гэбриэла? И может быть, удастся воззвать к его доброму сердцу, и... С этой мыслью Алиса, *бледна, покорна и горда*, легонько постучала по косяку, чтобы дать знать о себе. Сидящий слегка качнул головой и спросил:

– Гарет? Это ты? – И от звука этого голоса Алиса вся оцепенела. Это не может быть, не может быть...

– Гэбриэл? – Спросила, шагнув в его сторону. Он повернулся, как ужаленный, Алиса встретила его взгляд – и бросилась к его ногам с отчаянным криком:

– Гэбриэл, прости меня, прости!!!

Он наклонился к ней, не веря своим глазам, губы шевелились в беззвучном: «Алиса...». Подняв на него взгляд, Алиса всё прочла на его лице, и, плача и смеясь, повисла у него на шее. Гэбриэл прижал её к себе так, что она вообще исчезла в его объятиях на какое-то время, но не слишком на долгое, потому, что Гэбриэлу необходимо было смотреть на неё, трогать, целовать, перебирать стриженные кудри, гладить лицо, снова целовать... Она тоже разглядывала его, удивляясь и восхищаясь, целовала, гладила...

– У тебя веснушки! – Хихикала сквозь счастливые слёзы. – Ты такой... красивый!!! Гэбриэл! Мой Гэбриэл... Живой!!!

– Солнышко! – Счастливо улыбался он, и Алиса впервые видела его улыбку. – Какая ты прекрасная... Ты снова светишься, маленькая моя!

– Прости меня! – Вновь просила она, и он возражал:

– Это ты меня прости, придурка, я совсем тогда развалился на куски, сам не понимал, что делаю... Сколько я думал о тебе, сколько я жалел, что не поцеловал тебя, ты бы только знала! –

И тут же исправлял это упущение, всё жарче, всё настойчивее. Алиса помогла ему снять с себя платье – у него не было пока нужного навыка, он даже не знал, как оно держится, где расстёгивается, как развязывается, – и Гэбриэл совсем потерял голову, увидев её грудь. Алиса сама сходила с ума от его близости, его тепла, его запаха. Его короткие волосы на затылке, жёсткие и такие... мужские! Шептала, задышавшись:

– Гэбриэл... Гэбриэл... – Падая на шкуру, постеленную поверх ковра у камина, обвивая его руками и ногами. Они так изголодались друг по другу, что им было не до ласк, не до игры. Они набросились друг на друга, дрожа в любовной лихорадке, беспорядочно целуя друг друга, шаря друг по другу руками, тяжело дыша со стонами и вскрикиваниями... Замерли, крепко прижавшись друг к другу с бурно бьющимися сердцами, пока дыхание не выровнялось и сердца не присмирели. И только после этого пришло время ласк, тихого шёпота, нежных поцелуев и любви.

– Мы можем не шептаться... – Шептал Гэбриэл, любуясь отсветами огня из камина на её лице и целуя её. – Мы теперь в безопасности и никто нас не тронет...

– Я привыкла. – Отвечала Алиса так же шёпотом. – Мне так хорошо с тобой. Я так счастлива... Я так по тебе тосковала, так тосковала! Я знаю, ты был ранен, ты меня звал... А я не знала, где ты, не могла тебя найти!

– Я тоже боялся за тебя. Я каждый день, каждую минуту за тебя боялся. У меня сейчас такое облегчение, ты не представляешь, у меня словно... камень свалился с души, мне так хорошо, так свободно... Иво бы ещё найти...

– С ним всё в порядке, он в Гранствилл поехал, ему Марта и Нэш поручения дали, и о тебе он хотел узнать... Он у сестры Марты, завтра ты его найдёшь!

– Слава Богу! – Смеялся тихо Гэбриэл, глаза сияли. Никогда Алиса не видела у него такого взгляда, никогда прежде не видела его улыбки! И как же она ей нравилась! Прежде, даже нежный, взгляд его был полон усталого и холодного напряжения; губы вздрагивали и слегка изгибались порой, но он не улыбался...

– Как хорошо... – Целовала его Алиса. – Как хорошо! – Они перевернулись так, что она очутилась сверху, и на время опять забыли обо всём на свете, кроме своей любви. В свете огня свечей и камина Алиса была так прекрасна, что у Гэбриэла сердце сжималось и рвалось из груди, он задышался, не в силах сам поверить, что эта девушка принадлежит ему, что они наконец-то вместе, столько вытерпев, столько пройдя! Она выгибалась и запрокидывалась от наслаждения, стонала, лицо искажалось от страсти, становясь ещё прекраснее, если только это возможно. Он кричал с ней вместе, теряя чувство реальности, проваливаясь в пучину безумного наслаждения, и всплывая оттуда, мокрый, опустошённый, счастливый, улыбаясь чуть дрожащими губами, ловя её дрожащие губы, целуя влажные, дивно пахнущие плечи и ключицы, запуская дрожащие пальцы в мягкие волосы...

– Ты такая же ненасытная, как и я. – Сказал, когда за окном забрезжил рассвет. Они уже переместились в постель, и лежали поверх безнадёжно сбитого покрывала, на скомканных простынях, обессиленные, счастливые, переплетя пальцы.

– Я просто очень-очень тебя люблю. – В тысячный раз произнесла Алиса, с обожанием глядя на него.

– Я тоже люблю тебя. – В тысяча первый раз сообщил Гэбриэл, глядя на неё точно так же.

– А ты представляешь, – хихикнула Алиса, – сэр Гарет обманул меня. Сказал, что здесь меня ждёт его брат, и я должна ублажить его, чтобы они тебя не тронули!

– Ну... он не обманул. – Признался Гэбриэл. – Мы братья. Близнецы.

– Что?! – Глаза Алисы широко распахнулись, губы приоткрылись. – Гэбриэл, но он же такой знатный, и богатый, и...

– Ну, – довольно усмехнулся Гэбриэл, – типа того. Я тоже, этот, как его... граф. Теперь. – Добавил справедливости ради. Алиса села, прижав руки к груди.

– А я? – Спросила испуганно.

– А ты моя невеста.

– Но разве тебе позволят жениться на мне?! Я же никто... Ой! – До неё вдруг дошло. – Вот почему он заставил меня ужинать с ним, и говорил со мной так... Он проверял... проверял, достойна ли я... Я всё-таки сдала этот экзамен! – Она истерично засмеялась, слёзы хлынули из глаз. – Я всё-таки... Боже мой, это всё-таки случилось! После всего... всего... – Бурно зарыдала, и Гэбриэл, пока ещё не понимая, ласково прижал её к себе, успокаивая.

– Я ехала... ехала... – Вздрагивала она, крепко вцепившись в него, – и переживала, хорошо ли я всё выучила, смогу ли я... понравиться тому, к кому меня везут?.. А он взял, изнасиловал меня и... И я так страдала... Мне было так... больно, когда я думала про свои переживания... Мне казалось, что это так глупо было, так... жалко! А это всё-таки случилось! – Она подняла к Гэбриэлу заплаканное лицо. – Но как ты думаешь, я справилась?! Он ничего мне не сказал, просто привёл сюда, и так посмеялся надо мной! Нет, правда! Мне было так плохо, я думала, что мне придётся, как в Садах Мечты, кому-то... А он смеялся, сказал, что я спасибо ему скажу! Ох, Гэбриэл, и я ведь скажу! Я... я его стукну! – Воскликнула, вспыхнув. – Честное слово, хоть он твой брат, и такой знатный, я стукну его, честно-честно! Он... он... – Засмеялась, увидев улыбку Гэбриэла.

– Маленький мой храбрый человечек! – С нежностью поцеловал он её. – Я так счастлив! Я и не знал, не думал, что так скоро тебя увижу. А брат, значит, проверку тебе устроил? Как будто, если б ты её не прошла, это что-то изменило бы!

– Нет? – Спросила Алиса. – Не изменило бы? Ты бы всё равно не отказался от меня?

– Никогда. – Перестал он улыбаться. – Ты моя жизнь, моё сердце... Твоё тело – мой рай. Я живу и счастлив, только когда у меня есть ты. Тебя не было, и всё было наполовину: радость от свободы, радость первых дней под открытым небом. Я радовался, но и тосковал по тебе. Знаешь, чем мне было лучше, тем сильнее ты мне была нужна – разделить эту радость с тобой, показать тебе то, что меня так восхищало, просто посидеть с тобой на берегу речки, чтобы ты видела то же, что и я... Чтобы тоже была счастлива! И здесь всё это мне было бы не в радость, если б я не мог тебя порадовать. Всё, что ты хочешь, любые... вещи, которые женщины любят, и... Ой! – Он вскочил, зацепившись за покрывало, метнулся к своей одежде, стянув его на пол, стряхнул с ноги с досадливым возгласом, нашёл мешочек с кольцом, вытряхнул его на ладонь, протянул Алисе:

– Это тебе, солнышко.

Кольцо сияло мягким волшебным светом, бросая отсветы огня и крови на их руки и лица, искристые льдистые блики играли в этом сиянии, дробя его и делая ещё волшебнее.

– Ой... – Прошептала Алиса, нерешительно принимая кольцо. – Это... это так прекрасно, Гэбриэл! Где ты его взял?!

– Не поверишь – нашёл, в домике таком, там статуя ещё лежит, её зовут Мёртвая Королева. Оно такое простенькое было, а как я его в руки взял, оно засияло.

– Спасибо. – Шёпотом поблагодарила Алиса, ошеломлённая, счастливая – у неё никогда не было таких прекрасных вещей! – Оно волшебное, правда?

– Ну, я думаю, да. Я думаю, – смущённо признался он, – только ты не смейся, хорошо? – теперь вот думаю, что оно мне на тебя показывало, а я, дурачок деревенский, не понимал. Ну, понимаешь, оно как-то так вспыхнуло, когда я его взял, и того, погасло. А пока я с руссами сюда ехал, мне почудилось, что в нём огонёчек загорается, всё ярче и ярче. А здесь и вовсе, смотри, что происходит! Значит, мы с тобой никогда друг друга не потеряем больше, если ты его носить всё время будешь.

– Смотри, оно как раз для меня! – Обрадовалась Алиса: кольцо скользнуло на её тоненький пальчик, как будто было создано именно для неё. – Ой, как красиво... – Она отвела руку

подальше, любуясь колечком и своими пальчиками так, словно поступала так всегда, и Гэбриэл с гордой нежностью наблюдал за этим.

– У тебя будет много таких. – Пообещал он. – У тебя всё-всё будет, чего пожелаешь. Я только одного хочу: чтобы ты была счастлива, хочу тебя баловать, хочу... всё-всё тебе дать. И ты даже не представляешь, какое счастье это будет для меня!

– Ты самый хороший, Гэбриэл. – Алиса потянулась и поцеловала его, вновь обвивая руками его шею и прижимаясь всем телом, трепет и жар которого мгновенно нашли отклик в его теле. Он отвык от такого долгого воздержания, как и Иво, вообще отвык отказывать себе в этом удовольствии, и теперь не мог насытиться. Он уже устал, уже с трудом открывал глаза, и всё равно хотел, всё равно сливался с Алисой в неторопливом, нежном слиянии. Какая ещё женщина могла быть такой для него? Она ничего не стыдилась, ничего не боялась, принимала его со всеми шрамами на теле и в душе, касалась любой части его тела и рукой, и губами без тени смущения, с готовностью откликалась на любое его желание... На рассвете пошёл спокойный дождик, и они, наконец-то почти насытившись друг другом, уснули, обнявшись, под его нежный шелест – впервые спокойно уснули вместе, без страха перед пробуждением.

Глава третья Принц Элодисский

В эту ночь не спали не только Гэбриэл и Алиса. Не спал его высочество, встревоженный рассказом сына. Он заметил, что тот говорит неправду, и мучился, не зная, с чем это связано, и какая весть ожидает его утром следующего дня. Тиберий тоже вёл себя странно, и принц чувствовал себя раздражённым. Именно поэтому, боясь в раздражении сказать или сделать лишнее, он и делал вид, будто верит всем и не замечает странностей, но внутри был страшно напряжён.

Не спала Мина Мерфи, изо всех сил придумывая оправдания для своего любовника. Конечно же, он не поторопился к ней только потому, что был с братом! Не в силах оставаться одна, она пришла в комнату к Авроре, которая тоже не спала, расчёсывая волосы – этим девушка могла заниматься много часов подряд, – и присела к ней прямо на постель, чтобы обсудить неслыханное происшествие. И они долго и увлечённо рассуждали о том, на самом ли деле это пропавший брат, или очередной самозванец, и может ли самозванец, даже самый искусный, обмануть брата – близнеца?.. В целом, во всём замке люди не спали ещё очень долго, гадая, спрашивая тех, кто видел, как герцог вернулся в замок с братом, и с нетерпением ожидая утра. Не спала Глэдис, которая не смела помчаться без зова в покои герцога, но которая была просто сама не своя от волнения и нетерпения. И Гарет почти не спал. Его против воли волновали мысли о том, чем заняты брат и Алиса; он ломал голову над тем, как лучше поступить в их случае, но больше всего ему хотелось немедленно показать брату замок, похвастать своими трофеями, подарить ему коня – герцог уже выбрал ему этот подарок, молодого, всего пяти лет, отлично выезженного жеребца, самых чистых кровей и великолепной стати, – в общем, он был возбуждён, полон предвкушений, и спал плохо, и во сне продолжая разговаривать с братом. Проснувшись под шум дождя, он уснуть уже не смог, приказал накрыть стол для завтрака на три персоны и оставить его наедине с его гостями – чтобы ни одной души не было, – спустился в конюшню, приказал вычистить и приготовить коня для Гэбриэла, и, предвкушая радость и удивление брата, с радостью и удовлетворением сам какое-то время любовался конем: редкой мышастой масти, тёмным, но со светлыми гривой и хвостом, и с брызгами мелких светлых яблок по крупу, крупным, высоким в холке, способным нести высокого Гэбриэла, с изящной длинной мордой и длинными крепкими ногами. Гарет, вообще-то, выбирал его себе, но дарил брату с лёгким сердцем и искренней радостью в душе.

– Служи моему брату верно, Пепел. – Говорил, трепля его по гладкой крутой шее. – Сделай его счастливым, он это заслужил!

– Милорд, – рискнул подойти к нему с низким поклоном конюх, – так это правда, и ваш брат нашёлся? Весь замок только об этом и говорит!

– Да, Сэмюель, это чистая правда.

– Такая радость! – Прослезился конюх, прижимая к груди древко грабель. – Я ведь помню его, маленького, такой был хороший мальчик! Всюду хвостиком ходил за вами – вы-то, простите, милорд, были маленьким разбойником, заводилой, а он от вас ни на шаг не отставал, что вы, то и он... Что же с ним было, где он пропадал, милорд?!

Гарет за ночь сочинил для всех целую историю, и теперь решил обкатать её на конюхе.

– Вообще-то, Сэм, это не для всех. Он был членом банды на Севере. Кошек. Но всем мы скажем... что он просто попал к добрым людям на Севере и долго жил там, не помня своего дома.

– Конечно, милорд! – Просиял конюх. – Не стоит всем знать такие вещи... Вины-то его в этом нет, благослови его Бог, беднягу!

Гарет усмехнулся, когда конюх отошёл. Вот так. Сделать одну часть лжи тайной, прикрыв её вторым слоем лжи – и все охотно ей поверят. Если Сэм не разболтает, разболтает кто-то другой... Особенно, если устроить так, чтобы кто-то это подслушал. Или продал эту информацию за деньги любопытным. Банда – это, всё-таки, лучше, чем эти... Сады Мечты. Гарет вернулся в Рыцарскую башню, по главной, широкой, лестнице из Рыцарского зала поднялся в покои брата. Осторожно заглянул в приёмную. Он, конечно, не думал, что брат и Алиса расположились прямо у порога, на полу, но совсем исключать такую возможность было нельзя... К его огромному облегчению, приёмная, так же, как гостиная и столовая, были пусты. Гарет позвал слугу, велел прибрать, принести свежие цветы и лаванду с мятой и мелиссой – для аромата, поставить на столы вазы с апельсинами, виноградом и корицей, с теми же целями. Прогнал служанок, надеясь, что голоса и суэта разбудили Гэбриэла и Алису. Это было эгоистично, но он уже не в силах был ждать, да и к отцу надо было скоро идти. Тот уже присылал спросить, не прибыл ли Гэбриэл. Расчёт Гарета оправдался: через несколько минут из спальни осторожно выглянул Гэбриэл, увидел брата, улыбнулся:

– Ну, и перепугал ты нас! Алиса стесняется показываться...

– И правильно делает. Никто пока не должен её видеть. Пусть одевается и спускается ко мне по чёрной лестнице, по которой я вчера её привёл, а ты одевайся, и спускайся по главной. Я её встречу внизу.

– Почему? – Лицо и взгляд Гэбриэла стали жёсткими, подозрительными.

– Я внизу объясню, пока мы все трое завтракаем. Давай, я жду. – Он подмигнул брату, позабавившись его подозрительностью, но и учтя её. Алиса была ахиллесовой пятой Гэбриэла; следовало быть очень осторожным, имея дело с нею.

Спустилась она быстрее, чем Гарет ожидал, зная, как собираются другие дамы. Он встретил её у двери внизу, спросил весело:

– Ну, теперь-то признаешься, Рыжик, почему так упорно не хотела мне ничего про брата рассказывать?

Алиса густо покраснела:

– Я не знала... Думала, что вы его... что-нибудь с ним... сделаете.

– Но почему я должен был его обидеть?!

– Мы ведь сбежали... Тот человек был нашим господином, он... Наверное, имел право так с нами обращаться, ведь мы принадлежали ему. Я боялась, что, поймав нас, вы вернёте нас ему.

– Глупый ты Рыжик. – Серьёзно сказал Гарет. – Никто не имеет права так обращаться с разумным существом. Даже со скотиной не имеет. Узнав всю правду, я не только не отдал бы вас ему, я ещё и наказал бы его. Серьёзно наказал. Понимаешь?

Алиса с готовностью и облегчением кивнула. Гарет подал ей руку, и церемонно повёл к столу, у которого уже маялся Гэбриэл. Быстро взгляделся в лицо Алисы, брата, перевёл дух – вроде, всё хорошо... Алису Гарет усадил во главе стола, они с Гэбриэлом сели по обе стороны от неё, и она, слегка смутившись от такой чести, постаралась оправдать её.

– Ну, голубочки, – сказал Гарет, – будем обсуждать ваше будущее.

– А нечего обсуждать. – Гэбриэл взял руку Алисы в свою. – Она будет со мной, вот и всё. Если ей не найдётся здесь места, я тоже уйду, вот и всё.

– Рыжик, умоляю: заставь его немного помолчать и послушать меня. Ладно? – Взглянул на Алису Гарет. – Ты умница у нас, и...

– Я тоже не дурак! – Обиделся Гэбриэл. – Если ты собираешься убедить её бросить меня, якобы для моей же пользы, то знайте оба: я не отступлюсь! Даже если Алиса сама будет гнать меня, я зубами за неё буду держаться, но не отпущу и не отступлюсь! А если тайком сбежит... Пойду пешком её искать, она меня знает!

– Гэбриэл, – успокаивающе погладила его руку Алиса, – давай, послушаем?

– Спасибо. – Улыбнулся ей Гарет. – так вот. Сначала, уж простите меня, я не хотел даже, чтобы вы встретились. Хотел позаботиться о тебе, Алиса, устроить тебя в безопасности, но подальше от моего брата, а ему соврать, что ты умерла. Тихо, Младший! – Поднял он руку. – Это было до того, как я увидел твою спину и услышал твой рассказ. Я думал, что Алиса просто маленькая интриганка, которая вместе с евреями пытается играть на наших с отцом чувствах. Она же упёрлась рогом и ни в чём не сознавалась, а я вижу, когда мне лгут. Уже когда я увидел, что с тобой сделали, я подумал, что жена, которую мы с отцом тебе сосватаем, будет тебя презирать за то, что ты такой, как ты пока есть, и её оттолкнёт твоя спина, шрамы все эти. Что ты с нею вряд ли будешь счастлив. И с этих позиций Алиса для тебя была бы... скажем так: приемлемым вариантом. Если бы не одно «но». Будь ты, Гэбриэл, просто Джон из Белой Горки, а Алиса – Марта из Омок, всё было бы просто. Но ты не Джон, ты Гэбриэл Персиваль Хлоринг, второй сын его высочества, брат герцога Элодисского, племянник королевы, и у тебя есть ответственность и обязанности, одна из которых – служить примером для черни. Примером, младший! Мы являемся законом для наших подданных, но, чтобы они уважали наши законы, мы обязаны соблюдать их сами. И один из наших законов – это закон, запрещающий нам жениться на простолюдинах. Вплоть до изгнания.

– Так изгоняй, в чём проблема? – Фыркнул Гэбриэл.

– О, Господи. – Поднял глаза вверх Гарет. – Дай мне сил. Сначала скажи, ты намерен жениться на ней?

– Это не обязательно! – Встрепенулась Алиса. – Мы могли бы просто жить вместе...

– То есть, ты согласна быть просто постельной грелкой в его покоях? – Уточнил Гарет. Алиса покраснела, Гэбриэл гневно сверкнул глазами:

– Ты слова выбирай!

– Я-то выберу. В самом деле, это был бы самый простой выход: милорду полюбилась красивая кватроночка, он взял её к себе, это, в самом деле, нормально и часто происходит. Такие грелочки порой влиятельнее жён. Но сможешь ты терпеть презрение, которое будут выказывать Алисе даже простые служанки? Женская война, младший, это такая вещь, где мужчина проигрывает в первый же момент, по умолчанию, без вариантов. Это как с мечом против мух – толку ноль. А Алиса? Она формально не будет иметь прав ни на что, даже сидеть с тобой за одним столом. Ты, конечно, можешь, наплевав на всех, усадить её хоть на трон, но ей жестоко отплатят за это, и так хитро, что ничего не сделаешь ни ты, ни я, никто. Ты понимаешь?

– Нет.

– Я понимаю. – Сказала Алиса.

– Отлично. Я полюбил тебя, Рыжик, потому и затеял весь этот разговор здесь и сейчас. Ещё раз объясню тебе – потому, что младший безнадёжен, – что мною движет. Ты как раз такая

жена, которая ему нужна. Он невежественный, неотёсанный, грубоватый, прости, младший, но ты сам знаешь, что я прав. Это не его вина, к тому же, это поправимо, но если сейчас его, такого, как есть, сосватать с нашей ровней, она будет презирать его. А он заслуживает уважения и любви, которые ты, Алиса, к нему питаешь – я прав?

– Да! – Воскликнула Алиса от всего сердца.

– Питаешь, не смотря на то, что сама обладаешь манерами и образованием, достойными любой принцессы, и это прекрасно и крайне полезно для него. Ты способна помочь ему избавиться от дурных манер, не оскорбляя его; и ты, я надеюсь, сделаешь это, и с этой позиции ты уже не просто приемлемый вариант – ты вариант идеальный. Ему не придётся скрывать от тебя своё прошлое, как неизбежно пришлось бы с другой женой, не придётся закрыть от тебя свою душу и сердце. Вот, я всё объяснил, и надеюсь, ты поняла меня и веришь мне.

– Я поняла. – Быстро кивнула она, ласково сжала руку Гэбриэла, который слегка оттаял, продолжив внимательно слушать брата.

– Отлично. Вот мы и подошли к самому сложному. Закон-то остаётся в силе. Ты – сирота, подкидыш неизвестного рода – племени, и к тому же неведомо, как попала в замок и уже ночуешь у Гэбриэла, то есть, узнай кто об этом, и твоей чести как ни бывало. А позволить брату жениться на обещанной девушке я не могу ни в каком случае.

– Но я уже... – Покраснев, опустила голову Алиса. – В Садах Мечты я...

– Забудь об этом. – Решительно произнёс Гарет. – Я видел вчера, чего тебе стоило согласиться, как ты думала, на новое бесчестье ради Гэбриэла. Я не издевался над тобой, как ты, может, подумала, я испытывал тебя, и испытание ты прошла с честью, я первый обнажу меч против любого, кто посмеет усомниться в твоих чистоте и целомудрии. Я говорю об общественном порицании, не о себе. В глазах всего мира ты должна быть безупречна, и вот тут у нас есть определённые трудности. Ты должна заново появиться в замке со всеми подобающими церемониями. Ты – сирота, бесприданница, но древнего обедневшего рода, твоим опекуном был барон Драйвер, который собирался бесчестно поступить с тобой, но ты сбежала от него и спряталась в монастыре, у моей молочной сестры, Герды – Герда добрая душа и сделает так, как надо, и скажет, если потребуется, всё, что надо.

– И мне придётся лгать? – Печально спросила Алиса.

– Нет. – Покачал головой Гарет. – Кроме побега и монастыря – ничего не придётся придумывать. Говори чистую правду: как воспитывалась в Ашфилде, как тебя всю жизнь кормили сказками про твоего доброго и великодушного опекуна. Про то, как он собирался поступить с тобой. Понимаешь?.. Говори, что не знаешь, кто твои родители, говори всё, как есть. Я подыщу тебе какую-нибудь обедневшую, но достойную семью, с норвежскими корнями, из тех, кто пришёл на Остров с Бьёргом Чёрным – пороюсь в архивах. Чтобы происхождение твоё было достаточно благородным и древним для того, чтобы стать супругой Хлоринга. Тиберия подключу – он человек надёжный и верный, так не бывает, но это так. А все древние семьи королевства, кто с кем в родстве, кто откуда, кто сейчас где, он знает назубок. Он тебе даже герб откопает. Ты молчи только об одном: что этот глист не только собирался, он и поступил с тобой бесчестно. Потому, что во втором случае твой брак с Гэбриэлом в глазах всех будет... Как бы это сказать... Во-первых, его собственная странная история, во-вторых – обещанная невеста...

– А мне плевать! – Вновь вскинулся Гэбриэл, и вновь Алиса остановила его:

– Гэбриэл, милый, он прав. – Глаза её увлажнились от слёз. – Я знаю, что не виновата, и всё-таки мне стыдно, мне так стыдно! Когда я о нём думаю, я чувствую себя грязной... Зло ведь не в том, что он сделал с моим телом, зло в том, что он меня унизил, понимаешь?!.. И если все вокруг будут знать, мне никогда не избавиться от чувства унижения, а я не хочу, чтобы тебе приходилось постоянно бороться с предвзятостью других людей, враждовать с кем-то из-

за меня! Пусть всё будет так, как говорит твой брат. Он знает этот мир, а мы нет. Он хочет нам помочь, и лучше нас с тобой знает, как это сделать.

– Рыжик, – поцеловал ей руку Гарет, – ты просто чудо! Младший, ей-Богу, ты словно бык перед красной тряпкой, глаза кровью налились, и плевать на всё, затопчу и забодаю! Смотри на свою невесту, и послушай хотя бы её! Продолжим? – Алиса кивнула, вновь накрыв ладошкой руку Гэбриэла, который то и дело стискивал пальцы в кулак, но молчал.

– В монастыре Герда как бы убедила тебя обратиться к принцу Элодисскому, за помощью и убежищем. Отец примет тебя обязательно, он никогда не оставляет без внимания просьбы о помощи от сирот и бесприданниц. Мы в этом вообще никак замешаны не будем – мы о тебе ничего не знаем, всё должно произойти без нашего участия. От твоего лица Герда обратится к верному человеку... Я ещё не придумал, к какому...

– К Нэшу! – Воскликнула Алиса. – Это такой добрый и хороший человек! Он спас нас с Иво, привёл нас в Блумсберри, поселил у себя и защищал нас!

– Отлично! – Обрадовался Гарет. – То, что нужно! Старый друг твоего отца, качал тебя на руках, когда ты была малюткой, как-то так... Чёрт, это риск, но пойти на него придётся.

– Почему? – Гэбриэл слушал напряжённо, боясь пропустить хоть слово или чего-то не понять. Ведь решалась судьба его солнышка и их будущего!

– Доверив ему такую тайну, мы попадаем в зависимость от его порядочности и умения молчать... Но с этим справится наше золото, а если не поможет – то и меч. – Он засмеялся, увидев ужас в глазах Алисы:

– Не бойся, Рыжик, до этого вряд ли дойдёт. Что хорошо с этим Нэшем – он никак с нами не связан.

– А Хэ? – Продолжая напряжённо слушать и так же напряжённо думать, спросил Гэбриэл. – Он ведь может всё это опровергнуть?

– И окажется по уши в дерьме. – По-волчьи оскалился Гарет. – Пусть только вякнет что-то в опровержение, и мы возьмём его за жопу так, что он уже не соскочит. Опровергнет – мы вызовем его в суд, а суда ему не надо, он не идиот. Поверь, он предпочтёт отмазаться, соврёт что-нибудь типа: она что-то не так поняла, девичья истерика, то, сё... Худшее, что он может сказать – это что он не знает никакой Алисы, но это будет уже мой козырь. Получится слово благородной незащитной сироты против его слова, и тогда я от её лица вызову его на Божий Суд и убью. И вы даже не представляете, с каким наслаждением я это сделаю!

– Что такое Божий Суд? – Спросил Гэбриэл. В глазах Алисы тоже был вопрос.

– Это единственная и последняя возможность для человека доказать свою правоту, если всё против него. – Сказал Гарет. – Допустим, вот эта ситуация: он обесчестил девушку, а потом отказался от всего, даже от того, что знает её, отмазался, и свидетелей подкупленных привёл, которые не только доказали, что он её никогда не видел, но даже поклялись на Библии, что сами с нею спали. Поверьте, и такое бывает. И единственное, что может в таком случае девушка – это потребовать Божьего Суда. Чтобы кто-нибудь от её лица выступил на ристалище, сразившись с обидчиком. Если Бог за неё, её представитель победит. И это не только девушки касается, теоретически, это кто угодно может потребовать, я имею в виду человека благородного происхождения. Я, например, если меня подставят и подтасуют показания и факты. Божий Суд только доминиканцы не признают, твари лицемерные, и их инквизиция, если речь о еретиках или кого они считают таковыми. Вообще-то, – усмехнулся он, – это не суд, и никакой справедливостью тут, конечно, не пахнет. Кто сильнее, тот и прав. Но в нашем случае, сильнее однозначно я, и Драйвер этого не понимать не может. Я с самого своего возвращения на Остров оскорблял его и прямо, и косвенно, не выбирал слов, когда о нём речь заходила, и что вы думаете?... Он меня прощает. Трусливый ублюдок! Он в своё время дрался с нашим отцом, из-за мамы, и отец его победил... Так Драйвер, сука трусливая, в ногах у него валялся, прощение вымаливая, Тиберий рассказывал – слезами, соплями захлёбывался, чуть ли не землю жрал...

Поэтому о нём не беспокойтесь. Если он хоть крупицу мозгов в головёнке своей имеет, он и не рыпнется. А если рыпнется – я его убью в тот же миг.

Гэбриэл нахмурился. Он давно понял, что Драйвер трус, но как же сейчас ему тошно было думать, что этот трус и червяк имел над ним такую власть! Алиса была права: наихудшим были не физические страдания. И даже не насилие само по себе. Худшим было унижение.

А Гарет продолжал:

– В монастырь тебя отвезёт Марчелло, а заберёт оттуда Нэш. Здесь ты войдёшь в свиту Габи, нашей кузины, познакомишься – формально, – с моим братом, он начнёт ухаживать за тобой, сделает тебе предложение, и вуаля: вы женаты, никто не пострадал, все формальности соблюдены. На всё это уйдёт не больше пары месяцев; не сверкай глазами, младший – это необходимо, чтобы потом жить долго и счастливо и не расстаться до самой смерти. Есть ещё одна опасность, но с нею мы как-нибудь... справимся.

– Какая? – напряжённо спросил Гэбриэл.

– Драйвер прямо выступить не посмеет, но сплетню какую-нибудь пустить способен. Надо будет так отточить её легенду, чтобы комар носа не просунул. Только самые надёжные люди в этом должны участвовать, мой Марчелло, Глэдис, сестра Герда... Ну, и Алиса должна быть безупречна и строго придерживаться нашей версии, вплоть до мельчайших деталей. Пока она будет ждать Нэша в монастыре, я какие-нибудь для неё документы сделаю, грамоту с печатями, в нашей сокровищнице какие-нибудь фамильные цапки подберу... Остальное – от тебя зависит. Справишься, Рыжик?

– Да. – Просто ответила Алиса. Гэбриэл растерянно взглянул на неё:

– Опять... Расстаться?!

– Он прав, Гэбриэл – так нужно. – Нежно произнесла она. – Всё будет хорошо. Я не боюсь.

– Умница. – Вновь поцеловал Гарет её руку, спрятал её, такую маленькую, в своих больших ладонях. – Глэдис купит тебе всё, что нужно бедной, но знатной девушке, и поможет со сборами.

– Уже? – Испугался Гэбриэл.

– Чем быстрее, тем меньше опасность, что кто-то пронюхает о ней, во-первых, и тем быстрее она вернётся, во-вторых.

– Я не умею верхом ездить. – Призналась Алиса.

– Поедешь с Марчелло. – Гарет встал. – Переоденешься мальчиком, мальчик из тебя отличный! Марчелло проследит, чтобы тебя никто не рассмотрел, и не узнал потом. Прощайтесь, только не тяните – нам с младшим идти к отцу. Пора, Гэри. Переодевайся.

– Я не хочу тебя отпускать. – Растерянно произнёс Гэбриэл, едва они остались одни.

– Гэбриэл, он прав: так надо! Так будет лучше. Я бы вытерпела и презрение ради тебя...

– Ну, уж нет! – тут решительно воспротивился Гэбриэл. – А я – нет! Пусть мухи, но хоть парочку, но я мечом бы посшибал!

– Вот поэтому надо сделать так, как говорит твой брат. Он хороший, почти, как ты. И ты слышал – он сказал, что я не уступлю принцессе!

– Но я опять тебя столько не увижу...

– Я тоже буду скучать. – Алиса погладила его лицо, коснулась пальчиками губ. – Но это для того, чтобы навсегда-навсегда быть вместе, и я потерплю. Я теперь знаю, что ты жив, что ты с братом... А ты знаешь, что жива я. Это же совсем другое дело, правда?... И к тому же... – Бесёнком улыбнулась она, глаза блеснули золотой искрой, – в этот раз ты меня поцелуешь?..

– Тысячу раз! – Задохнулся он, – тысячу... миллион раз, солнышко моё!

Прощаясь, нужно было столько друг другу сказать! К тому же, Гэбриэлу нужно было переодеться, и Алиса с чисто женским восторгом рассматривала одежду Гэбриэла, ткани, каких

и не видела никогда, примеряла на себя камзолы, в которых могла завернуться вся несколько раз, звонко хохоча и дурачась к безграничному восторгу Гэбриэла. В её непосредственности был шик, который не давал ей выглядеть при этом ни нелепой, ни смешной; она была такой очаровательной во всём!

– Я бы прямо щас тебе надарил всего-всего. – Говорил Гэбриэл, с нежностью глядя на неё. – Но Гарет говорит, что рано, что надо официально чтобы, да. Не знаю, на фига сложно так, но раз надо, так надо... – Он покорно позволил Алисе выбрать сорочку, жилет и сапоги, в которых он пойдёт знакомиться с отцом. – Я верю, что это для нас с тобой, иначе не согласился бы ни за что. – Задрал подбородок, позволяя Алисе колдовать над воротником его сорочки.

– ...и вот так! – Алиса расправила воротник, отступила, любуясь им. – Ты такой красивый!

– Угу. – Скривился Гэбриэл. – Вот Гарет, он красивый. А я... Все, кто моё тело без одежды видит, в ужас приходят. Я уж как-то даже психовать начинаю.

Алиса даже порозовела от негодования:

– И ты переживаешь из-за этого?! Ты прекрасный, Гэбриэл, и не думай о всяких глупых людях!

– Ты правда так думаешь? – С надеждой взглянул на Алису Гэбриэл. – Мне, так-то, плевать на всех, но ты, солнышко, ты для меня всё, ты же знаешь. Тебе не стрёмно на меня смотреть?

– Ты иногда такой глупенький, Гэбриэл. – С видом такого превосходства вздохнула маленькая Алиса! – Ну, сколько можно тебе говорить, что ты прекрасный, ты самый лучший?! – Она обхватила его лицо руками, звонко расцеловала и затанцевала по комнате, давая Гэбриэлу возможность насладиться своей грацией:

– Как мне здесь нравится, ах, как мне здесь нравится! Гэбриэл! Здесь так красиво! Все эти вещи, – девушка, танцующая, касалась руками статуэток, панелей, мебели, – вся эта красота, ах, как это чудесно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.